

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

КАФЕДРА СТИЛИСТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

ISSN 2312-9751

Ежегодный международный научный журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

№ 1

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Москва 2015

Редакционный совет:

- глава редакционного совета – д-р филол. наук, профессор Е. Л. Вартанова
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
- д-р филол. наук, профессор Г. Я. Солганик
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
- д-р филол. наук, профессор Д. Бжозовска (Опольский университет, Польша);
- д-р филол. наук, профессор Т. А. Воронцова
(Челябинский государственный университет);
- д-р филол. наук, профессор С. Гайда (Опольский университет, Польша);
- д-р филол. наук, профессор Я. Гоффманнова (Академия наук Чешской Республики);
- д-р филол. наук, профессор В. И. Ивченков (Белорусский государственный университет);
- д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
- д-р филол. наук, профессор В. И. Коньков
(Санкт-Петербургский государственный университет);
- д-р филол. наук, профессор Т. В. Кузнецова
(Национальный университет «Одесская юридическая академия», Украина);
- д-р филол. наук, профессор Е. Малиновская (Опольский университет, Польша);
- д-р филол. наук, профессор П. Мареш
(Университет Карла в Праге, Чешская Республика);
- д-р филол. наук, профессор П. Меич (Университет Мостар, Босния и Герцеговина);
- д-р филол. наук, профессор О. Оргонёва
(Университет имени Коменского в Братиславе, Словакия);
- д-р филол. наук, профессор Л. Тантуровска
(Институт «Крсте Мисирков», Скопье, Македония);
- д-р филол. наук, профессор Б. Тошович (Университет Карла и Франца в Граце, Австрия).

Редакционная коллегия:

- д-р филол. наук, профессор Г. Я. Солганик (главный редактор);
- канд. филол. наук, доцент С. Ф. Барышева (ответственный секретарь);
- канд. филол. наук, доцент Н. Н. Василькова (заведующий редакцией);
- канд. филол. наук, доцент И. А. Вещикова;
- канд. филол. наук, доцент Н. Н. Вольская;
- канд. филол. наук, доцент Е. К. Гурова (заместитель главного редактора);
- канд. филол. наук, доцент Л. Т. Касперова;
- д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина (заместитель главного редактора);
- канд. филол. наук, доцент Л. Е. Малыгина;
- канд. филол. наук, доцент А. В. Николаева;
- Н. А. Примаченко;
- канд. филол. наук, доцент Н. В. Смирнова (шеф-редактор);
- канд. филол. наук, доцент Т. И. Сурикова;
- Л. Я. Шнейберг.

Контактная информация: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9

Электронный адрес редакции: apstil@yandex.ru

Все материалы рецензируются.

© Актуальные проблемы стилистики. Все права защищены.

Editorial Council:

Vartanova E. L., Chair of Editorial Council, Doctor of Philology, Professor
(Lomonosov Moscow State University);

Solganik G. Y., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);

Brzozowska D., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);

Gajda S., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);

Hoffmannová J., Doctor of Philology, Professor (Academy of Sciences of the Czech Republic);

Ivchenkov V. I., Doctor of Philology, Professor (Belarusian State University);

Klushina N. I., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);

Konkov V. I., Doctor of Philology, Professor (St.-Petersburg State University);

Kuznetsova T. V., Doctor of Philology, Professor

(National University „Odesa Law Academy”, Ukraine);

Malinowska E., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);

Mareš P., Doctor of Philology, Professor (Charles University in Prague, Czech Republic);

Meić P., Doctor of Philology, Professor (University of Mostar, Bosnia and Herzegovina);

Orgoňová O., Doctor of Philology, Professor (Comenius University in Bratislava, Slovakia);

Tanturovska L., Doctor of Philology, Professor (Institute “Krstе Misirkov”, Skopje, Macedonia);

Tošović B., Doctor of Philology, Professor (University of Graz, Austria);

Vorontsova T. A., Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University).

Editorial Board:

Solganik G. Y., Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Professor;

Barysheva S. F., Executive Secretary, Candidate of Philology, Associate Professor;

Gurova E. K., Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Associate Professor;

Kasperova L. T., Candidate of Philology, Associate Professor;

Klushina N. I., Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Professor;

Malygina L. E., Candidate of Philology, Associate Professor;

Nikolaeva A. V., Candidate of Philology, Associate Professor;

Primachenko N. A.;

Shneiberg L. Y.;

Smirnova N. V., Managing Editor, Candidate of Philology, Associate Professor;

Surikova T. I., Candidate of Philology, Associate Professor;

Vasilkova N. N., Head of Editorial Board, Candidate of Philology, Associate Professor;

Veshchikova I. A., Candidate of Philology, Associate Professor;

Volskaya N. N., Candidate of Philology, Associate Professor.

Contact information: 9 Mokhovaya Street, 125009, Moscow

E-mail: apstil@yandex.ru

All articles are refereed.

© Actual Problems of Stylistics. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово главы редакционного совета 7

От редакционной коллегии 8

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКИ

Гайда С. Актуальные задачи стилистики 11

Солганик Г. Я. Звучание и значение 22

Тошович Б. Интернет как стилистическое пространство 27

Коньков В. И. Слово живое и мертвое (о двух коммуникативных типах речи) 36

Клушина Н. И. Современная стилистика: проблемы и перспективы 44

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

Гоффманнова Я. Концепция стилеобразующих факторов
и возможности ее модификации в настоящее время 51

Малиновская Е. Особенности официально-делового стиля 58

Мареш П. Дифференциация языка и стилевое построение чешских текстов 65

Воронцова Т. А. Функциональная стилистика vs дискурсология
или функциональная стилистика + дискурсология? 71

ПРАГМАСТИЛИСТИКА

Безуглая Л. Р. Функционализм в лингвистике 79

Киклевич А. Речевые акты и информационный обмен 88

Brzozowska D. Chinese in the Polish public space 100

МЕДИАСТИЛИСТИКА

Сурикова Т. И. Лингвистическая этика как критерий оценки
речевой деятельности в дискурсе СМИ и направление исследований 109

Вониш А. Диминутивы и аугментативы в австрийских немецкоязычных
и русскоязычных СМИ 118

СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Барышева С. Ф. Фоностилистика художественной
и нехудожественной речи Ф. Г. Раневской 129

Касперова Л. Т. О природе творчества 134

Смирнова Н. В. Неклассическая интродукция как средство преодоления
линейности текста (на материале рассказа В. В. Набокова «Круг») 142

ИСТОРИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Василькова Н. Н. Путь истинного ученого: В. П. Вомперский 151

Мещ П. Станислав Шимич – о языке и стиле 155

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Малыгина Л. Е. Московская школа стилистики: традиции и современность 163

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

Отчет о деятельности Стилистической комиссии за 2014 год 169

Сведения об авторах 171

CONTENTS

Editorial Council Chair's opening speech	7
On the part of the Editorial Board	8
GENERAL PROBLEMS OF MODERN STYLISTICS	
<i>Gajda S.</i> Current tasks for stylistics	11
<i>Sołganik G. Y.</i> Sound and meaning	22
<i>Tošović B.</i> Internet as a stylistic space	27
<i>Konkov V. I.</i> Two types of communicative speech	36
<i>Klushina N. I.</i> Modern stylistics. The problems and perspectives	44
FUNCTIONAL STYLISTICS	
<i>Hoffmannová J.</i> The concept of style-forming factors and the potential for their contemporary modification	51
<i>Malinowska E.</i> Features of official style	58
<i>Mareš P.</i> The differentiation of language and the stylistic formation of Czech texts	65
<i>Vorontsova T. A.</i> Functional stylistics <i>vs</i> discourse studies or functional stylistics + discourse studies?	71
PRAGMASTYLISTICS	
<i>Bezugla L. R.</i> Functionalism in linguistics	79
<i>Kiklevich A.</i> Speech acts and information exchange	88
<i>Brzozowska D.</i> Chinese in the Polish public space	100
MEDIA STYLISTICS	
<i>Surikova T. I.</i> Linguistic ethics as an evaluation criterion of verbal activities in the mass media discourse and the line of research	109
<i>Wonisch A.</i> Diminutive and augmentative in Austrian mass media in German and Russian language	118
LITERARY STYLISTICS	
<i>Barysheva S. F.</i> Phonostylistics of artistic and everyday speech of Faina G. Ranevskaya	129
<i>Kasperova L. T.</i> On the nature of creativity	134
<i>Smirnova N. V.</i> Non-classical introduction as an instrument to overcome the text linearity (based on Vladimir Nabokov's story "The circle")	142
THE HISTORY OF STYLISTICS	
<i>Vasilkova N. N.</i> The path of the true scientist: V. P. Vompersky	151
<i>Meić P.</i> Stanislav Šimić about language and style	155
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Malygina L. E.</i> Moscow Stylistics School: tradition and modernity	163
STYLISTIC COMMISSION OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS	
Stylistic Commission activity report, 2014	169
Information about the authors	171

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГЛАВЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Журнал «Актуальные проблемы стилистики» призван решать очень важную задачу объединения российских и зарубежных исследователей, занимающихся вопросами стилистики. Развитие этого направления науки в современном мире востребовано как никогда. Процессы глобализации, стирающие национальные различия, унифицируют в том числе и культурное, ментальное пространство. И только язык сохраняет самобытность нации, формирует и поддерживает ее идентичность.

Журнал не случайно издается на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Здесь активно развивается известная в России и за рубежом Московская школа стилистики. Ее корифеи – К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь, В. П. Вомперский, Н. Н. Кохтев, И. В. Толстой, С. В. Светлана-Толстая и многие другие – заложили основы современной русской стилистики, риторики и культуры речи. Сегодня эта школа, возглавляемая профессором Г. Я. Солгаником, активно разрабатывает актуальные проблемы русского языка. Представители Московской школы деятельно участвуют в работе Стилистической комиссии Международного комитета славистов, тесно взаимодействуя с учеными из разных университетов Европы.

Именно факультет журналистики МГУ определил еще один важный вектор лингвистических исследований Московской школы стилистики – язык СМИ. Язык СМИ сегодня – ключевое направление академической науки, потому что, с одной стороны, это инструмент журналистов, создающих тексты, а с другой – это та сфера культурной коммуникации, благодаря которой в социуме происходит взаимодействие разных групп и разных сообществ. Язык стал для многих ключевым объединяющим фактором. Когда разнятся политические ценности, уровень экономического развития, культурные представления, особенно возрастает роль языка, который помогает обществу сохранять и развивать свою идентичность.

Отрадно поэтому, что на факультете создан новый журнал «Актуальные проблемы стилистики», способствующий теоретическому и практическому развитию важнейшей ценности современного российского общества – русского языка.

Елена Леонидовна Вартанова,
доктор филологических наук, профессор,
декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова,
глава редакционного совета ежегодного международного научного журнала
«Актуальные проблемы стилистики»

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Дорогие читатели!

Перед вами первый номер нового международного научного журнала «Актуальные проблемы стилистики».

Наш журнал сформировался на базе ежегодника «Труды кафедры стилистики», который с 2007 года издается на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

На XV Международном съезде славистов (20-27 августа 2013, Минск, Республика Беларусь) была сформирована Стилистическая комиссия Международного комитета славистов, в состав которой вошли признанные ученые из многих стран: Польши, Австрии, России, Украины, Белоруссии, Чехии, Словакии, Хорватии, Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговины. Эти ученые целью своей научной деятельности ставят развитие современной стилистики. Кафедра стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова активно участвует в работе комиссии. Поэтому «Труды кафедры стилистики» решено было преобразовать из узкоспециального кафедрального ежегодника в международный научный рецензируемый журнал по славянской стилистике. Эта идея была горячо поддержана деканом факультета журналистики, доктором филологических наук, профессором Е. Л. Вартановой, возглавившей международный редакционный совет издания, в который вошли авторитетнейшие лингвисты, разрабатывающие теоретические основы современной стилистики. Главный редактор журнала – известный российский ученый, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики русского языка Г. Я. Солганик.

Наш журнал призван развивать современную стилистическую науку, сохранять стилистическую традицию и побуждать к научным дискуссиям.

Материалы журнала будут размещены на сайте Стилистической комиссии Международного комитета славистов: <http://stylistic-mks.com>

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКИ

- ◆ Идеал современной науки
- ◆ Интеллектуальная аура
- ◆ Новая интегративная теория стиля
- ◆ Метастилистика
- ◆ Инфраструктура стилистики
- ◆ Языковой знак
- ◆ Звучание и значение
- ◆ Интернет-стилистика
- ◆ Стилистический потенциал Интернета
- ◆ Сетевой потенциал стилистики
- ◆ Перформативные тексты
- ◆ Тексты утилитарные и тексты-когнитивы
- ◆ Точки роста современной стилистики

“

Станислав Гайда:

«Если изменяется мир и с ним язык, то можно ожидать преобразования человеческого мышления о нем, а также в создаваемых им дискурсах».

«Знать сегодня – это принять плюралистическую эпистемологию путешествия вместо философии порядка и постоянства, а также противопоставляться догматично унифицированным и систематичным знаниям».

Григорий Яковлевич Солганик:

«Функциональная зависимость звучания от значения – это, по-видимому, единственно возможное соотношение материального и идеального».

«...звук – наиболее естественный, а может быть, единственный материал мысли».

Бранко Тошович:

«Интернет и стилистика сходятся в том, что оба одновременно и публичны, и индивидуальны».

«Основными маркерами стилистического потенциала Интернета является экспрессивность, стилевое расслоение и стилистическая уровневая структура».

Владимир Иванович Коньков:

«Рассматривая речь как актуальную, мы подчеркиваем ее утилитарность, ее связь с течением жизни во всей ее полноте и обязательно применительно к конкретному месту и времени потока жизни».

«Печатная речь строится так, как будто она является необратимой: теоретически газету можно перечитывать сколько угодно раз, однако по факту газета либо читается с первого раза, либо не читается вообще».

Наталья Ивановна Клушина:

«Без знания основ стилистики, как и без знания основ биологии, математики и других фундаментальных наук, невозможно развитие современного человека».

«Функциональная стилистика, медиастилистика, интернет-стилистика, интегративная стилистика и философия стилистики – вот точки роста современной стилистики, способные дать интересные результаты».

”

Станислав Гайда
(Опольский университет, Польша)

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СТИЛИСТИКИ

Определение задач стилистики требует исходить из широкого лингвистического, а также общекультурного и общенаучного контекста. Указаны главные тенденции изменений в разных сферах жизнедеятельности (экономической, материально-цивилизационной, общественной, культурной и коммуникативной), а также в общекультурной интеллектуальной атмосфере (переход от модернизма к постмодернизму). Познавательную ситуацию науки характеризует критика современной науки, а также смена парадигм и появление очередных поворотов. Рассматриваются главные задачи стилистики: познавательные, метастилистические, связанные с состоянием инфраструктуры стилистики, а также задачи, вытекающие из потребностей внеакадемической среды.

Ключевые слова: научные направления, интеллектуальная общекультурная и общенаучная атмосфера, идеал современной науки, парадигма, поворот, метастилистика, структура стилистики.

Stanislaw Gajda
(Opole University, Poland)

CURRENT TASKS FOR STYLISTICS

Defining tasks for stylistics requires setting off from a broad socio-cultural context and also that pertaining to general science and linguistics. Main tendencies of changes are indicated in various spheres of human life (economic, material-civilisation, social, cultural and communication) and in the all-cultural intellectual aura (the transition from modernism to post-modernism). The cognitive situation of science is characterized by criticism of the ideal of modern science, as well as by changes of paradigms and the appearance of successive turns. The main tasks for stylistics are considered, such as: cognitive, metastylistics, that connected with the state of stylistics infrastructure and those resulting from needs of extra-academic world.

Key words: currents of science, intellectual aura: all-cultural and all-scientific, ideal of modern science, paradigm, a turn, metastylistics, stylistics infrastructure.

1. Типология стилистических задач

Актуальные задачи стилистики – это производные старых и новых проблем, которые стоят перед ней, требуя разрешения. Эти проблемы зародились в ходе развития стилистики и лингвистики, а также всей науки как относительно автономной сферы познавательной деятельности человека. Их диктует и сама жизнь, практика в иных сферах общественной деятельности. Определение задач стилистики требует, таким образом, чтобы принимался во внимание как широкий общекультурный контекст, так и контекст общенаучный и общелингвистический. На таком фоне будет возможным определить важность проблем и задач и решить, какие из них заслуживают первоочередного решения.

В развитии научной дисциплины можно выделить несколько направлений, взаимосвязанных и дополняющих друг друга, которые составляют в известной мере стройное комплементарное целое. Основное направление ориентировано на главный, присущий данной дисциплине объект/предмет. Для лингвистики таковым является язык. В истории лингвистики наметились три ее ветви: одна сосредоточена на его строении (системоцентричный подход), вторая – на функционировании (функционализм), в то время как третья ориентируется на изучение истории языка (эволюция и история языка).

Среди дополняющих направлений находится и метанаучное, также имеющее академический характер. Наряду с общей наукой о науке (науковедение) выросли дисциплинарные метанауки, в том числе металингвистика и метастилистика. Науковедение интересуют вопросы как относящиеся к теории науки (т. е. к философии, антропологии, социологии, психологии, филологии, истории и т. д.), так и более практические (ср. экономика науки, научная политика, управление наукой).

В связях с внеакадемической средой сформировались два направления: науки практической и науки публичной. Первое старается ответить на конкретные запросы практической жизни (см. прикладная лингвистика и практическая стилистика).

В современной глобальной научной политике, как и в политике отдельных стран, это направление выдвинуто на передний план, что делается за счет автономной чистой науки (базовых наук и академических направлений).

По отношению к широким слоям общности публичная наука реализует функцию формирования научного мировоззрения. Этой цели служит не только традиционная уже популяризация науки. В связи с возрастающей общественной рефлексивностью ожидается, что ученые будут включаться в публичные дебаты, касающиеся наиболее важных проблем современного мира. Они выступали бы в них не столько как «наемные» эксперты или поучающие менторы, сколько как равноправные участники и партнеры. Все более широко признаваемая роль языка в формировании общественно-культурной действительности и знания о мире ведет к тому, что лингвистика и стилистика могут сыграть в этих дебатах не последнюю роль.

Исходя из присущего современной науке внутреннего разделения ее направлений в границах отдельных дисциплин, можно попытаться представить типологию задач стилистики (понимая ее широко как науку о функционировании языка). Соответственно можно выделить такие задачи:

- познавательно-исследовательские, реализация которых должна представить описание, разъяснение и понимание языковой действительности, а также ее изменений (как современных, так и предшествующих);
- познавательно-критические, ориентированные на теоретико-методологические проблемы стилистических исследований, а также на *sensu stricto* вопросы метастилистические (теория стиля и теория стилистики);
- практические, которые перед стилистикой ставят различные сообщества, особенно те, в профессиональной деятельности которых язык играет особую роль (например, учителя, журналисты);
- общекультурные, касающиеся, в частности, будущего языка и его роли в постсовременной культуре.

Не намереваясь составлять детального реестра задач стилистики, я хотел бы только проанализировать отдельные типы задач и указать на наиболее важные.

Однако прежде чем перейти к этим рассуждениям и рекомендациям (см. 3), я хотел бы очертить тот общекультурный и общенаучный фон (см. 2), который обуславливает задачи, а также способ их постановки и решения.

2. Общекультурная и общенаучная интеллектуальная атмосфера

2.1. Согласно почти повсеместно принятому убеждению человеческий мир находится в настоящее время в большом (глубоком и широком по охвату, захватившем все сферы жизни) кризисе. Его интерпретируют как время перехода от эпохи модернизма, охватывающей период XVI-XX вв., к новой фазе или даже совершенно иной, называемой постсовременностью (постмодернизмом). Этот переход приводит к нарушению создаваемого столетиями экономического, общественного, культурного и коммуникативного порядка (в Центрально-Восточной Европе динамику перехода упрочили изменения в общественно-политическом строе). В происходящих преобразованиях принимает активное участие язык. Бесспорное усиление претерпевают его функции, не только коммуникативная и познавательная, но также и исполнительная (перформативная), интегративно-различительная и символическая.

В хаосе переходных явлений и процессов можно заметить связанные интерактивными воздействиями доминирующие тенденции и напряжения (см., в частности, Beck 2004, Bauman 2006, Giddens 2007, Castells 2007):

- в экономической сфере – доминирование (нео)либерального рыночного капитализма, абсолютизирующего частную собственность и конкуренцию и превращающего все ценности (в том числе и язык) в товар;
- в материально-цивилизационной сфере – всемогущее воздействие на все сферы человеческой жизни высокоразвитых технологий, часто объединенных в ин-

тегрированные системы (в частности, в информационно-коммуникативную систему);

- в общественной сфере – распад традиционных общественных структур (классов и прослоек), фрагментаризация общества, образование сетевого общества, индивидуализация и эрозия сцентрированного Я;
- в сфере политики – разрыв между гражданской демократической общественной деятельностью и неолиберальным культом индивидуальной свободы, авторитаризм, фундаментализм;
- в сфере культуры – триумф поп-культуры, столкновение универсализма с исторически укоренившейся локальной идентичностью, а особенно национальной идентичностью (часто принимающей форму национализма);
- в сфере коммуникации – медиальная революция, т. е. появление наряду с устными и письменными формами передачи электронных медиа во главе с Интернетом.

Современный человек был поставлен перед сложным и хаотичным миром, в котором новое часто драматично сталкивается со старым. Он оказался в трудной познавательной ситуации – в горниле перемен нелегко найти их смысл. Выразительная линия модернизма стерлась. Ее заменяет множество общественных игр, малых и больших, но при этом нестабильных, слабо скоординированных и несоразмерных. В правила этих игр, если их можно вообще заметить, вмешалось помутнение. Размываются доселе стабильные образцы и границы, а многие из познавательных категорий перестают быть адекватными. И это относится также к языковой действительности.

2.2. Эту новую познавательную ситуацию можно описать, взяв термин *интеллектуальная атмосфера*. Категорию атмосферы, выделяя общекультурную и общенаучную атмосферу, я трактую как важную в совокупном восприятии мира, в его понимании. Это такие *glutinum mundi*, *Zeitgeist*. Ее можно представить как более или менее упорядоченную и динамичную констелля-

цию онтологическо-эпистемологических и аксиологическо-праксеологических взглядов. Даже неосознанная атмосфера/аура влияет на позицию и поведение людей, в том числе и на исследователей, на способ их мышления и конкретные исследовательские решения, а также на форму получаемых знаний. В атмосфере рациональные убеждения смешиваются с эмоционально-иррациональными, обиходные – с политическими, религиозными и т. д., новаторские – с традиционными.

Общекультурную интеллектуальную атмосферу современного перехода от модернизма к постмодернизму характеризует состояние неравновесия, неустойчивости, что порождает ощущение хаоса, неуверенности, страха, кризиса. Я хотел бы обратить внимание на два явления/процесса, которые в ней проявляются и отнюдь не безразличны при стилистических интерпретациях. Оба находятся в центре сегодняшней атмосферы. Первое – это стирание в ней трех доминирующих с эпохи Просвещения великих общественных идеологий: консерватизма, либерализма и радикализма. Эти идеологии не могут сегодня предложить новые идеи, которые бы позволили переломить кризисную идейную инертность. Второе – это доминирование эпистемичного плюрализма по отношению к познанию. Формировавшаяся с XVI в. позиция науки как самой совершенной формы человеческого познания подверглась значительному ослаблению. Под влиянием философских дебатов указывается на ограничение научного познания, что ведет к «смещению» этого способа с другими.

Ибо в познании мира человеком наряду с фундаментальным обыденным познанием в ходе культурной эволюции сформировались более специализированные его формы. Уже во времена новой истории произошло их разделение на науку, религию/мораль и искусство (художественное познание), что соответствует еще античному указанию трех великих ценностей: ПРАВДЫ, ДОБРА и КРАСОТЫ. Наука, подчиненная позитивистскому мировоззрению, все больше отделяется от религии и искусства. Из большой системы существования и по-

знания, постулируемой многими мыслителями разных культур и эпох, она занялась двумя самыми низкими уровнями: материей и разумом, сводя познание к чувственному (сенсорному) и ментальному опыту. В то же время духовный уровень остался в ведении религии и искусства, а также созерцательного и мистического опыта.

Сильная в общекультурной атмосфере тоска по интегральности, целостности, по пониманию мира, как кажется, «позволяет» сближать разные формы познания, в том числе и неакцептируемые рационалистическим мировоззрением. В современной поп-культуре получают признание так называемые *новая наука, новая физика* и т. д., которые престопают принятые границы науки. Сама наука, однако, все сильнее расширяет свое понимание рациональности и преодолевает картезианский дуализм: материя (в том числе – тело) – разум (ср. нейронауки).

2.3. На (обще)научную интеллектуальную атмосферу времени перемен можно посмотреть через призму идеала современной науки и его критики, проводимой под знаком «мастеров подозрений» (Ф. Ницше, К. Маркса и З. Фрейда) и «предателей правды» (К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда), а также под знаменем постмодернистским (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз). В рамках этой критики зародились понятия парадигмы и поворота.

Вид идеала современной науки сводится к комплексу ценностей: правды, рациональности и объективизма, а также к комплексу норм: универсализма, общности, бескорыстности и критицизма (см. Merton 2002). Для сравнения: в качестве основ нравственности, сформированных эволюционным путем, признаются забота (сочувствие), справедливость, свобода, лояльность, авторитет и святость (см. Haidt 2014). Критика этого идеала науки временами приобретает крайнюю форму. Однако в целом не доводит до его полного отрицания. Она поставила под сомнение слишком узкое понимание некоторых его ценностей и норм. Заслугой этой критики является признание практически всеми следующих тезисов:

- действительность не во всех случаях является данностью (умеренный реализм), в определенных случаях она является конструированной (умеренный конструктивизм);
- знание о мире (значение) зависит от контекста, а контексты неисчислимы (контекстуализм);
- человеческое познание характеризуется наличием множества перспектив (эпистемологический плюрализм).

Принятие этих тезисов связано с последствиями, какие принесло изменение образа науки и ее развития, а также расширение категории парадигмы и поворота. Понятие парадигмы принадлежит Т. Куну (1962), который поставил под сомнение идею непрерывного, кумулятивного развития науки, противопоставив ей тезис о развитии скачкообразном. Периоды нормального развития науки в соответствии с определенными парадигмами (образцами) прерываются революциями, когда существующая до этого времени парадигма отбрасывается в пользу новой.

Оказались важными последствия популярности понятия парадигмы и ее интерпретации. Была поставлена под сомнение идея универсальности, единства науки, поскольку научный разум, понимаемый до этого как единственный стандарт, был преобразован через идею многообразной рациональности. Это открыло дверь не только познавательному конструктивизму, но и идее несоразмерности, легитимизирующей неплюралистический релятивизм (разнородность, не позволяющая перевести, сравнить, согласовать). Эта идея вышла за границы науки и стала основой политики идентичности, которая формирует внутригрупповое единство и подчеркивает различия по отношению к внешнему миру.

Категория поворота также появилась в 60-е годы XX в. одновременно с термином *поворот* (англ. *turn*), использованным в отношении лингвистического поворота (англ. термин *linguistic turn*). В последующие десятилетия наблюдается прямо-таки перепроизводство терминов со структурой *поворот* + определение. Поворот можно определить как исследовательскую ориен-

тацию, концентрацию исследований, выходящих за пределы исследовательского поля одной дисциплины и открывающихся на трансдисциплинарное проблемное поле. Он более осторожно, медленнее и дольше, чем парадигма, позволяет формироваться и пробиваться новым подходам и трактовкам. Он не столько ведет за собой радикальную перестройку дисциплины, сколько открывает новые перспективы. Поворот является менее четким и ригористичным, он более открыт к разного рода стимулам. Он может составить фон, или основу, или же переходную фазу для более компактных парадигм. Необходимо оценить должным образом роль инвенционно-инспирирующих поворотов, их созидательную силу в профилировании исследований, вклад в обогащение исследовательских инструментов, а также интегрирующий потенциал.

Попытка упорядоченного представления поворотов наталкивается на трудности, поскольку они необязательно следуют один за другим в линейном и хронологическом порядке. Часть из них не всегда представляет собой удачный проект конструирования новых исследовательских полей и быстро исчерпывается. В настоящее время в гуманитарных и общественных науках можно назвать три крупных поворота (мегаповорота): языковой, культурный и онтический, и в их пределах повороты меньшие, парциальные. Первые два ориентированы на ментальное и символическое измерение мира, в то время как третий – на измерение реальное.

Генетически первым был поворот лингвистический, который получил начало в философии языка и оттуда влиял на все гуманитарные науки, в том числе и на лингвистику. Первый шаг сделал уже Декарт, различая две субстанции: материальную и мыслительную, и тем самым перенося заинтересованность с *esse* на *cogito* (или скорее *cognosco*). Шаг второй – это коперниканская революция Канта, который доказал, что разум не только отражает мир, но и активно на него влияет. Дискутируя по поводу этой точки зрения, И. Г. Гердер и В. Гумбольдт сделали следующий шаг – ввели в свои рассуждения язык и приписали ему также

активную роль по отношению к миру и разуму. Эта идея была подхвачена многими философами XIX и XX в. (между прочим, Л. Витгенштейном). Таким образом традиционный в обыденном сознании и в классической философии взгляд о существовании объективного мира, который зеркально отражается в человеческом разуме, а затем точно вербализуется, был отвергнут. Новый подход может проиллюстрировать онтологично-эпистемологический треугольник, вершины которого – мир, разум и язык, а стороны представляют интерактивные отношения. Он может представлять собой основу различных интерпретаций, определяемых как антиэссенциалистские, реляционистские и конструктивистские.

В известной степени продолжением лингвистического мегаповорота стал мегаповорот культурный (см. Bachmann-Medick 2012), который соотносит познание с культурным контекстом, ср. партикулярные повороты: феминистический, гендерный, постколониальный, иконический, медальный и т. д. Переходную позицию между обоими крупными поворотами занимают повороты перформативный, когнитивный, дискурсивный и интерпретативный. Критики обоих мегаповоротов упрекают их в том, что в постмодернистском мышлении чаще всего скользят по поверхности явлений и сужают мир до двух измерений: воображаемого (ментального) и символического, не замечая третьего – реального. Они провозглашают необходимость онтического поворота.

3. Обзор задач стилистики

После представления общекультурной и общенаучной познавательной ситуации пора вернуться к задачам стилистики и рассмотреть их типы, выделенные в 1. Я отдаю предпочтение метастилистическим задачам (3.1). Конкретные исследователи могут располагать разными эпистемологическими знаниями и необязательно их декларировать, кроме того, методологические правила и способ их использования – это разные вещи. Тем не менее во времена повышенной рефлексивности тезис об основоположности науки звучит особенно сильно

и убедительно. В следующей части (3.2) показаны познавательные задачи, относящиеся к современной и прошлой языковой действительности. Задачи, вытекающие из вызовов, связанных с внеакадемической средой, оговариваются в (3.3). Последняя часть (3.4) посвящена инфраструктуре стилистики.

3.1. Человек познает мир не только в категориях среды (фр. *milieu*), когда познание мира обусловлено контекстом ситуативным и социально-культурным, но и через индивидуальные потребности и намерения, а также общественное сознание. Лингвистическое сознание поэтому почти всегда оставалось в определенной связи с тенденцией помещения языка в пространстве языкового мышления и социально-культурном пространстве. Если изменяется мир и с ним язык, то можно ожидать преобразования человеческого мышления о нем, а также в создаваемых им дискурсах.

В соответствии с классическим способом рациональность науки, отражающая мировой порядок, понимается как порядок правил формирования знаний (т. е. методологических правил, устанавливающих и организующих исследовательскую практику и сообщение ее результатов), как модель не только деятельности, но и для деятельности. Эти правила должны обеспечить непрерывность науки и ее связность и трансляцию (по крайней мере в границах научной дисциплины), а также устанавливать границы научных знаний. В данном порядке актуальны, в частности, принципы дуализма и оппозиции, иерархии и решетки, классификации и типологии, развития, канона.

Если сегодня мир становится неупорядоченным (фрагментаризация, неогеренция и т. д.), то ведется поиск идей и теорий, которые заключали бы новый тип познавательного опыта. В этом опыте, который принимает форму испытания сети, соединяются, в частности, время и пространство, секвентность и симультанность, вертикальное и горизонтальное измерение, а также различные логики и аксиологии. Знать сегодня – это принять плюралистическую эпистемологию путешествия вме-

сто философии порядка и постоянства, а также противопоставляться догматично унифицированным и систематичным знаниям. В результате наблюдается теоретико-методологическое распыление и инфляционное развитие многих областей науки. Некритично – под вывеской интер- и трансдисциплинарности – принимаются познавательные схемы из других дисциплин.

Тем самым в современной науке (гуманитарных науках) наметились две модели науки: модернистская и постмодернистская. Какую из этих моделей должна принимать во внимание стилистика? Кажется, что решение приносит идея двойственных структур. Она сопротивляется интерпретации любых дихотомий как взаимоисключающих полюсов оппозиции. Соотношение *versus* означает, что полюсы не исключаются, но, оставаясь в напряжении, поддерживают, дополняют друг друга (ср. *coincidentia oppositorum* Николая Кузанского и универсальность антиномии Гегеля). Таким образом, невозможно выбрать один или другой полюс, необходимо принимать во внимание их нередуцированное присутствие. Эта категория учитывает сложность явлений как в реальном мире, так и в познании и представляет собой хороший исходный пункт для размышлений о современном и будущем статусе стилистики.

Понятие и термин *стилистика* появились в первой половине XIX в. после так называемой «смерти» риторики. Редуцируя изложение истории стилистики, можно несколько провокационно заявить, что последняя четверть XX в. принесла ей «смерть». Сам термин *стилистика* или исчезает из научного обихода, или же остается в силу традиции и инерции. Стилистику пытаются заменить новые субдисциплины, теории, исследовательские поля, обозначенные такими терминами, как *прагмалингвистика*, *социолингвистика*, *теория/анализ дискурса* и т. д. Они занимаются разнообразными аспектами функционирования языка. Может ли стилистика *выжить*?

Кажется, однако, что положение стилистики во гроб было бы решительно преждевременным. В пользу этого говорят не только богатые традиции, в том числе и до-

стижения функциональной стилистики в Центрально-Восточной Европе, но прежде всего интеграционный потенциал. Стилистика может и должна стать над(суб)дисциплиной, охватывающей достижения более узких исследовательских областей, а также других дисциплин. Это требует вхождения в так высоко оцениваемую интер- и трансдисциплинарность, которые с уровня эклектичных взаимоискусствований переходят сегодня на высшие уровни: на уровень обобщенной модели, принимаемой в данной дисциплине с использованием других дисциплин, а также на уровень взаимодействия разных дисциплин в разработке общей теории.

Этой общей теорией должна стать теория стиля. Понятие стиль функционирует в дискурсе многих гуманитарных и общественных наук. Поразительна его «неопределенность», «хамелеонность» и множество концепций стиля. Несмотря на это «несовершенство», он держится прочно. Решающее значение для его жизнестойкости имеет опирающееся на интуицию убеждение о пригодности самого понятия и о познавательном значении комплексных концепций (*vs* редуционистские, см. Гайда 2014).

Ключевым в формировании новой интегральной теории стиля мне кажется осознание того, что в познании мира уже недостаточна детерминистическая рациональность и методологические правила эмпиризма, логического позитивизма, фальсификационизма или модели гипотетико-дедуктивного объяснения. Необходимо выйти за пределы наивного реализма, детерминизма, редуционизма и статичных моделей, использующих пусть и самые совершенные количественные методы корпусной лингвистики. Наука находится в фазе перехода к новой рациональности, которая выходит за пределы детерминистической рациональности и опирается на идеи сложности.

Развивающаяся с определенного времени наука о сложности обращается к общей теории систем, теории хаоса и теории сетей, и смотрит на мир через призму открытых систем нелинейных. Такие

системы характеризует, в частности, нередуцированность целого до суммы составляющих и иерархичность структуры (высшим уровням присуща эмергенция), способность к самоорганизации и адаптации в открытом обмене со средой, а также нестабильность и наличие флуктуации. Они ведут себя весьма по-разному, способ их поведения трудно предвидеть. Невозможно составить единообразное, совершенно точное их описание. Побуждают к тому, чтобы от аналитико-статического и аналитико-динамического подхода переходить к синтетически-динамическому. При этом возрастает значение качественных методов и интерпретации.

Нарисованный образ познавательной ситуации стилистики на фоне ситуации в гуманитарных науках выражает мою точку зрения. Каждый исследователь имеет право на собственное видение перспективы и собственных предпочтений в выборе интересующих его тем. Мое стремление выйти вперед не является свидетельством пренебрежения традиций, наоборот, я призываю к чтению мастеров в поисках потерянных нитей.

3.2. Наука, создавая правдивое, глубокое, рациональное, объективное и т. д. учение о действительности, придает миру такой желанный для людей смысл. Стилистика, занимаясь функционированием языка, своими центральными категориями сделала человека говорящего (*homo loquens*), текст и стиль. Полное познание этих сложных артефактов требует принятия интегрирующей познавательной стратегии. Современная стилистика поставлена, таким образом, не только перед сменяющейся языковой действительностью, но также и перед богатством познавательно-символических структур, относящихся к ней и ее обустроивающих. Они создаются в науке (в лингвистике и других дисциплинах) и вне ее. И стилистика должна считаться со сложностью предмета, а также с эпистемологическим плюрализмом.

В стилистике Центрально-Восточной Европы до настоящего времени доминировал стилистический образ мира, представленный функциональной стилистикой.

Изменения в самой лексико-стилевой действительности, а также в ее новых исследовательских подходах затуманили/деформировали этот образ, он уже не является достаточно адекватным. Система функциональных стилей подвергается перестройке, изменяются сами стили и отношения между ними. Новомедиаальная цифровая революция и введение Интернета оказали радикальное влияние на человеческую коммуникацию, а также на отношения между устной, письменной и цифровой формами (познавательной реакцией стало, в частности, формирование медиалингвистики). Место стабильной стилевой системы с четкими внутренними границами сегодня занимает динамичное дискурсивное пространство. Это порождает много проблем, ставит много исследовательских задач. Актуализации требуют и старые задачи, сформулированные в рамках сравнительной и исторической стилистики.

Параллельно в стремлении к синтетико-интегрирующему восприятию стилистика должна принять и уважать тезис о многомерности существования действительности, в том числе языковой (ср. три мира К. Поппера: физический, ментальный и культурный, а также Ю. Хабермаса: объективный мир, субъективный мир Я и общественное сознание). Можно говорить о четырех измерениях существования мира и четырех измерениях человеческого опыта (см. Wilber 2006):

- субъективный интенциональный мир (индивидуальный внутренний)
- интерсубъективное общественное сознание (коллективный внутренний)
- бихевиоральный мир (индивидуальный внешний)
- интеробъективный природно-культурный мир (коллективный внешний)

В каждом из этих миров язык принимает одну из форм существования, соответственно: индивидуальное языковое сознание, общественное языковое сознание, индивидуальная текстовая практика и интеробъективная языковая система.

Таким образом, открываются четыре перспективы для познающего субъекта – ориентация на отдельные измерения,

но также, принимая во внимание четыре измерения человеческого опыта, – четыре пути для полного познания субъектом любого объекта, явления, процесса. Наука должна тщательно изучать эти четыре равноценные и взаимонередуцируемые измерения существования и исследовательские перспективы. Действует это в разных дисциплинах. Выделенные измерения–перспективы характеризуют разные формы и содержание, отсюда и стоящие за ними группы исследовательских методов различны (феноменологические, герменевтические, эмпирические, системные). Принимая синтетико-интегрирующую ориентацию, исследователь должен выбирать и использовать одновременно методы всех этих групп, а также пользоваться исследовательским опытом разных дисциплин.

Эффектом таких действий становится получение множества частичных истин, которые требуют их объединения в интегральный метасинтез, в комплементарное целое. Распознавание и подбор как можно большего числа этих истин требует сравнения и координации в стремлении к сверхпарадигматическим обобщениям, избегая при этом редукционизма и ошибок абсолютизма. Чем сложнее артефакт, тем более возможен развернутый методологический плюрализм и тем сильнее может выражаться несоразмерность. Переход интеграционного пути требует своего рода эпистемиологической мудрости, знания дела и рационально-аффективной эластичности, выходящей за пределы эмпирическо-аналитического рассуждения и формальной рациональности. Психология развития открывает новые горизонты способностей человека (ср. постформальная рациональность, синтетический интуиционизм, познавательная эмпатия, способность замечать глубочайшую гармонию).

3.3. От лингвистики ожидают не только изучения – в соответствии с академическими стандартами – языковой действительности путем создания науки о ней, но также ее применения вне академической среды. Все чаще осознаваемая разными кругами носителей и пользователей языка ее вездесущность в человеческой жизни и активная

роль в ней ведут к тому, что перед субдисциплинами науки о языке ставятся определенные задачи. Это задачи двойного рода. Одни связаны с направлением практической науки, они вытекают из конкретных потребностей, рождающихся в отдельных сферах жизни при проведении деятельности разного рода, в то время как с направлением публичной науки связаны задачи, являющиеся реакцией на общекультурные вызовы современной эпохи.

Ввиду глубины и большой динамики изменений переходной эпохи функционирование языка также подвергается существенным преобразованиям. Описываемый функциональной стилистикой репертуар средств и стилевых норм, а также типов стилей был нарушен. Дезориентированные пользователи ждут помощи со стороны стилистики, которая, не уклоняясь от быстрого реагирования, должна решать проблемы стилевого воспитания также с расчетом на перспективу. Поскольку состояние нестабильности может оказаться состоянием постоянным, то воспитание не может сводиться только к формированию определенных умений на сейчас, но должно ставить перед собой более амбициозные и трудные для достижения цели.

В европейской интеллектуальной атмосфере с эпохи Ренессанса центральное место в целостном видении мира занимала идеология гуманизма. Ход истории, в том числе и развитие науки нашего времени, привел к ее редукции до убогого антропоцентризма и превосходства цивилизации над культурой. Она может даже отвергнуть культуру, из которой выросла, однако трудно сказать, переживет ли это. Сегодняшнее кризисное время нуждается в новом ренессансе и новом гуманизме, в том числе в так называемой третьей культуре, интегрирующей точные науки и пренебрегаемые ныне науки гуманитарные. Роль гуманитарных наук заключается, кроме всего прочего, в том, чтобы содействовать росту общественной рефлексивности. И здесь есть место для лингвистики, в том числе и для стилистики.

Современное научное познание должно быть не только узконаучным, оно долж-

но также принимать во внимание горизонт философский, должно быть не только описательно-объяснительным, но также аксиологически нормативным и в какой-то мере визионерским. Наука может воздействовать на общекультурную атмосферу, способствуя зарождению новых идей, которые помогут преодолеть нынешний кризис и разрешить некоторые актуальные мировые проблемы. Видна взаимосвязь важности науки с важностью философской, политической, художественной, морально-религиозной и обиходно-бытовой.

3.4. К инфраструктуре стилистики я отношу те научные институты, которые своим существованием и деятельностью служат «возделыванию» стилистики, т. е. в первую очередь соответствующие подразделения в университетах и академиях наук, научные общества, конференции, журналы и публикации. Наше время далеко не благосклонно к науке, особенно в странах Центрально-Восточной Европы (в частности, низкие финансовые расходы на науку, дискриминация гуманитарных наук). Кроме того, наблюдается значительная теоретико-методологическая и институциональная, а также языковая разрозненность. Научные учреждения стали пространством маркетизации, спешки, а частенько только «фасадом» и видимостью деятельности. Трудно наладить совместную деятельность в широком масштабе. Маразм научной среды проявляется, в частности, в упадке научной критики (отсутствие рецензий даже на значительные труды или же поверхностные рецензии), а также в редкости серьезных дискуссий. Все эти упреки относятся в одинаковой мере и к стилистике, хотя ее ситуация различна в разных странах. Богатством традиций и многочисленностью центров отличается российская стилистика, однако следует помнить, что исследования по стилистике часто проводятся без соответствующей «стилистической вывески».

Важную роль в жизни стилистики играют конференции и публикации, среди последних (наряду с учебниками, энци-

клопедиями, издательскими сериями) особенно журналы. Они должны стать форумом более широкого, чем в настоящее время, сотрудничества и взаимообразования. Конференции – особенно подготовленные по существу встречи монографического характера, позволяющие углубить знания по рассматриваемой проблеме и объединяющие вокруг нее специалистов, – могут сыграть важную роль в объединении разрозненных центров и стать отправной точкой для разработки крупных, в том числе и международных исследовательских проектов.

Насколько мне известно, в мире в настоящее время выходят три журнала стилистического профиля: в Чикаго ежеквартальник «Style», а также два ежегодника: «Stylistyka» в Ополе (с 1992) и «Стил» в Белграде (с 2002). Международная стилистическая общественность с удовлетворением принимает весть о рождении нового ежегодника «Актуальные проблемы стилистики» в Москве, издание которого под эгидой Московского университета имени М. В. Ломоносова и Стилистической комиссии Международного комитета славистов начинается в 2015 г.

Стилистическая комиссия МКС продолжает деятельность Комиссии по славянской поэтике и стилистике, которая была создана в 1961 г. Президиумом МКС и работала (с перерывами в 1988-1998 и 2008-2013 гг.) поочередно под руководством В. В. Виноградова, С. Скварчиньской, Я. Тшинадловского и И. Поспишила (см. Gazda 2013), в настоящее время Н. И. Клушиной. Можно надеяться, что Комиссия будет способствовать лучшей организации деятельности международной стилистической общности, оживлению ее сотрудничества. Будет вдохновлять исследования и поддерживать их развитие в отдельных странах, возьмет шефство над совместными предприятиями (исследовательскими проектами, конференциями, публикациями). Журнал «Актуальные проблемы стилистики» и Комиссия – это бесспорные и уверенные шаги в этом направлении.

Литература

1. *Гайда С.* Философия стиля // Дискурс и стиль. – М.: Флинта – Наука, 2014. – С. 9-17.
2. *Bachmann-Medick D.* Cultural turns. Nowe kierunki w naukach o kulturze. – Warszawa: Oficyna Naukowa, 2012.
3. *Bauman Z.* Płynna nowoczesność. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006.
4. *Beck U.* Społeczeństwo ryzyka. W drodze do innej rzeczywistości. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2004.
5. *Castells M.* Społeczeństwo sieci. – Warszawa: PWN, 2007.
6. *Gazda G.* Komisja Poetyki i Stylistyki Słowiańskiej // Oblicza sławistyki. Komisje Międzynarodowego Komitetu Słowistów. – Opole: Wydawnictwo UO, 2013. – S. 119-127.
7. *Giddens A.* Nowoczesność a tożsamość. – Warszawa: PWN, 2007.
8. *Haidt J.* Prawy umysł. – Sopot: Wydawnictwo: Smak Słowa, 2014.
9. *Kuhn T.* Struktura rewolucji naukowych. – Warszawa: PWN, 1962.
10. *Merton R. K.* Teoria socjologiczna i struktura społeczna. – Warszawa: PWN, 2002. – S. 563-591.
11. *Wilber K.* Integralna teoria wszystkiego. – Poznań: Zysk i S-ka, 2006.

ЗВУЧАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Тезис Фердинанда де Соссюра о произвольности языкового знака требует корректировки. Означаемое и означающее, будучи разной природы (материальное и идеальное), связаны функциональной зависимостью: звучание выступает как функция значения. Языковой знак одновременно и произволен, и непроизволен. Звуковой характер языка связан с его сущностью.

Ключевые слова: произвольность знака, означающее, означаемое, звучание, значение, языковой знак.

Grigoriy Y. Solganik

(Lomonosov Moscow State University)

SOUND AND MEANING

The Sossure's thesis about an arbitrary of language sign requires some reconsideration. Signifying and signified have different nature (material and ideal) and are functionally interdependent. Sound is a function of meaning. The language sign is at the same time an arbitrary and-non arbitrary. The sound shape of language is connected with its essence.

Key words: an arbitrary of language, sign, signifying, signified, sound, meaning, sign of language.

Развитие науки предполагает время от времени возвращение к своим истокам и проверку, а может быть, и пересмотр существующей теории. В языкознании таким положением является тезис Фердинанда де Соссюра о произвольности знака. «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна», – пишет Соссюр. И поясняет: «Так, понятие “сестра” не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков s-oe:r, служащей во французском языке ее означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков...» (Соссюр 1977: 100-101)¹.

Соотношение звучания и значения в языковом знаке (слове) требует, как представляется, нового подхода. Попытка такого подхода содержится в предлагаемой статье.

Звучание и значение в слове, по Соссюру, не связаны никаким внутренним отношением. Но возможно ли, реально ли положение, при котором части, компоненты не связаны внутренним отношением и в то же время составляют единое целое? По-видимому, нет. Знак представляет собой тесное единство акустического образа и понятия (в терминах Соссюра).

На чем же держится это единство? Ведь акустический образ и понятие разной природы: звучание материально, понятие идеально. Как же они объединяются внутри целого (внутри знака)? Соссюр объявляет обе стороны знака, правда без доказательства, психичными. Но и это не раскрывает механизма связи сторон знака. Между тем они не могут не находиться в определенных отношениях.

Но как могут взаимодействовать такие противоположные по природе явления, как материальное (звучание) и идеальное (понятие)? О взаимодействии, по-видимому, речь идти не может: идеальное зависит от материального, является его порождением. Поэтому среди возможных соотношений, соответствий остается соотношение, определяемое природой сторон знака – это функциональная зависимость звучания

от значения. Звучание является функцией значения (понятия). Иначе говоря, тому или иному значению соответствует определенное звучание. Как пишет С. К. Клини, «в самом общем смысле (однозначная) функция <...> это соответствие, в силу которого каждому элементу x некоторого множества X отвечает единственный элемент y некоторого множества Y » (Кондаков 1971: 581). Ср. толкование слова *функция* в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: «Явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения этого другого явления».

Функциональная зависимость звучания от значения – это, по-видимому, единственно возможное соотношение материального и идеального. Ведь в широком смысле «духовное, идеальное является функцией высокоорганизованной материи – мозга и вне мозга не существует и существовать не может» (Кондаков 1971: 299).

Какова же роль звучания как функции значения? Соотношение звука и смысла давно интересовало ученых. Однако, начиная с древности, чаще всего пытались установить прямую связь между звуками и смыслом. Это касается прежде всего «символики звуков» (об этом говорится в диалоге «Кратил» Платона, в трудах средневековых схоластов). Соссюр считает звучание случайностью: «...сущность языка <...> не связана со звуковым характером языкового знака» (Соссюр 1977: 45). К. Маркс высказывает ставшее широко известным положение о том, что «название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой» (Маркс 1955: 107). Проанализируем эти положения.

Вывод Соссюра справедлив, если рассматривать соотношение «звучание – понятие» применительно к разным языкам. Если понятие выражается по-разному в разных языках, то естественно, между понятием и звучанием нет внутренней связи. Но если речь идет об одном, конкретном языке, положение меняется: понятие «сестра» выражается во французском языке совокупностью звуков [soer] и только [soer]. Из положения Соссюра «понятие – разные звучания в разных языках» можно сделать

¹ В дальнейшем ссылки даются по этому изданию.

не только тот вывод, который делает Соссюр, но и прямо противоположный: звук значим, если в каждом языке принимает разные значения. Звук обладает способностью иметь значение, но конкретное проявление этой способности различное в разных языках. В каждом же языке оно постоянно, не подвергается изменению.

Звук изначально обременен значением, направлен на значение. Одним фактом своего появления он свидетельствует: это сочетание звуков значимо (имеет значение). И это широкое значение выражается формулой *не n*, где *n* – весь известный лексический состав языка, к которому добавляется новое звучание с новым значением. Звучание [soer] во французском языке означает в широком смысле *не n*. Конкретизация же значения происходит в результате соотношения *soer* с другими лексическими единицами. Пример Соссюра не свидетельствует об отсутствии связи звука и значения. Напротив, связь есть, но она более широкого свойства. И только потому, что она есть, возможна и конкретная связь «звук – значение».

Что касается тезиса Маркса, то название вещи действительно не имеет ничего общего с природой вещи, но с понятием, точнее значением слова-названия, имеет связь тесную, неразрывную. Название *бык* не связано с природными качествами этого животного. Но оно связано с лексическим значением слова, отличающим это название от всех других: *бык* – потому, что не корова, не осел, не верблюд, не карандаш и т. д. (т. е. весь лексический состав языка). Почему выбирается именно данное сочетание звуков, объясняется этимологически.

Звучание выделяет предмет (именуемое) из неисчислимого количества предметов (и понятий). *Не n* означает новый класс предметов. В этом, можно полагать, заключается принцип наименования: совокупность звуков, отличающаяся от других, воздействует именно своим отличием, которое индивидуализирует именуемое. Для звука (звучания) важна не суть, не природа именуемого, а то, что именуемое не относится к остальным предметам, а значит, яв-

ляется именуемым предметом. Таким образом, звук становится формой понятия (значения), не раскрывая содержания понятия. И в этом смысле тезис Маркса правилен. Но связь «звучание – значение» приобретает другой смысл: звучание не характеризует (не раскрывает) значение, не вытекает из него. Связь «звучание – значение» функциональна.

Понятие «сестра», как показал Соссюр, в разных языках выражается по-разному:

	soer
Понятие «сестра»	sister
	shwester
	сестра

Понятие «сестра» не связано со звучанием применительно к разным языкам. Но в пределах каждого отдельного языка эта связь несомненна. То, что одно понятие по-разному выражается в разных языках, не свидетельствует об отсутствии связи значения и звучания. Понятие – термин логики. Оно характеризуется признаками и объемом. Но оно лишено языковой специфики и прямо и непосредственно не выражается в отдельной языковой единице. Значение же чисто языковая категория. И именно значение выражается совокупностью звуков. Поэтому, анализируя соотношение сторон знака, следует говорить именно о значении, а не о понятии. Понятие, как и мышление в целом, едино, интернационально, значение национально. Различие между языками заключается не в понятиях, а в их оттенках, нюансах.

Звучание, как и понятие (мышление), также интернационально: везде используются звуки, разные по качеству, по количеству и т. п. Объединяет же их направленность на значение, обремененность значением, что выражается, как уже говорилось, формулой *не n*. Это общее значение (значимость) проявляется, конкретизируется в каждом языке в соответствии с законами этого языка, прежде всего словообразования. Характерно, что при этом не происходит непосредственного соединения смысла со звуковой материей. «Непосредственное выражение смысла в звуке нетипично для языка. Так обстоит дело в разного рода механических сигнализациях, например

в светофоре...» (Реформатский 2008: 34). Новые слова (если исключить заимствования) образуются на основе уже существующих, готовых. Ни звучание, ни значение не существуют порознь, самостоятельно, раздельно и функционируют как единые комплексы. Оставаясь в рамках одного языка, мы воспринимаем звучание и значение слова как внутренне связанное и взаимозависимое. И только выходя за пределы одного языка, мы обнаруживаем, что соотношение данного понятия со звучанием меняется, принимает другие формы в соответствии с законами того или иного конкретного языка. Этимологический анализ может показать, почему именно данная совокупность звуков выражает то или иное значение, например, почему понятие «береза» выражено в русском языке соответствующими звуками.

Итак, единые комплексы звука и значения, как уже говорилось, создаются на базе существующих, готовых слов. Непосредственное соединение смысла и звука нетипично: единственное исключение, далеко не всеми принимаемое, – слово *газ*. Получается, что слова появлялись сразу как единства звучания и значения и не было периода их раздельного существования и последующего объединения.

Иначе говоря, мы не соединяем звук и значение, а в соответствии со смыслом (значением) соединяем звуки, уже наделенные значением (ср.: *луг* – *лужайка*). Звуки языка выступают как осмысленные, облеченные значением. Нет прямой связи между звуком речи и смыслом в том отношении, что, например, взрывные или сонорные согласные обозначают те или иные понятия, оттенки мысли. Но можно говорить о связи в том плане, что система звуков (фонетическая система) создает необходимые условия для выражения мысли, ее материализации. «Фонемы немислимы вне фонетической системы языка, – пишет А. А. Реформатский, – которая устанавливается историческим развитием его в целом. Поэтому никаких «общечеловеческих» или «космополитических» фонем не существует: система фонем, а тем самым и ее члены, фонемы, – одно из характер-

ных свойств самобытного данного языка народности или нации» (Реформатский 2008: 220).

Действительно, «космополитических» фонем не существует. Но существует общее свойство звуков языка – направленность на значение, значимость, которое своеобразно проявляется в каждом языке. Хотя по природе своей звук и значение различны (материальное – идеальное), в языке они взаимозависимы, обладают соотносительными качествами. Звук без значения превращается в физиологический или природный. В языке звук всегда означает большее, чем только звук. По законам нашего восприятия звук требует восполнения, добавления. Можно сказать, что в общем плане звучание и значение рядоположны: мышление (система понятий) получает выражение в звуках (системе фонем).

Можно отметить такие параллельные качества, как бесконечность мышления и неограниченность (бесконечность) звучания; способность к детализации мысли и соответствующее свойство звуков. Иначе говоря, звук – наиболее естественный, а может быть, единственный материал мысли. Он не только не случаен, но, напротив, необходим: без него мысль не состоится, не осуществится. В связи с этим рационально строить методологию дальнейшего изучения: звуковой характер языка – одна из главных задач его исследования.

Положение о произвольности знака требует корректировки. Под произвольностью знака Соссюр понимал немотивированность означающего по отношению к данному означаемому, «с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» (Соссюр 1977: 101). Как было показано выше, означающее в конкретном языковом акте не вытекает из означаемого и в этом плане немотивированно. Но в общезыковом плане означающее мотивировано всеми означаемыми языка, обременено значением. И в этом отношении оно мотивированно. Можно полагать, что это особенность именно языковых знаков. Они одновременно произвольны и непро-

извольны (мотивированны и немотивированны). Такие противоположные качества обеспечивают прочность и гибкость, из-

менчивость знаков. Важно, чтобы в дальнейших исследованиях языка учитывались эти особенности знаков.

Литература

1. *Кондаков Н. И.* Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 638 с.
2. *Маркс К.* Капитал, т.1, кн.1. – М.: Политиздат, 1955. – 698 с.
3. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. – М.: ГУПИ МП РСФСР, 1955. – 400 с.
4. *Соссюр Фердинанд.* Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 689 с.

Бранко Тошович
(Университет имени Карла и Франца в Граце, Австрия)

ИНТЕРНЕТ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В настоящей статье рассматривается соотношение Интернета и стилистики и проводится анализ стилистического потенциала Интернета и сетевого потенциала стилистики. Особое внимание уделяется взаимодействию структурных частей и разновидностей Интернета и стилистики.

Ключевые слова: стилистика, Интернет, взаимодействие, стиль, экспрессия.

Branko Tošović
(University of Graz, Austria)

INTERNET AS A STYLISTIC SPACE

The article deals with the correlation between the internet and style, in particular concentrates on the analysis of the stylistic potential of the internet and network potential of the style. Special focus is on the interaction between structural parts and varieties of the internet and style.

Key words: stylistics, Internet, communication, style, expression.

Интернет является самым широким, самым разнообразным и самым сложным коммуникативным пространством, средством и каналом связи, придуманным и созданным когда-либо человеком. Ни одно другое пространство для общения, никакое средство для передачи информации и никакой канал связи не обладают столь широкими, совместимыми и объединяющими техническими носителями, как мировая паутина (компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны, мобильные телефоны, кабельное телевидение, оптоволоконные линии, спутники связи, проводные и беспроводные устройства, электропровода, модемы, рабочие станции, телевизоры, радиоаппараты...). Интернет-коммуникация является очень сложной, и простая схема отправитель – канал связи – средство связи – комплексность недостаточна. Здесь необходимо выделять целую цепочку, звеньями которой являются в первую очередь: отправитель (программист – администратор – модератор) – узел (программного обеспечения, управления, отправления, распределения, распространения, конусирования) – средство (программа, программное обеспечение, базы данных, провайдер, браузер) – структурный элемент (веб-страница, сайт, портал) – пользователь (клиент) – блоки клиента (поисковые средства)...

В Сети происходят три основных процесса: сообщение, общение и воздействие. Интернет используется для поиска, нахождения и передачи информации. Он является в настоящее время самым популярным средством коммуникации (по электронной почте, сотовой связи, в чатах, блогах, через радио- и ТВ-каналы...), все больше входит в повседневную жизнь и вторгается в самые различные виды человеческой деятельности: науку, образование, медицину, транспорт, бизнес, торговлю... Общение в Сети может быть сугубо информационным (поиск и передача информации), но может быть и социальным (интерактивным), а также в функции определенной деятельности.

При помощи Интернета можно общаться где угодно (дома, на работе, в автобусе, метро, поезде, на аэродроме, вокзале,

рынке) и когда угодно (в любое время).² Интернет представляет собой также одно из основных средств воздействия на (а) отдельных людей, (б) малые социальные группы, (в) большие коллективы (социум, этнос, народ, нацию). Воздействие происходит (а) в политическом, идеологическом, религиозном... планах, (б) на языковом и стилистическом уровнях и т. п. Оно бывает положительным (используется для облегчения жизни и работы, приобретения знаний, способностей и навыков, освоения новых пространств, развлечения, снятия стресса...) и отрицательным (возникают различные соблазны, происходит нарушение этических, нравственных и правовых норм, осуществляется дезинформация и обман, в частности на базе злоупотребления информацией, создается интернет-зависимость³, появляется социальная от-

² Для Интернета нет ограничений в пространстве (им пользуются повсюду – на земле, под землей, в воздухе, над и под водой) и во времени.

³ Интернет-зависимыми сегодня являются около 10% пользователей (Internet-www).

«В мире существуют море соблазнов. Кто-то останется к ним равнодушным, кто-то попробует и забудет, а кто-то не сможет удержаться и попадает к ним в зависимость.

Зависимостей, как и соблазнов, также много: алкогольная, наркотическая, никотиновая, компьютерная, игровая, зависимость от еды, секса и т. д.

Компьютерная зависимость пока не признана патологией на международном уровне, однако человек, попавшийся в эту паутину, так же нуждается в лечении, как и в лечении наркомании, алкоголизма и прочее.

Зависимость от компьютера (Интернета) имеет ту же клиническую картину, те же симптомы, что и остальные зависимости – это потеря контроля. В данном случае контроля над временем, проведенным за компьютером. Человек начинает искать пути доступа к компьютеру (Интернету), если его в этом ограничивают; лгать окружающим о времени, которое он потратил на пребывание в Интернете. Человек из-за этого пристрастия теряет интерес к социальной жизни и внешнему виду, не выполняет обещаний, оправдывает собственное поведение. Тот, кто попал в зависимость от компьютера, раздираем двумя чувствами: с одной

чужденность, происходит деградация личности). Вседоступность и интерактивность – ключевые достоинства Интернета.

О значении и роли Интернета говорят многочисленные данные, среди которых особенно интересны следующие. К концу 2014 г. на Земле было 7.184.283.000 человек (Die Presse-www), а количество интернет-пользователей около 2,4 млрд.⁴ Основное ядро пользователей – это люди в возрасте от 12 до 35 лет (Уланова 2014: 184), точнее, молодежь от 16 до 24 лет (Мартынов, Оськин 2010: 60). В группе 18-24 лет в Сеть регулярно выходит 58%, а после 55 лет – всего 8% (Мартынов, Оськин 2010: 154). Пользователи развлекательных изданий несколько моложе – от 15 до 35 (Уланова 2014: 185). Коммуникация по электронной почте охватывает около 2,2 млн, хотя прошли лишь четыре десятилетия с момента отправки первого e-mail сообщения (в 1971 г.); число электронных почтовых ящиков составляет 4,3 млрд;⁵ более 1 млрд человек использует Facebook и более 200 млн Twitter (Сотникова

стороны, чувство радости от компьютера, с другой – чувство вины. Из-за этого человек становится раздражительным, подчас агрессивным, если по каким-то причинам его пребывание за компьютером уменьшается.

Однозначно, такая клиника требует немедленного лечения» (Девочка-www).

⁴ По отдельным территориям: 1,1 млрд – в Азии, 519 млн – в Европе, 274 млн – в Северной Америке, 255 млн – в Южной Америке и странах Карибского залива, 167 млн – в Африке, 90 млн – в странах Ближнего Востока, 24,3 млн – в Австралии и Океании, 655 млн – в Китае и Индии, 60 млн в России (Сотникова 2014: 6). Европейская аудитория Интернета составляет 56% населения (Мартынов, Оськин 2010: 60). Сетью в ЕС сегодня охвачены 11 млн человек (в Италии – 55%, в Германии – 70%, а Великобритании – 71%), и лишь треть жителей этого содружества никогда не выходит в Интернет (Мартынов, Оськин 2010: 60). В 2004 г. немцы проводили в сети 13 минут в день, а уже в 2009 – целых 120 (Мартынов, Оськин 2010: 61).

⁵ Наибольшим спросом в mail.ru пользуются темы: авто 1,3 млн, погода 1,2, афиша 1,1, дети 893 тыс., леди 780 тыс., работа 739 тыс., путешествия 719 тыс., hi-tech 602 тыс., здоровье 523 тыс., недвижимость 414 тыс. (Уланова 2014: 185-186).

ва 2014: 7); зарегистрированных подписчиков (френдов) на Livjournal (ЖЖ) – около 74 000, и неизвестно число незарегистрированных; только за 2012 г. было создано 51 млн новых сайтов, что в итоге привело их к общему мировому количеству в 634 млн (Сотникова 2014: 7).⁶ Количество смартфон-контрактов достигло семи млрд (АРА 2014: 15). Наиболее активное время пользования глобальной сетью – с 19.00 до 23.00, когда выходит около 60% пользователей (Уланова 2014: 184).⁷ Интернет все больше становится ведущим средством массовой информации.⁸ Уже в настоящее время Сеть является основным пространством и средством для рекламы.⁹ Интернет займет

⁶ В глобальном рейтинге развития информационных технологий за 2009 г. Россия занимала 74-е место, что соответствовало уровню Казахстана, Шри-Ланки и Доминиканской Республики (Мартынов, Оськин 2010: 154). В 2010 г. каждый 5-й россиянин ежедневно пользовался Интернетом, 11% – не реже одного дня в неделю (Мартынов, Оськин 2010: 154). К 2040 году пользователями Сети в России станут 95% жителей, а в 2020 г. Интернет станет доступен для 76% населения (Мартынов, Оськин 2010: 154).

⁷ Существуют определенные ограничения в использовании Интернета. Так, чтение текста с монитора оказывает повышенную нагрузку на зрение и приблизительно на 25% медленнее, чем чтение печатного текста (Уланова 2014: 185-190).

⁸ Например, в интернет-пространстве Германии представлены 658 газет, причем в 2009 году 25 сайтов имели посещаемость более 200.000 пользователей, а 11 сайтов – более 500.000; выделяются Bild – 6.100.000 человек, Welt – 2.900.000, Süddeutsche Zeitung – 2.000-6000 (Мартынов, Оськин 2010: 63). На конец 2009 г. в Рунете существовало около 4000 активных СМИ и было 6 млн посетителей; суточная аудитория – 6 млн; в день почти 50 млн просмотров (Мартынов, Оськин 2010: 130). Даже 60% ведущих СМИ Рунета – чисто онлайн-ресурсы (Мартынов, Оськин 2010: 130). Месячная посещаемость AiF.ru – примерно 4.660.000 человек; это почти в полтора раза больше аудитории номера еженедельника АиФ (тираж около 3.000.000); на сайт приходят порядка 200.000 человек в сутки (Мартынов, Оськин 2010: 134).

⁹ Покупка/продажа в Интернете, базирующаяся большей частью на рекламе, все больше увеличивается, и к 2017 г. оборот составит 230 млрд евро (АРА 2014: 15).

место рядом с телевидением и станет вторым медиаканалом (Мартынов, Оськин 2010: 155).

Мировая паутина похожа на макроуровневые и микроуровневые взаимодействия в природе. В рамках первого Сеть выглядит как космическая система, состоящая из галактик, звездных систем. Подтверждением того является и тот факт, что математические модели Интернета изображают его в форме звездных систем (Internet-www2). Не случайно некоторые веб называют десятой планетой и дают названия типа «Интернетия», а другие – виртуальной (интернет-) цивилизацией. У Интернета четко разработана структура, напоминающая структуру города, из-за чего у них столько точек соприкосновения, что можно говорить о Сети как о виртуальной урбанистике. В рамках второго типа взаимодействия Интернет напоминает нервную систему живых организмов. Веб очень близок к ним прежде всего способом передачи и распространения информации. Процесс обмена сообщениями является настолько быстрым, сильным и взрывным, что его можно сравнить со вспышками на солнце.

Интернет не поддается простой формализации, прежде всего, из-за связи всего со всем, всех со всеми. Поэтому его лучшей исходной моделью может быть сфера, так как она отображает комплексные связи и взаимодействия. Но Интернет – это не одна сфера, а сфера сфер, это корреляционал¹⁰ – система взаимодействий, в которой все элементы связаны между собой различными узлами и направлениями.

Сетевой корреляционал состоит из нескольких комплексов, среди которых важными для данной темы является вертикальный (типологический), горизонтальный (территориальный), языковой и стилистический.

Сетевой вертикальный корреляционал (С-верт) охватывает взаимодействие различных структурных разновидностей веба в форме интракорреляционала (С-верт-Интра), интеркорреляционала (С-верт-Интер), супракорреляционала (С-верт-

Супра), суперкорреляционала (С-верт-Супер), экстракорреляционала (С-верт-Экстра), паракорреляционала (С-верт-Пара) и категориала (С-верт-Категориал). С-верт-Интра представляет собой сеть отношений внутри любой части Интернета (жанра) в отдельности (например, в рамках одного блога). С-верт-Интер образуют очень близкие внутрисетевые пространства (скажем, социальные сети). С-верт-Супра состоит из типологически различных частей Интернета (например, официального и неофициального). С-верт-Супер охватывает отношения между различными феноменами, какими, например, являются (а) Интернет и язык, (б) Интернет и стилистика... В С-верт-Экстра соотносится онлайн- и офлайн-коммуникации. В С-верт-Пара взаимодействуют Интернет и животные, растения и, если существуют, инопланетяне. Все, что является совместимым на вертикальном уровне, объединяет С-верт-Категориал.

Сетевой горизонтальный корреляционал (С-гор) состоит также из интракорреляционала (С-гор-Интра), интеркорреляционала (С-гор-Интер), супракорреляционала (С-гор-Супра), суперкорреляционала (С-гор-Супер), экстракорреляционала (С-гор-Экстра), паракорреляционала (С-гор-Пара) и категориала (С-гор-Категориал). С-гор-Интра представляет собой связи в любой территориальной ячейке Интернета в отдельности. Это может быть Интернет города, деревни, региона, страны... С-гор-Интер охватывает отношения между различными территориальными ячейками Интернета (например, села и города). В основе С-гор-Супра лежит контакт территориальных сетей (например, балканских). В С-гор-Супер вступают в отношение сети более широких регионов (например, европейских). С-гор-Экстра состоит из связей далеких друг от друга регионов (напр., Южной Америки и Европы). С-гор-Пара предполагает наличие связи между Интернетом и территориями, на которых обитают животные, растут растения, существуют внеземные цивилизации, вступающие в связь с человеком. Это последнее является гипотетическим, так как пока лишь теоре-

¹⁰ Более подробно см. Тошович 2011, Tošović 2001.

тически можно говорить о том, что инопланетяне существуют, находятся в Интернете и пользуются им. Что касается животных и растений, они являются важным объектом Интернета, но о них как сетевых субъектах трудно говорить. С-гор-Категориал охватывает сетевые совместимые связи на горизонтальном уровне.

Сетевой социальный корреляционал (С-Соц) представляет собой систему отношений между Интернетом и социальной средой. Его частями является интракорреляционал (С-соц-Интра), интеркорреляционал (С-соц-Интер), супракорреляционал (С-соц-Супра), суперкорреляционал (С-соц-Супер), экстракорреляционал (С-соц-Экстра), паракорреляционал (С-соц-Пара) и категориал (С-соц-Категориал). В рамках С-соц-Интра в связь вступает Интернет и определенная социальная группа, малая или большая (напр., студенты). В С-соц-Интер Интернет соотносится с социальными группами гомогенного коллектива (скажем, общение по Интернету представителей одной нации, одной религии и т. д.). С-соц-Супра покрывает интернет-коммуникацию гетерогенных коллективов (двух или более наций, двух или более религий и т. п.). С-соц-Супер является системой отношений между Интернетом и определенной административной единицей, какой является край, область, республика, государство, содружество... (напр., общение по Интернету в Красноярском крае Российской Федерации). В С-соц-Экстра взаимодействует Интернет с различными административными единицами (напр., на межгосударственном уровне). С-соц-Пара подразумевает интернет-общение определенных слоев населения с животными, растениями, инопланетянами. С-соц-Категориал охватывает то, что является совместимым во взаимодействии Интернета и социума.

Сетевой языковой корреляционал (С-яз) является системой отношений между Интернетом и языком в рамках С-верт-Суперкорреляционала. В С-яз выделяются интракорреляционал (С-яз-Интра), интеркорреляционал (С-яз-Интер), супракорреляционал (С-яз-Супра), суперкорреляцио-

нал (С-яз-Супер), экстракорреляционал (С-яз-Экстра), паракорреляционал (С-яз-Пара) и категориал (С-яз-Категориал). В С-яз-Интра проходит сетевое общение на одном языке (например, русском). С-яз-Интер покрывает сетевую коммуникацию на очень близких языках с одной диалектной базой и очень высокой степенью понимания (напр., к таким языкам относятся сербский, хорватский и бошняцкий). С-яз-Супра состоит из сетевого общения на близких языках, но с различной диалектной базой (такими являются, скажем, с одной стороны, сербский, хорватский, бошняцкий и, с другой, словенский, болгарский, македонский). С-яз-Супер охватывает связи по Интернету на языках, относящихся к территориально различным языкам одной генетической группы языков (напр., восточнославянскими и южнославянскими, типа русского и сербского). С-яз-Экстра является системой сетевого взаимодействия генетически гетерогенных языков, скажем, славянских языков, с одной стороны, и немецкого языка, с другой. С-яз-Пара предполагает наличие сетевого контакта человеческих и «нечеловеческих» языков (языков животных, растений, инопланетян...). С-яз-Категориал охватывает то, что является совместимым во взаимодействии Интернета и языка.

Сетевой стилистический корреляционал (С-Стил) является системой взаимодействий между Интернетом и стилистикой в рамках С-верт-Суперкорреляционала. Здесь тоже существует интракорреляционал (С-стиль-Интра), интеркорреляционал (С-стиль-Интер), супракорреляционал (С-стиль-Супра), суперкорреляционал (С-стиль-Супер), экстракорреляционал (С-стиль-Экстра), паракорреляционал (С-стиль-Пара) и категориал (С-стиль-Категориал). С-стиль-Интра охватывает связи между одной стилистической разновидностью (напр., стилем) и одной сетевой разновидностью (скажем, форумом), причем в центре внимания находится позиция Интернета в стиле и позиция стилия в Интернете. В С-стиль-Интер взаимодействует одна стилистическая разновидность с двумя, тремя... сетевыми разновидностями,

и наоборот. Здесь на первый план выступает (а) роль Интернета в двух или нескольких стилях, б) роль стиля в двух или нескольких структурных единицах Интернета. С-стиль-Супра состоит из соотношения Интернета и надстилевых разновидностей (стиля рекламы, мемуаров, эпистол, религиозных текстов) на двух уровнях: (а) места Интернета в надстилевых разновидностях, (б) места надстилевых разновидностей в Интернете. С-стиль-Супер охватывает взаимодействие Интернета и функциональных стилей, а именно (а) роль Интернета в функциональных стилях, (б) роль функциональных стилей в Интернете. В С-стиль-Экстра входит взаимодействие внесетевой оболочки Интернета и экстраязыковой оболочки функциональных стилей. С-стиль-Пара предполагает наличие связи между стилистикой Интернета и стилистикой «нечеловеческих» языков (языков животных, растений, инопланетян...). С-стиль-Категориал охватывает то, что является совместимым во взаимодействии Интернета и стилистики.

Тот факт, что из семи миллиардов людей, проживающих на Земле, три миллиарда пользуется Интернетом, говорит о колоссальном стилистическом материале, порождаемом сетевым пространством. Такая продукция отличается тремя основными свойствами: (а) сложным соотношением экспрессивности и нейтральности, (б) огромным разнообразием на всех стилистических уровнях (фонетико-фонологическом, просодическом, лексико-семантическом, идиоматическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, текстуальном), (в) необъятным варьированием и переплетением различных стилей. Соответственно, стилистический потенциал Интернета выступает в форме (1) бинарной оппозиции экспрессивное – нейтральное, (2) актуализации ярусных ресурсов (лексико-семантических, идиоматических, фонетико-фонологических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, текстуальных), (3) стилевой дифференциации. Эти типы проявлений можно найти и в языковой офлайн-продукции, но разница в том, что в мировой паутине все

намного больше смешивается, переплетается и объединяется. Особенно важно то, что в Интернете материал организуется не в линейном порядке, а при помощи ссылок (линков) превращается в гипертексты, позволяющие переходить с одной информации на другую, с одной стилистической окрашенности на другую, с одного стиля на другой.

Основными маркерами стилистического потенциала Интернета является экспрессивность, стилевое расслоение и стилистическая уровневая структура. В рассмотрении симбиоза (а) Интернета как пространства, коммуникативного средства и канала связи и (б) стилистики как раздела языкознания, занимающегося стилистическими явлениями в языковой коммуникации и стилистическим потенциалом в любых речевых пространствах и каналах связи, выделяются два исходных вопроса: 1. Насколько Интернет является важным для стилистики. 2. Насколько стилистика является важной для Интернета?

Стилистика – одна из древнейших филологических дисциплин, в то время как Интернет – новое явление в жизни и деятельности людей. Интернет и стилистика сходятся в том, что оба одновременно и публичны, и индивидуальны. Для стилистики является очень привлекательным важнейший признак Интернета – субъективность. Они сближаются и тем, что значительная часть сетевого и стилистического материала отличается отсутствием строгих правил организации и что у обоих нарушение норм является важнейшей чертой. Их отличает различный подход к избыточности: стилистика ориентирована на снижение порога повторяемости языковых единиц, в то время как Интернет требует увеличения плотности ключевых слов в целях индексации, проводимой роботами. Существует еще одно несовпадение: стилистика тяготеет к гармонии, уравновешенности, эстетической упорядоченности, а Интернет содержит в себе и порядок, и хаос, и синергетику, что сильно затрудняет анализ их взаимодействия. Но не всякая хаотичность противопоказана стилистике – есть и такая, которая специально создается для

того, чтобы вызвать эффект, и поэтому является стилистически релевантной.

Во взаимодействии Интернета и стилистики необходимо учитывать наличие нескольких типов реальности – физической, виртуальной (VR-реальности, мнимой), художественной, языковой и стилистической.¹¹ Интернет своей значительной частью является виртуальным феноменом, в то время как стилистика изучает вполне реальный материал. В их соотношении проявляются два типа сознания: досетевое (офлайн-сознание) и сетевое (онлайн-сознание). Та часть Интернета, которая порождает случайное, эфемерное, неосознанное, ненарочитое, не является существенной для стилистики, так как обычные опечатки, ошибки в написании и т. п. не содержат в себе никакой стилистической ценности. Лишь когда «погрешности» и «слабости» направлены на создание эффекта и эмоциональную реакцию (положительную или отрицательную), они становятся предметом стилистики.¹²

Для стилистики особенно важно изучить способ выражения постоянных «жителей Интернета»¹³ (интернетян, интеян, интеранов, как они себя называют). Это пользователи, (1) жизнь и/или деятельность которых немислима без Интернета, (2) которые общаются преимущественно через Интернет, (3) которые обмениваются информацией, знанием, опытом, главным образом в сетевом пространстве, (4) которые значительную часть времени проводят в виртуальном мире веба, (5) для которых Интернет – место пребывания, (6) которые «заболели» Сетью («интернет-наркоманы», «интернетоманы», «интернетопаты»), (7) которые выражаются нестандартно, оригинально,

спонтанно, иногда очень небрежно, с самыми разными сдвигами и нарушениями нормы, направленными на создание эффекта. Они создают такой интересный и разнообразный материал, что можно выделить особую часть сетевой стилистики – стилистику интернетян. Самой яркой иллюстрацией является песня Земфиры¹⁴ «Девочка, живущая в Сети» (Webgirl). Эта песня интересна и своей темой, и своей организацией. Стихотворение состоит из 24 строк и имеет констатирующий, а не толкующий, аналитический характер: автор не ищет ответы на вопросы, что это за девочка, а в форме каталога рисует картину ночи, в которой одинокая девочка сидит за компьютером и реально общается в нереальном мире. Земфира просто сообщает: есть одна девочка на свете, которая (1) живет в Сети, (1) ищет и находит любовь между строками и пытается все угадать пальцами и клавишами. Она живет *за всех до конца на последнем этаже* (реального или виртуального?). Клавиши хранят ее тепло и скрывают вопросы о том, кто находится *на том конце*, кому можно отдать сердце. У нее много вопросов (бывает ли чудо, встречаются ли настоящие люди), много предположений, много модального (*может быть*), а мало ответов. Точнее, их вообще нет. Она просто отключается от реального мира, *она забывает любовь между строк, между небом и землей*. Автор текста дает почти все в намеках. В стихотворении почти нет динамики, в нем преобладает статика – девочка сидит неподвижно, и лишь звук клавиш слышится в ночной тишине. То, что она проводит целую ночь в виртуальном мире, автор также прямо не сообщает, а выражает двумя стихами без сказуемого: *Девочка – уставшие глаза | Догнавшие рассвет...* Вот это последнее – отсутствие сказуемого в личной форме глагола – автору показалось лучшим средством для передачи ночи, в которой девочка сидит до рассвета одна в своем виртуальном мире. Оказывается, что лучшим средством для изображения обычной, повторяющейся ночи юной по-

¹¹ Здесь можно добавить и сновидение.

¹² Типичным примером являются т. наз. эрративы.

¹³ Но также можно говорить о случайных участниках и тех, которые время от времени подключаются (мы их образно называем «проходимцами», но без отрицательной коннотации). Кроме простых пользователей существуют также разработчики, администраторы, модераторы, лидеры и др. Одну часть пользователей составляют блогеры, хакеры и т. д.

¹⁴ Земфира – сценическое имя российской певицы Земфиры Талгатовны Рамазановой (родившейся в Уфе).

стоянной жительницы Интернета стали не личные глагольные формы, а причастия и деепричастия: 18 из 27 глагольных форм к ним относятся – причастия 10 (*живущая* 4, *нашедшая*, *хранящие*, *таящие*, *забывшая*, *оставшие*, *догнавшие*), деепричастия 3 (*пытаясь*, *надеясь*, *встретив*), инфинитив 5 (*угадать* 2, *быть* 3). Личные глагольные формы (9) появляются лишь с середины песни: *может* 3, *отдашь*, *отдаст*, *знаешь* 2, *бывает*, *встречают*. Данная песня очень напоминает стихотворение Дмитрия Кедрина «Я»¹⁵, но разница в том, что в тексте Д. Кедрина нет ни одной личной глагольной формы. А конец песни *Девочка – оставшие глаза | Догнавшие рассвет...* ассоциируется с концом самого известного безглагольного стихотворения А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...»¹⁶: *И заря, заря!* В стилистике песни Земфиры обращает также внимание нагромождение троеточия (12 раз), пропуск запятых (используются лишь четыре раза) и полное отсутствие точек.

Данная песня вызвала живой интерес, особенно у «интернетян». Появились и разные подражания. Так, у М. О. Слесаренко его девочка живет в краю несбыточных иллюзий, в мире, в котором все обман, все мираж. Она в поиске страстной любви *портит зрение экраном*, но напрасно: желанного тут нет, и его не стоит ждать. Автор советует *уйти с интернетной барахолки, разбить железо на осколки* и отправиться в парк гулять.

*Девочка, живущая в сети,
В краю несбыточных иллюзий,
За откровение прости,
Я просто очень честный юзер.*

*Здесь все обман, здесь все мираж,
И все подвластно цифре строгой,
И чувств шальных ажиотаж,
Лишь пыль над клавишной дорогой.
[...]*

(Слесаренко-www)

Другое стихотворение с идентичным заглавием и уточнением в скобках «Девочка, живущая в Сети (Леди-Блоггер)» некто Sickboy

¹⁵ Мы его подробно рассмотрели в Тошович 2006: 319-322.

¹⁶ О нем см. Тошович 2006: 400-403.

посвящает всем девушкам, которые найдут в нем частичку себя (Sickboy-www). В тексте подробно описывается ночь девочки, живущей в виртуальном мире: когда вокруг нее другие гасят свет, она садится в кресло поудобней, укутавшись в пушистый мягкий плед. Ее глаза блестят, она чувствует себя свободной, а среди тысячи сайтов она находит уютный уголок и с завидным постоянством наполняет статьями личный блог просто для себя.

[...]

*Глаза блестят от света монитора,
Как маленького пламени огни.
Она здесь чувствует себя свободной,
Она та девочка, живущая в сети.*

[...]

Песня Земфиры обсуждалась и все еще обсуждается в блогах и чатах. Есть даже домены/блоги с названием «Девочка, живущая в Сети».¹⁷ Реакции на песню можно разделить на положительные и отрицательные.¹⁸ Особенно много реакций на тему «Виртуальная любовь».¹⁹ Появились даже и такие иллюстрации:

¹⁷ Таким является, например, <http://bygirl.net/>, в котором администратор обращается к пользователям: «Живя в Сети уже больше 15 лет, я, тем не менее, не ограничиваю свою жизнь только Интернетом. Но Интернет – хорошая площадка для того, чтобы высказывать свои идеи, мысли, впечатления и делиться опытом с друзьями и читателями. Добро пожаловать».

¹⁸ Например: «Девочка, живущая в Сети... Так начиналось у многих... среди пошлой откровенности чатов и голубоглазых анкет на сайтах знакомств. Фото, ники, ненастоящие улыбки, гигабайты пустоты между безликими пользователями Сети» (Фан-зона.www).

¹⁹ Скажем: «Девушки – самые активные пользователи виртуальных сайтов знакомств. Подойти на улице к понравившемуся молодому человеку сложно, а вот «подмигнуть» или поставить плюсики под фото в социальной сети гораздо легче. Единственный риск – это вероятность того, что на фото вовсе не Вася Петров, а какой-нибудь актер.

Даже Билл Гейтс рассказывал историю, как он «встречался» с женщиной по Интернету. Они даже «ходили в кино» – брали билеты на одно и то же время на один фильм, находясь при этом в разных городах. По дороге в кинотеатр разговаривали по телефону, после фильма также созванивались и обсуждали кино» (Виртуальная любовь-www).

ДЕВОЧКА, ЖИВУЩАЯ В СЕТИ...

опубликовано ADMIN 14.02.2012 в СТАТЬИ с БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Твитнуть 1

(*Девочка-www*)

На взаимодействие Интернета и стилистики оказал положительное воздействие постмодернизм, особенно такие его фундаментальные свойства, как делинеаризация (нелинейное повествование), гипертекстуализация, интерактивность, комбинаторность, устранение предзаданной фабулы, многовариантность сюжета, вовлечение читателя в творческий процесс (возможность самому читателю встраивать собственный текст), приоритет игрового элемента, динамичность, мозаичность, гибридность, неоднородность прочтения и интерпретации, нейтрализация границ между искусством и повседневной жизнью, литературой, наукой и философией, экспериментирование и т. п.

Литература

1. Виртуальная любовь-www: <http://www.justlady.ru/articles-128253-virtualnaya-lyubov-devochka-zhivushchaya-v-seti>. Состояние 4. 12. 2014.
2. Девочка-www: <http://smages.com/blog/stati/devochka-zhivushhaya-v-seti.../>. Состояние 29. 11. 2014.
3. Мартынов Д. В., Оськин А. В. Интернет и пресса. – М.: Собеседник, 2010. – 216 с.
4. Слесаренко.www: Слесаренко М. О. Девочка, живущая в сети. – Журнал «Самиздат», http://samlib.ru/s/slesarenko_m_o/devvseti.shtml. Состояние 28 ноября 2014.
5. Сотникова О. П. Интернет-издание от А до Я: Руководство для веб-редактора. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 160 с.
6. Тошович Бранко. Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков: Часть I: Фонетика – Фонология – Просодия. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 640 с.
7. Тошович Бранко. Экспрессивный синтаксис русского и сербского/хорватского языков. – М.: Языки славянских культур 2006. – 559 с.
8. Уланова М. А. Интернет-журналистика: Практическое руководство. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 238 с.
9. Фан-зона.www: Девочка, живущая в Сети... http://snipers.net/topic_1627. Состояние 25. 11. 2014.
10. APA. Smartphone statt Schokolade // Die Presse. – Wien: 11. 12. 2014. – С. 15.
11. Die Presse-www: Weltbevölkerung steigt auf 7,2 Milliarden. – Die Presse: Wien, 24. 12. 2014, S. 32.
12. Internet-www: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Состояние 25. 11. 2014.
13. Internet-www2: <http://dmir.ru/obyavleniya/zvezdnoe-nebo-3d-na-potolok-svetyashchayasyahud-rospis-2380014.html>. Состояние 25. 11. 2014.
14. Sickboy-www: Девочка, живущая в сети (Леди-Блоггер). <http://sickboy.ru/konkursy/devochka-zhivushhaya-v-seti-ledi-blogger.html>. Состояние 3. 12. 2014.
15. Tošović Branko. Korelaciona sintaksa. Projektional. – Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, 2001. – 456 s.

СЛОВО ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ (О ДВУХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПАХ РЕЧИ)

В работе противопоставляются два типа речи. Первый тип – речь актуальная, являющаяся частью общей практической деятельности общества. Эта речь имеет точные координаты социального пространства времени. Второй тип – речь, находящаяся в мире знаний. Она существует вне связи с конкретными координатами социального пространства-времени. Речь первого типа утилитарна, ее свойства определяются ее практическим назначением. Второй тип речи формирует тексты – хранители информации, тексты такого типа являются генераторами смысла.

Ключевые слова: актуальная речь, речь когнитивной сферы, социальное пространство-время, утилитарная речь, текст-генератор смысла.

Vladimir I. Konkov

(Saint Petersburg State University)

TWO TYPES OF COMMUNICATIVE SPEECH

In the scientific article contrasts two types of speech. The first type – the actual speech, which is part of the general practice of society. This speech is the exact coordinates of social space-time. The second type – a speech, which is in the world of knowledge. It exists independently of the specific coordinates of social space-time. This first type of utilitarian, its properties are determined by its practical purpose. The second type of speech forms texts – the guardians of the information, text generators of this type is meaningless.

Keywords: actual speech, speech cognition, social space-time, utilitarian speech, text-generator sense.

В произведениях художественной литературы, осмысливающих человека, мир его жизни, в фольклоре всегда уделяли изрядную долю внимания речи человека, тому, что и как он говорит. Трепетное отношение к речи (в качестве синонима употребляется также слово *слово*) обусловлено многими причинами. Одна из основных: слово мыслится как та сущность, которая является первоосновой всего сущего. Это засвидетельствовано в Евангелии от Иоанна: «В начале было слово...»

Мы здесь хотели бы обратить внимание на один метафорический образ, который используется в художественной литературе и фольклоре для осмысления одной из наиболее главных оппозиций, формирующих теоретический фундамент изучения русской речи. Мы имеем в виду противопоставление живого и мертвого слова.

Начиная анализировать содержательную суть этой оппозиции, обратим внимание на хорошо известное произведение Н. С. Гумилева, в котором автор размышляет о слове мертвом и слове живом, утверждая приоритет живого, деятельного слова (Гумилев 1988: 312):

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Рассмотрим это произведение не как иллюстрацию к какому-то положению, а как первоисточник, в котором, пусть на основе категории образа, исследуется функциональное назначение речи (слова). Автор противопоставляет две группы слов. Первая – это слова, или, что то же самое, речь, которые актуализированы, вписаны в практическую деятельность и сами являются частью этой деятельности. Именно в таком слове воплощено подлинное функциональное назначение речи.

Вторая группа – мертвые слова, речь, которая отстранена от деятельного участия в мире. Ее суть и функции Н. С. Гумилевым не прописаны, весь акцент только на первый, актуальный, тип речи. Однако мы можем привлечь для выявления содержания понятия *мертвая речь* оппозицию *живое – мертвое*. Эта оппозиция носит более общий характер и присутствует в широко известных текстах, восходящих к семантическим и хронологическим глубинам русской речи. Вот небольшой фрагмент из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (Пушкин 1963: 93-94):

...И в той долине два ключа:
Один течет волной *живою*,
По камням весело журча,
Тот льется *мертвою* водою... <...>
...И стал над рыцарем старик,
И вспрыснул мертвою водою,
И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотой
Процвел; тогда водой *живою*
Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодою,
Встает Руслан...

Метафора, предложенная в тексте, имеет глубокий когнитивный смысл. Мертвое, в отличие от живого, не считается ненужным и не имеющим права на существование. Его ценность в том, что оно поддается упорядочиванию. То, что нарушено, приве-

дено в беспорядок жизнью, упорядочивается и классифицируется после смерти. Беспорядок бывает только там, где существует активность живого начала. В неживой природе беспорядка, по определению, быть не может. Не случайно у А. Платонова человек может приспособиться к природе лишь смертью: «Но глаза не закрывались, а выгорали и выцветали, превращаясь в мутный минерал. В его умерших глазах явственно пошли отражения облачного неба, — как будто природа возвратилась в человека после мешавшей ей встречной жизни и красноармеец, чтобы не мучиться, приспособился к ней смертью» (Платонов 1988: 250).

Антиномия живого и мертвого начала, которые сосуществуют в жизни, обозначена и в другом произведении А. С. Пушкина — «Моцарт и Сальери» (Пушкин 1964: 357):

Ремесло

Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию.

Здесь живая музыка, рождающаяся как часть жизни Моцарта, являющейся частью общечеловеческой жизни, противопоставлена музыке, являющейся объектом познания. Эта музыка, ставшая объектом изучения, извлечена из жизни, потому что только таким образом могут быть выявлены и проанализированы механизмы музыкальной речи.

Если мы распространим обозначенное истолкование метафоры персонифицированного живого слова у Гумилева, присовокупив к этому истолкование метафорического противопоставления живого и мертвого начала, на предстоящий перед глазами филолога массив русской речи, то мы окажемся перед необходимостью противопоставить два аспекта изучения речи и два ее типа.

В первом случае мы видим речь актуальную, вписанную в практическую деятельность, имеющую точно определенные координаты социального пространства-времени. Во втором случае мы видим речь,

находящуюся в сфере знаний, в сфере когнитива, не обусловленную в своем существовании точными координатами социального пространства-времени.

Речь актуальная является частью общей человеческой практической деятельности, привязана к конкретному месту и соотносена с определенной точкой на оси времени. Так, если в газете «Буй сегодня», которая выходит в Буйе, районном центре Костромской области, 11 августа 2011 года было опубликовано приуроченное ко Дню строителя интервью с Андреем Дмитриевичем Валенковым, заместителем генерального директора «ПМК-2», то это интервью являлось частью празднования Дня строителя в городе Буй в 2011 году. Оно было вписано в общую практическую жизнь именно этого города и именно в момент празднования Дня строителя.

Если Михаил Метцель, корреспондент ТАСС, 16 ноября в 9 часов 39 минут сообщил из австралийского Брисбена, что «Президент России Путин предупредил хозяина саммита «двадцатки» премьера Австралии Тони Абботта о том, что не сможет присутствовать на заключительном рабочем обеде из-за загруженного графика и долгого 18-часового перелета», то эта речь вписана в утилитарный контекст политической жизни именно России и именно в момент опубликования.

Рассматривая речь как актуальную, мы подчеркиваем ее утилитарность, ее связь с течением жизни во всей ее полноте и обязательно применительно к конкретному месту и времени потока жизни.

Как утилитарную и актуальную следует рассматривать всю бытовую речь в момент ее осуществления. Актуальна и утилитарна речь научного доклада или лекции в момент общения с аудиторией. То же самое можно сказать, например, о командах, подаваемых при открытии и ведении артиллерийского огня. Утилитарная актуальная речь вплетена во все сферы практической деятельности общества, ее наличие является абсолютно необходимым условием любого вида практической деятельности.

Необходимо обратить внимание на то, что утилитарная речь практически всегда

может рассматриваться как речь, имеющая статус перформатива. Термин перформатив был введен Дж. Остином для обозначения определенных типов речевых актов, высказываний (Остин 1986). Как перформативы квалифицировались такие речевые акты, высказывания, которые были равноценны поступку, сами по себе являлись поступком: клятва, обещание, обвинение, оскорбление и т. п. Однако есть все основания распространить понятие перформатива и на целые тексты.

Текст, как известно, может рассматриваться как высказывание на том основании, что именно текст является полноценной коммуникативной единицей. Убедительное обоснование текста как высказывания приводится в работах М. М. Бахтина (Бахтин 1979). Поскольку текст есть высказывание, то нельзя не видеть в нем, при соответствующей коммуникативной цели, перформативную составляющую. Перформативный компонент в целевом назначении текста неизбежно присутствует, если мы рассматриваем речь как актуальную, привязанную к конкретному месту и времени.

Идея истолкования утилитарного текста как перформатива принадлежит Ю. Хабермасу (Хабермас 1989). Автор, рассматривая тексты, где осуществляется самопрезентация личности, приходит к выводу, что такие тексты имеют признаки перформатива. Это тексты-действия. Однако идея Ю. Хабермаса находит подтверждение и при анализе текстов другого содержания с другими коммуникативными целями. Любой актуальный текст, то есть текст, включенный в практическую деятельность и являющийся частью этой деятельности, обладает перформативной составляющей именно в силу своей утилитарности.

Команда на открытие огня – это речевое действие равно по своим материальным последствиям неречевым действиям. Лектор, читающий лекцию, своими речевыми действиями меняет в данном конкретном месте в данное конкретное время поведение аудитории, формирует профессиональный интерес не просто путем передачи информации, а путем воздействия на каждого члена аудитории. Сообщение в газете о расстреле

захваченного в плен заложника является по своей коммуникативной цели обвинением.

Утилитарный, актуальный текст, рассматриваемый в момент своего осуществления как текст, имеющий перформативную составляющую, весьма существенно отличается по своим прагматическим характеристикам от текста, находящегося в мире знаний. Так, текст-перформатив не является генератором смысла. От него требуется точность, однозначность, а также ряд других чисто утилитарных характеристик, обуславливающих возможность достижения коммуникативной (и практической) цели.

Речевая природа утилитарности заключается прежде всего в том, чтобы речь была максимально приспособленной для выполнения своего практического предназначения. Жестко заданные лексико-грамматические параметры определяются экстралингвистическими факторами. Поэтому, например, газетный текст пишется как текст, рассчитанный на определенную аудиторию. Печатная речь строится так, как будто она является необратимой: теоретически газету можно перечитывать сколько угодно раз, однако по факту газета либо читается с первого раза, либо не читается вообще. Газетная публикация как утилитарный текст имеет развитую систему позиционирования в плоскости газетной полосы: заголовочный ансамбль, врезки, вспомогательные тексты-комментарии, анонс, инфографика и т. п.

Утилитарные тексты не предназначены для хранения для будущих поколений. Нет надобности в хранении для потомков всех команд, поданных артиллеристами во время боевых действий. Не предназначена в полном виде для хранения продукция СМИ. Не предназначена для хранения бытовая утилитарная речь.

В то же время утилитарные тексты могут играть роль вещественных свидетельств. В этом случае они встают в один ряд с материальными вещественными свидетельствами. Запись телефонного разговора функционально равна в судебном разбирательстве оставленным отпечаткам пальцев, разнообразным орудиям преступления и т. п. Какое-то время они, конечно,

могут храниться, существовать в социальном времени, но только именно в этом своем качестве.

Утилитарные тексты могут менять свой коммуникативный статус. Материал, опубликованный в газете сегодня, через несколько дней полностью утрачивает свою утилитарную предназначенность. Вытесненный из актуального жизненного пространства, такой текст либо исчезает, либо уходит на хранение в сферу когнитива. Но он подлежит хранению не как текст-перформатив, а как артефакт своего времени, исчерпавший себя в своей утилитарности.

Утилитарный текст, попавший в сферу когнитива, становится предметом рефлексии. Он приобретает способность генерировать смыслы. Когда он имел статус утилитарного текста, перформатива, он соприкасался с разными формами проявления жизни во всей ее полноте. Он был частью деятельности политика, жителя города, чиновника, спортсмена и т. д. Попав в сферу когнитива, он соседствует только с другими текстами, вступая с ними в когнитивный диалог.

Текст, потерявший коммуникативный статус утилитарного перформатива, должен рассматриваться как текст, принадлежащий сфере знаний. Он лишь потенциально способен в тот или иной момент заново вписаться в живую жизнь. Сфера знаний не упорядочена во времени и пространстве. Текст в сфере знаний не привязан в своем существовании в мире знаний к какому-то временному или пространственному параметру.

Когда утилитарный текст отправляется в сферу когнитива, он теряет многое из того, что принадлежит утилитарности. Так, например, материал «Дороги провалились», посвященный ремонту дорог в Санкт-Петербурге и опубликованный в одном из городских изданий (Деловой Петербург. 29.05.2014), имел в газете в момент опубликования развитый в максимальной степени заголовочный ансамбль, богатую инфографику, ряд сопровождающих его фотографий и вспомогательных текстов-комментариев. Когда этот же материал через несколько дней был воспроизведен на

сайте одной строительной организации, «ФМ Ложистик» (FM logistic), то он предстал там перед читателями в совершенно ином виде. Теперь это только носитель информации, а не текст, предназначенный для внедрения в сознание читательской аудитории в целом. Поэтому текст лишается анонса, вспомогательных текстов, врезок, инфографики, фотоизображений.

То, что мы называем утилитарными текстами, в значительной степени соотносимо с понятием компоненты материальной культуры у Ю. М. Лотмана: «В истории техники и вообще в истории материальной культуры «работает» ее последний временной срез. Каждое новое изобретение сдает предшествующие в музей. В своей непосредственной функции они уже никогда не будут использоваться» (Лотман 2000б: 615).

Массиву актуальной речи противопоставлен массив речи, которая изначально, по природе своей, с самого момента своего возникновения предназначена для функционирования в сфере знаний.

Такая речь формируется без необходимости привязки к точным координатам социального пространства-времени, не локализована в этом реальном пространственно-временном континууме. Научные статьи, монографии, предназначенные для хранения и передачи знаний, сохраняют свою первоначальную ценность в любом месте и в любое время. То же можно сказать о произведениях художественной литературы. Роман Л. Толстого «Война и мир» как когнитивный феномен не теряет смысла своего существования с течением времени и с переменой места его чтения. Произведения, не востребованные современниками, могут оказаться интересными для последующих поколений.

«Культурная память, – писал Ю. М. Лотман, – как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени. Она сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» (Лотман 2000а: 674-675).

Художественный образ, наличием которого художественная литература отличается от всех других разновидностей речи, яв-

ляется феноменом гносеологическим, является средством познания и в этом качестве не теряет своей ценности со временем.

Тексты, принадлежащие сфере когнитива, в целом содержат всю накопленную обществом информацию и поэтому подлежат постоянному хранению.

Очевидно, что тексту, находящемуся в сфере когнитива, в некоторых случаях может потребоваться актуализация. Например, в силу ряда причин, социальных, политических, эстетических, внезапно, вдруг возникает интерес к произведениям писателя, которые до сих пор интереса не вызывали (говорят: заново открыли). На то, что тексты, принадлежащие сфере знаний (это, как правило, тексты, формирующие, в терминологии Ю. М. Лотмана, пространство культуры), могут менять свой коммуникативный статус, Ю. М. Лотман указывал совершенно определенно: «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее – сделаться существующим и значимым (Лотман 2000а: 675).

В школьной практике постоянно требуется актуализировать для учащихся тексты, принадлежащие прошлой эпохе. Механизмы актуализации текста здесь иные, чем те, которые используются в речевой практике СМИ. Печатаются комментарии к тексту, воссоздающие социально-временной контекст, пишутся критические статьи, составляются энциклопедические словари, делаются экранизации текста.

Проблема актуализации художественного текста особенно остро стоит перед теми, кто занимается преподаванием родного языка как иностранного. Постоянно вырабатываются новые приемы адаптации текста применительно к возможностям аудитории, то есть приемы актуализации содержания текста.

Текст в сфере когнитива, и прежде всего художественный текст, имеет статус именно текста как структуры, которая является заготовкой, основой будущего произведения, но еще не самим произведением. Неслучайно говорят: текст романа Толстого «Война и мир». То есть пусть неосознанное, но представление о том, что текст романа – это еще не роман, существует. Текст романа станет произведением, романом, тогда, когда он будет прочитан, актуализирован и его воздействие станет фактом. И в этом случае текст приобретает в своем статусе такие черты, которые позволяют рассматривать его в сфере категории перформатив. Напечатанный роман Толстого «Война и мир» – это речь, находящаяся в сфере когнитива. Пережитый при чтении роман – это речь актуальная, речь, вписанная в жизнь читателя. Аудиозапись романа – один из наиболее действенных способов актуализации текста.

Оппозиция *текст/произведение* сформировала отношения оппозитивности именно в плане противопоставления *когнитивное – актуальное*.

Актуальная утилитарная речь и речь, находящаяся в сфере когнитива, требуют разных подходов и при их изучении.

Собранные в библиотеке подшивки газет разных времен – это тексты, которые при рождении воспринимались как речь актуальная. С течением времени они все перешли в сферу когнитива и стали предметом рефлексии. Этот массив текстов можно расчленять и препарировать самыми разными способами именно потому, что весь в целом он утратил связь с конкретными координатами социального пространства-времени и связан с жизнью лишь предельно обобщенными так называемыми экстралингвистическими факторами. Поэтому этот речевой массив может рассматриваться в том числе и как один функциональный стиль, там могут выделяться разные подстили, членения могут быть самые причудливые, при изучении этих подстилей могут использоваться всевозможные методики и исследовательские процедуры. Потерявшие связь с жизнью тексты не сопротивляются. Приведенная

выше цитата из произведения А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» в полной мере проецируется на подход к изучению речи, который характерен для традиционной функциональной стилистики.

Разумеется, не следует воспринимать данный пассаж как унижение функциональной стилистики. Изучение речи, ушедшей в мир знаний и потерявшей связь с актуальной действительностью, позволяет выявить такие нюансы в процессе классификации ее разновидностей, которые в актуальной речи незаметны в беспорядке жизни. Нам целесообразно рассматривать речь как функциональный стиль, когда мы изучаем ее саму по себе, обобщив экстралингвистику до степени, при которой утрачивается связь с единичной конкретной коммуникативной ситуацией, и вообще с единичным, конкретным. Не случайно главным основанием выделения того или иного функционального стиля, более или менее однородного массива текстов, ушедших в мир знаний, является наличие соответствующей формы общественного сознания.

Внимание к речи как к речи актуальной становится в центр исследовательского подхода, если мы рассматриваем речь как дискурс, в системе категорий дискурсного анализа. Когда речь рассматривается как дискурс, то перед нами «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова 1990: 136-137).

Функциональная стилистика стремится преодолеть онтологический отрыв от актуальной речи, с этой целью она переходит в сферу текстовой проблематики. Особенности текста начинают объясняться экстралингвистическими факторами. Но эти факторы, обстоятельства либо неизвестны и предположительны и подлежат реконструкции на основе текста, либо известны, но перестали быть актуальными, и с сегодняшней практической деятельностью такой текст не связан.

Чем более скрупулезным становится анализ отдельного текста, тем все в большей и большей степени теряет смысл ква-

лификация его как представителя функционального стиля. Так, общая характеристика публицистического стиля мало помогает осознать речевую специфику, например, хроникальной информации в процессе обучения студентов-журналистов. В этом случае в тексте важно не столько то, что обусловлено причислением заметки к разновидности публицистического стиля, сколько то, что обусловлено требованиями концепции конкретного издания (ориентация на определенную тематику, аудиторию, ряд чисто технологических моментов: использование аббревиатур, способы подачи цифровой информации, использование неязыковых символов, способы номинации лица, использование слов в иноязычной транскрипции и многое другое).

Если мы рассматриваем русскую речь как совокупность функциональных стилей, то мы получаем предельно обобщенную характеристику разновидностей русской речи, в максимальном отвлечении от случаев ее конкретной реализации в практической деятельности. Пять функциональных стилей – это очертания материков, которые видны из космоса. Мы видим общую картину, но возможность видеть частности не заложена в онтологию такого подхода.

Подведем итоги. Мы можем выделить две коммуникативные разновидности речи по ее отношению к социальному пространству-времени. С одной стороны, это речь актуальная, вписанная в конкретные координаты социального пространства-времени. С другой стороны, речь, находящаяся в сфере знаний, в сфере когнитива. Речь может менять свой коммуникативный статус. Актуальная речь уходит с течением времени в сферу знаний, сферу когнитива. Речь, существующая в сфере когнитива, в силу разных жизненных обстоятельств может актуализироваться. На речь, находящуюся в сфере знаний, чаще всего смотрят через призму функциональной стилистики. На актуальную речь чаще смотрят через категориальный аппарат теории дискурса. Каждый аспект анализа имеет свои преимущества, они находятся по отношению друг к другу в отношениях дополнительности.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237-280.
3. *Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1988. – 632 с.
4. *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб: Искусство–СПБ, 2000а. – С. 673-676.
5. *Лотман Ю. М.* Память культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб: Искусство–СПБ, 2000б. – С. 614-621.
6. *Остин Д.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-130.
7. *Платонов А. П.* Чевенгур // Платонов А. П. Ювенильное море: Повести, роман. – М.: Современник, 1988. – С. 188-551.
8. *Пушкин А. С.* Моцарт и Сальери // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 5. Поэмы. Сказки. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – С. 255-368.
9. *Пушкин А. С.* Руслан и Людмила // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 4. Поэмы. Сказки. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 7-101.
10. *Хабермас Ю.* Понятие индивидуальности // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 35-40.

Н. И. Клушина

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

СОВРЕМЕННАЯ СТИЛИСТИКА. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Перед современной стилистикой стоит много интересных проблем: развитие функциональной стилистики, создание интернет-стилистики, философское осмысление стиля и стилистики. Ведущие российские и зарубежные ученые объединились в Стилистическую комиссию Международного комитета славистов, чтобы развивать стилистическую науку.

Ключевые слова: стилистика, функциональная стилистика, интернет-стилистика, Стилистическая комиссия.

Natalia I. Klushina

(Lomonosov Moscow State University)

MODERN STYLISTICS. THE PROBLEMS AND PERSPECTIVES

There are a lot of interesting problems in modern stylistics: development of functional stylistics, generation of internet-stylistics, philosophic research of style and stylistics. The top-level Russian and international scientists organizations have been united by Stylistic commission of the International committee of slavists. Stylistic committee is researching of modern problems of stylistics.

Key words: stylistics, functional stylistics, internet-stylistics, Stylistic commission.

Путь стилистики, как и любой другой фундаментальной науки, не линейен. Стилистика познала периоды бурного развития, но были и спады, непростые поиски выхода из кризиса, отстаивание собственной уникальности в нахлынувшей лавине новых модных дисциплин.

Теория современной стилистики, как ее преподают в российских университетах, базируется на трех китах:

1) *теория функциональных стилей*, адекватно описывающих всю речевую практику общества;

2) *выбор* (априори креативный) из предлагаемых языком синонимических средств, в соответствии с авторской интенцией, интенцией жанра и интенцией функционального стиля;

3) *отклонение от нормы* («осознанное», по Л. В. Щербе) как проявление собственно стилистического.

Функциональная стилистика идеально описала литературный язык, создала нормы стилей и стала классической университетской дисциплиной. Но современная эпоха расшатала нормы, современная речевая практика их во многом опровергла, сегодня нормы функциональных стилей скорее можно рассматривать не как нормы, а как эталон. Их знание необходимо, стремление к эталону похвально, но стилистика по своей сути не нормативна. Норма для нее – стандарт, почти рутина, а девиация часто свидетельствует не об ошибке, а, наоборот, об уникальности и творчестве. Это ярко отражено в мысли Ю. С. Степанова о том, что свобода образованного человека к творчеству выражения проявляется «в стремлении не быть вполне нормативным и не быть неправильным» (Степанов 1997).

Творчество современной эпохи ученые пытаются осмыслить, разворачивая стилистику (как науку о творческом употреблении языка) навстречу разным научным направлениям. Только в российском научном поле существует множество уточняющих определений к стилистике: прагматическая стилистика, коммуникативная стилистика, дискурсивная стилистика, интенциональная стилистика, креативная стилистика и т. п. Эти определения в какой-то мере ука-

зывают на метания стилистики в поисках утраченного статус-кво и на попытки ее реанимирования за счет свежей крови новых дисциплин.

Постигшие стилистику хаос и эклектика, угрожавшие растворить ее в других, модных науках, распылить ее достижения или низвести ее до уровня риторики, сегодня критически осмысливаются и преодолеваются. Вырываясь из пут многочисленных определений, стилистика снова заявляет о себе как о целостной, современной, живой филологической науке. Спасли стилистику и показали ее неиссякаемый потенциал ведущие ученые, по словам Ст. Гайды, «патриоты стилистики».

В одной из своих последних статей «Стилистика жива (библиографические заметки)» М. Н. Кожина доказывает свой тезис о жизнеспособности стилистики, перечисляя в подтверждение сколь-нибудь заметные стилистические штудии начала XXI века в России и за рубежом (Кожина 2014). Жива, по ее убеждению, и *функциональная стилистика*, поскольку в стилевой системе русского литературного языка остались лакуны, например религиозный стиль. Добавим, что своих исследователей ждут и стиль рекламы, стиль политики, стиль интернета, которые сегодня получили общественное значение и явно отделились от газетно-публицистического стиля, в рамках которого изучались ранее. Расшатает это или, напротив, укрепит и разовьет систему функциональных стилей, покажет время.

Г. Я. Солганик – еще один ведущий российский ученый, сохраняющий верность стилистической традиции и тем самым утверждающий ее жизнеспособность. Возглавляемая им Московская школа стилистики на протяжении полувека регистрирует стилистические изменения, происходящие в языке публицистики, создавая тем самым историю стилистических исследований публицистического стиля и формируя стилистическую теорию современной медиаречи, или *медиастилистику*.

Известный австрийский профессор Б. Тошович считает, что мощный толчок развитию современной стилистики может

дать становление и развитие *интернет-стилистики*. В лекциях, прочитанных на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова в 2014 году, Б. Тошович обозначил основные проблемы, которые формируют интернет-стилистику. Становление интернет-стилистики позволит дать наиболее целостное описание современной интернет-коммуникации, которая пока очень робко, только в первом приближении, исследуется в отдельных статьях и в разрозненных концепциях.

Не будет преувеличением сказать, что исключительная роль в развитии современной стилистики принадлежит польскому профессору Ст. Гайде. Осмысливая сложную ситуацию конкуренции различных лингвистических дисциплин, он не просто утверждает, что стилистика жива. Профессор Ст. Гайда предлагает программу развития стилистической науки, видя ее будущее не в конкуренции, а в интеграции с перспективными направлениями научной мысли. Основы создания *интегративной стилистики* Ст. Гайда изложил в своих ключевых статьях, опубликованных в России в 2012-2015 годах: «Интегрирующая стилистика» (Гайда 2012), «Философия стиля» (Гайда 2014), «Актуальные задачи стилистики» (Гайда 2015). Эти статьи в целом формируют *философские основы* современной стилистики и включают стилистику в ряд важнейших гуманитарных дисциплин, имеющих общенаучное и общесоциальное значение. Без знания основ стилистики, как и без знания основ биологии, математики и других фундаментальных наук, невозможно развитие современного человека.

Таким образом, функциональная стилистика, медиастилистика, интернет-стилистика, интегративная стилистика и философия стилистики – вот точки роста современной стилистики, способные дать интересные результаты.

Столь амбициозные задачи можно решить, только объединив усилия разных стилистических школ, функционирующих в разных странах. Усилиями и по инициативе профессора Ст. Гайды, являвшегося координатором комиссий Международного комитета славистов (под эгидой

ЮНЕСКО), на XV Международном съезде славистов (20-27 августа 2013, Минск, Республика Беларусь) была сформирована Стилистическая комиссия Международного комитета славистов, в состав которой вошли признанные ученые из многих стран: Ст. Гайда, Е. Малиновска, Д. Бжозовска, М. Войтак, М. Макушовска, А. Киклевич (Польша); Б. Тошович, А. Вониш (Австрия); Я. Гоффманнова, П. Мареш (Чехия); М. Чаркич (Сербия); О. Органева (Словакия); П. Меич, Г. Милашин (Босния и Герцеговина); Л. Тантуровска, А. Гуркова (Македония); Д. Столац (Хорватия); В. Ивченков (Белоруссия); Т. Кузнецова, Л. Шевченко (Украина); Г. Я. Солганик, Н. И. Клушина, Т. И. Сурикова, Л. Т. Касперова, Н. В. Смирнова, С. Ф. Барышева (Россия).

С момента создания Стилистической комиссии в 2013 году ее заседания проводились в Москве (Россия), Минске (Белоруссия), Ополе (Польша), Граце (Австрия) в рамках стилистических конференций «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, 2014 г.), «Слово в контексте времени» (Минск, 2014 г.), «Разность культур и стиль» (Ополе, 2014 г.), «Интернет-стилистика» (Грац, 2015 г.).

Научные исследования важнейших стилистических проблем были обобщены в коллективных монографиях «Лингвистика речи. Медиастилистика» (М., 2012), «Дискурс и стиль. Теоретические и прикладные аспекты» (серия «Научные дискуссии») (М., 2014), в авторской монографии Б. Тошовича «Интернет-стилистика» (серия «Научные дискуссии») (М., 2015), в сборниках статей «Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции» (М., 2014), «Слово в контексте времени» (Минск, 2014), изданных по материалам конференций, а также в авторитетнейшем Международном научном журнале «Stylistyka», том 23 (Ополе, 2014).

Отдельно необходимо отметить подвижнический труд Пермской стилистической школы под руководством проф. Е. А. Баженовой, которая подготовила и издала в серии «Стилистическое наследие» сборник избранных трудов своего выдающегося основателя и крупнейшего российского ученого М. Н. Кожинной «Речеведение. Теория функциональной стилистики» (М., 2014).

С 2015 года на базе факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова начал выходить новый Международный научный журнал «Актуальные проблемы стилистики» (Москва, 2015), который ставит перед собой задачу публиковать наиболее значимые и теоретически важные статьи в области славянской стилистики.

Значимыми темами, которые обсуждались на конференциях и в изданных книгах, стали:

- Стиль и дискурс
- Стиль и культура

- Национальный стиль
- Медиастиль
- Интернет-стилистика
- Медиастилистика.

Тема «Медиакультура и стиль» предложена для научной дискуссии на тематическом блоке Стилистической комиссии в рамках XVI Международного съезда славистов, который пройдет в Белграде в 2018 году.

Перед современной стилистикой стоят важные проблемы. А у Стилистической комиссии впереди много интересной работы.

Литература

1. *Гайда Ст.* Интегрирующая стилистика // Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 93-105.
2. *Гайда Ст.* Философия стиля // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 9-17.
3. *Гайда Ст.* Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. – № 1. – 2015 (наст. издание).
4. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 268 с.
5. *Клушина Н. И.* Медиастилистика // Экология языка и коммуникативная практика. – № 2. – 2014.
6. *Кожина М. Н.* Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 624 с.
7. Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 528 с.
8. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 982 с.
9. Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть I. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. – 282 с.
10. *Солганик Г. Я.* О стиле современных газет // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 185-196.
11. *Тошович Б.* Стилистика – антистилистика – контрстилистика – неостилистика // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть I. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 217-225.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

- ◆ Факторы стилеобразующие и коммуникативные
- ◆ Объективные и субъективные стилеобразующие факторы
- ◆ Институциональные и неинституциональные диалоги
- ◆ Симметричная и асимметричная коммуникация
- ◆ Модификация стилеобразующих факторов
- ◆ Официально-деловой стиль
- ◆ Официально-риторический стиль
- ◆ Нелитературность в литературных стилях
- ◆ Дискурс и функциональный стиль
- ◆ Подстили и дискурсы
- ◆ Новые функциональные стили

“

Яна Гоффманнова:

«Стилеобразующие факторы можно предварительно определить как составляющие экстралингвистической действительности, влияющие на процесс отбора и организации выразительных средств, а также на создание окончательной стилистической характеристики текста».

«Что же будет дальше со стилеобразующими факторами? Большинство чешских и словацких авторов, по всей вероятности, в ближайшее время не откажется от них».

Ева Малиновская:

«Независимо от того, как мы будем называть эту разновидность польского языка – деловым языком /деловым стилем, юридическим или нормативным языком – важно то, что мы признаем ее самобытность».

«Можно сказать, что в официальной коммуникации кроме информационной и директивной функций появилась маркетинговая функция – внимание к бренду, репутации, сознательное формирование имиджа».

Петр Мареш:

«Большинству сфер публичной коммуникации свойственно то, что тексты не ограничиваются выбором литературных средств, но допускают присутствие элементов других разновидностей».

«Иерархия разновидностей в чешском языке очевидно релятивизировалась, и нормы, касающиеся их (не)комбинируемости, стали менее жесткими».

Татьяна Александровна Воронцова:

«Очевидно, что в условиях изменившейся парадигмы появляется необходимость уточнить ряд терминов и понятий и определить «сферы влияния» функциональной стилистики и отраслей лингвистики, так или иначе оперирующих понятием «дискурс».

«...ни актуализация тех или иных сфер общения, ни появление новых языковых средств в рамках определенной сферы общения вовсе не свидетельствует о появлении новых функциональных стилей».

”

Яна Гоффманнова

(Институт чешского языка Академии наук Чешской Республики)

КОНЦЕПЦИЯ СТИЛЕОБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ МОДИФИКАЦИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Статья посвящена истории понятия *стилеобразующие факторы* в чешской и словацкой стилистике. В ней анализируются истоки данной концепции (в Пражской школе), ее развитие и предложения относительно ее пересмотра с подачи некоторых современных чешских лингвистов. Автор тоже предлагает внести в нее определенные коррективы и включить в комплекс стилеобразующих факторов фактор симметрии/асимметрии, институциональности/неинституциональности. Асимметрия свойственна институциональному диалогу, но она также оказывает влияние на ход и форму частного диалога (асимметрия, основанная на разнице в возрасте, опыте и т. п.). В статье анализируется ряд (ситуационно дифференцированных) примеров симметричных и асимметричных диалогов.

Ключевые слова: стилистика, стилеобразующие факторы, диалог, институциональные и неинституциональные диалоги, публичные и непубличные (частные) диалоги, симметрия, асимметрия.

Jana Hoffmannová

(Czech Language Institute, Academy of Sciences of the Czech Republic)

THE CONCEPT OF STYLE-FORMING FACTORS AND THE POTENTIAL FOR THEIR CONTEMPORARY MODIFICATION

This study is devoted to the history of the concept of *style-forming factors* in Czech and Slovak stylistics. It examines the roots of this concept (in the Prague School), its further development, and proposals for its revision among some contemporary Czech linguists. The author proposes one possible amendment: the inclusion of the factor symmetry/asymmetry, or institutional/non-institutional in the list of style-forming factors. Asymmetry is characteristic for institutional dialogues, but also influences the course and resulting form of private dialogues (asymmetry based on differences in age, experience, and the like). Some (situationally differentiated) examples of symmetrical and asymmetrical dialogues are then analyzed.

Key words: stylistics, style-forming factors, dialogue, institutional and non-institutional dialogues, public and non-public (private) dialogues, symmetry, asymmetry.

1. Стилеобразующие факторы (в словаре (Кожина и др. 2003) названные «экстралингвистические стилеобразующие факторы») можно предварительно определить как составляющие экстралингвистической действительности, влияющие на процесс отбора и организации выразительных средств, а также на создание окончательной стилистической характеристики текста. Их можно считать одними из главных, специальных понятий чешской или словацкой функциональной стилистики. В первоначальном виде они появляются уже в работах пражских классиков Б. Гавранека и В. Матезиуса приблизительно в 1940 г. Позже их терминологически стабилизировал Ф. Травничек в публикации 1953 г. (см. об этом Мареш 2013). Затем уже без них не обошлась ни одна чешская или словацкая стилистика за исключением оригинальной концепции Ф. Мико (система выразительных категорий), развитой в дальнейшем его словацкими учениками (напр., Й. Павлович 2011). Все авторы чешских и словацких стилистик (особенно Едличка и др. 1970: 10–15; Бечка 1992: 20–23; Гаузенблас 1972: 26–30; Елинек 1995: 706–726 и 2002: 133; Чехова и др. 2008: 75–82; Минаржова 2011: 31–45; Мистрик 1972, 1997: 407–419; Финдра 2004: 162–164; Сланчова 1996: 9–27) также различали объективные и субъективные стилеобразующие факторы (СФ)¹. К объективным факторам традиционно относили:

- функцию (отсюда концепция «функциональных стилей»);
- ситуацию и обстановку общения (место, время, отдаленность участников, личная речь, публичное выступление и т. д.)²

¹ Терминология отличается лишь в некоторых деталях: вместо «факторов» «субъекты», вместо «объективный – субъективный», напр., «индивидуальный – интериндивидуальный», «персональный – интерперсональный (внеперсональный)» и т. п.

² Несколько слов по поводу курьезов: Бечка (1992) вместо стилеобразующих факторов/субъектов говорит об «источниках стилиевой дифференциации», различает внешнюю ситуацию (т. е. обстановку), внутреннюю (общие

- участников, их число, отношения, способ их контакта (прямой/непрямой, непосредственный/технически опосредствованный), степень ориентировки на адресата;
- «форму» речи (устную/письменную), связанные с этим факторы – диалогичность /монологичность, подготовленность/неподготовленность;
- так называемый «характер», общественную значимость речи (официальной / неофициальной, формальной/неформальной);
- зависимость речи от ситуации /высвобождение из ситуации;
- тему речи, скорее понимание темы.

К субъективным факторам может относиться возраст, пол, интеллектуальная склонность, образование, способности, опыт, профессия, интересы, характер и темперамент, моментальное психическое или физическое состояние (взволнованность, болезнь).

Обычно эта концепция исключительно связывается с авторами Пражской школы. Смейкалова (2013: 155) констатирует, что в мировой стилистике мы с ней не встречаемся. В принципе это так, когда понятие СФ приводят зарубежные авторы (славянского мира или средневропейской области) (Кожина и др. 2003: 624–627; Эромс 2009: 109–110), ссылаясь при этом на пражан и чешскую стилистику. Однако, при более детальном взгляде, представители совершенно других школ и областей (напр., Вейлс, 2001) уделяют внимание тому, как способность выражаться (и понимание) зависит от различных составляющих ситуации (ситуативного контекста), какую роль играют обстановка, тема, участники и их коммуникативная компетенция. Именно она позволяет использование дейксиса, импликации, инференции или определенной степени

знания, опыт, интересы участников) и контекстную (изменяется в ходе реализации речи). Кроме «контекстной ситуации» он выделяет и «ситуативный контекст» (противостоящий языковому контексту), который в устной речи дает возможность понять референцию действительных выражений, значение эллиптических высказываний и т. п.

формальности в зависимости от ситуации; обуславливает использование кодов, субкодов, разновидностей национального языка, регистров, code-switching и т. д.

2. Я кратко представила основу, на которой мнения чешских и словацких стилистов совпадают. Однако теория СФ в настоящее время привлекает внимание и молодых чешских авторов, испытывающих потребность в определенной ревизии традиционных понятий и концепций (Хромы 2012; Хромы – Милличка 2012; Прошек 2012; Смейкалова 2013). Давайте в таком случае займемся спорными пунктами классического понимания и его возможной корректировкой.

2.1. Довольно часто настаивают на необходимости соединения СФ с коммуникативными факторами, а также с коммуникативной моделью, схемой акта коммуникации, напр. с моделью Якобсона, из которой исходит различение шести основных функций языка, или с моделью Д. Хаймса (“SPEAKING”) из области этнографии коммуникации. Чехова и др. (2008) предлагают подчинить СФ коммуникативным факторам, т. е. всем составляющим и аспектам коммуникативной ситуации. Стремление к различению коммуникативных факторов и стилеобразующих (как первичных и вторичных – срав. Кожина и др., 2003) встречается с определенными барьерами (поэтому, напр., Прошек (2012: 147) его отвергает).

2.2. Возникает проблема, как понимать взаимоотношения между общей целью коммуникации, функцией/функциями речи и интенциями/иллюкциями отдельных актов речи.

2.3. Проблематичным является и позиция темы: не все авторы относят тему к объективным СФ, будучи убежденными в том, что тему можно по-разному разработать, выбрать всевозможные выразительные средства. В таком случае идентичность темы несколько спорна (как и идентичность значения «синонимов»). Некоторые относят к СФ скорее подход к теме, ее понимание, овладение ею. Но это, однако, могло бы скорее принадлежать к субъективным СФ. Определенные различия, конечно, могут происходить в связи с тем, задана ли автору/говорящему кем-то тема или он сам ее избрал.

2.4. Вышеупомянутые коммуникативные модели содержат как один из главных составляющих код, поэтому многие стилистики причисляют его к объективным СФ. Однако Прошек (2012: 148) по праву возражает, считая, что в случае кода речь идет не об обуславливающем СФ, а о совокупности выразительных средств, из которых в процессе стилизации мы выбираем лишь отдельные. Кроме того, мы сталкиваемся и с семиотической проблемой: какие системы знаков считать в стилистике кодами? Естественный язык, искусственные языки, разновидности национального языка? Средства вербальные, паравербальные, экстралингвистические (невербальные)? Считаться с кодом звуковым и визуальным, особенно графическим? А не перекрещивается ли в данном случае код с «формой речи», коммуникативным «каналом» (устная – письменная речь)?

2.5. Чрезвычайно сложными и по-разному понимаемыми являются отношения между СФ, связанным с характеристикой ситуации как публичной/непубличной, и «характером» речи официальной/неофициальной. Оба фактора, по всей вероятности, в значительной мере перекрещиваются. Публичную коммуникацию можно понимать как общественно адресованную (многочисленной публике), а также как коммуникацию в общественном помещении. Это может быть между двумя участниками: в ресторане, в транспорте, где их могут слышать и другие, «нератифицированные» говорящие. Однако она не должна быть официальной. Наоборот, коммуникацию между двумя субъектами в кабинете врача (врач – пациент) или в учреждении (служащий – клиент, гражданин) мы не будем считать публичной, но официальной (более или менее) она бывает. Кроме того, приведенные факторы перекрещиваются с фактором институциональности/неинституциональности, который в большинстве случаев среди СФ не приводится. На основании приведенных примеров может показаться, что институциональная коммуникация бывает официальной, в то время как неофициальную можно связать с неинституциональной. Но и институциональная

(и публичная) коммуникация может быть в значительной мере неофициальной, если, например, покупательница и продавщица хорошо знакомы... Что собственно понимается под «официальностью», а что под формальностью? Является ли официальность внешним условием коммуникации (объективным СФ), в то время как формальность уже представляет собой качество самой речи, окончательной стилизации, «черту стиля»? (Подробно об этом Мареш 2003).

Обе системы (коммуникативные факторы и стилеобразующие) полностью, конечно, не перекрываются: напр., различие и не всегда прямолинейное отношение между социальными ролями участников (ведущий программы – гость – зрители) и их коммуникативными ролями (говорящий – слушатель). С другой стороны, трудно их разделять: здесь плавные переходы не только между коммуникативными факторами и СФ, но и между СФ субъективными и объективными (куда относятся, напр., понимание темы, ориентировка на адресата/адресатов). Необходимо считаться с оттенками, межпозициями (коммуникация «полупубличная», «полуофициальная» и т. п.). Сложность всей ситуации подчеркивает и Мистрик (1972). По его мнению, влияние отдельных СФ в виде «векторов» слагается в общее направление.

Я. Хромы (2012) в своей критической статье указывает на то, что вся концепция СФ не принимает во внимание процессуальный стилевой пласт (только результативный). Из окончательной стилизации *ex post* мы выводим направление и степень влияния отдельных факторов, что в значительной мере ненадежно. Хромы прав и в том, что некоторые СФ очень комплексные (они могли бы быть разделены на частичные, иногда и на полярные). Он также отмечает, что стоило бы применить различие случайных и регулярных СФ, о чем писал Гаузенблас (1973, цит. по 1996). Автор рекомендует при исследовании СФ использовать экспериментальный подход, включающий и процессы стилизации. В статье Хромы – Миличка (2012) есть попытка доказать, как СФ подготовленность/неподготовленность влияет на продукцию

письменного текста (число исправлений, длина предложений).

3. Итак, что же будет дальше со стилеобразующими факторами? Большинство чешских и словацких авторов, по всей вероятности, в ближайшее время не откажется от них. Дать возможность растворить их в коммуникативных факторах, учитывая современное направление от стилистики скорее к социолингвистике, этнолингвистике, антропололингвистике, когнитивной лингвистике и т. п.? Проверять их эмпирическим путем? Стараться исследовать не только окончательный текст, но и конкретный ход процесса стилизации? А кроме того, не только процессы продукции, но и рецепции (рассуждение Смейкаловой 2013: 156), т. е. как СФ (напр. субъективные: возраст, образование) проявляются в фазе рецепции коммуникативного акта? Все это – возможные направления развития, хотя иногда они очень сложны. Я. Хромы (2012) упоминает о том, что число СФ возможно постоянно увеличивать. Это, конечно, нежелательно (до сих пор в чешской и словацкой стилистике их число было относительно стабилизировано). Но, несмотря на это, я позволю себе предложить одно из таких расширений списка объективных СФ.

Выше я уже упоминала о коммуникативном и стилевом профилировании институциональных диалогов, происходящих в более или менее публичных ситуациях и имеющих более или менее официальный характер. В качестве конститутивного фактора этих диалогов иногда приводится также асимметрия, имеющая различные мотивации. Она может по-разному создавать отношения между участниками, процессы их взаимного приспособливания или направленность к конфликту. Этот фактор несомненно влияет не только на процесс, но и на окончательную форму, стиль всего диалога. (Ср. Гоффманнова 2000; Гоффманнова – Мюллерова 2000; Гоффманнова 2006; Гоффманнова – Илкова, в печати).

3.1. Асимметрия состоит в том, что один участник диалога является профессионалом (представитель заведения, учреждения), владеющим необходимым словарным запасом (включая термины); он знает необходимые

тексты, на которые может ссылаться (положения, предписания, своды законов, справочники). Он обычно знает ход разговора, его отдельные фазы, владеет подходящей степенью вежливости, подходящими и неподходящими функциями реплик (кто должен в определенной фазе задавать вопросы, кто отвечать). Это опытный рутинер, компетенция которого основана на знании соответствующей социальной роли, и он лишь изредка из нее выпадает. На другой стороне находится неспециалист (гражданин, клиент, покупатель, пациент), не обладающий соответствующей компетенцией (не знает названий лекарств или товаров в магазине, не знает законов, не знает, когда можно что-то спросить или чего-то попросить...), в результате неопытности возникает его неуверенность, неопределенный способ выражения. В чешском языке асимметрия влияет и на выбор разновидности национального языка (у профессионала обычно литературный чешский язык, а у непрофессионала скорее нелитературный). В ходе разговора асимметрия может по-разному развиваться, она то ослабляется (профессионал объясняет неясные выражения, допускает и разговорную вставку, шутку...) или обостряется.

3.2. Кроме социальных ролей и различной позиции по отношению к ситуации, фактор асимметрии, влияющий на ход и результативную форму разговора, может иметь и другие основания, скорее индивидуально-психологические. Институциональная асимметрия скорее принадлежала бы к группе объективных СФ, в то время как другой тип – скорее к субъективным (хотя и семью можно понимать как институт, заведение). В данном случае речь идет об асимметрии, основанной на возрастных различиях (родители/прародичи, дети/внуки), с которыми связаны и различия в знаниях, опыте, определенном авторитете в семье и т. п.

Для иллюстрации приведу несколько примеров таких ситуаций, которые мы записали и исследовали.

а) Диалоги симметричные: прототипом мы считаем прежде всего равный дружеский разговор двух – трех подруг, одноклассниц, соседок приблизительно одного возраста. Это абсолютно неподготовлен-

ные и неформальные разговоры, участницы обращаются на «ты», используют контактные выражения (*правда, знаешь, знаешь что, конечно*), при обращении употребляют уменьшительно-ласкательную форму. Тематика этих разговоров специфицирована для разных поколений, связана с их жизненным опытом. Каждый возраст имеет свои специфические разговорные темы: среди наших записей есть несколько разговоров девушек-тинейджеров (или немного старше), говорящих о парнях, например, о партнерах на курсах танцев, или диалог двух старых соседок, обсуждающих главным образом проблемы с искусственными зубами и богослужения в местном костеле. Участницы спонтанно используют одинаковые регистры, что во всех случаях обусловлено сильным влиянием ситуации. Они говорят или о чем-то, что непосредственно присутствует в ситуации, и на этот предмет речи ссылаются дейктическими средствами, или говорят о чём-то, что хотя и вместе не видели, не пережили, но оно является составной частью их совместных знаний и опыта, на которые они могут ссылаться. Стилль всех разговоров гармоничный (девушки слегка язвят), роли и позиции равные. Неформальные, дружеские разговоры они, конечно, ведут не на литературном чешском языке. Для этих разговоров характерна высокая степень экспрессивности.

б) Кажущиеся симметричными разговоры, в ходе которых симметрия (хотя бы временно) перекрыта асимметрией, основанной, напр., на различиях в возрасте и поколении. В ходе одного семейного посещения взрослый сын пытается советовать своим пожилым родителям, как вести здоровый образ жизни, но постепенно его мать овладевает разговором и отвергает его заботу (в своем возрасте они уже не будут ничего менять, у них свой стиль жизни и т. д.). В другой семье, наоборот, разговором овладевает взрослая дочь, которая авторитетно дает инструкции пожилой матери, как запирает квартиру, куда надо класть ключи, когда кому-то открывать... Асимметрия отражается при использовании различных и обусловленных характером времени регистров. Когда бабушка

рассказывает внучке о своей молодости, ей приходится объяснять ряд выражений-историзмов (*стиральная доска, муфта*); так же мать объясняет четырехлетнему сынишке выражения, связанные со свадебным обрядом, в котором семья должна принять участие (*гости на свадьбе, извещение о бракосочетании, обручальное кольцо, шлейф, мирта*). Мать дает очень ясное, наглядное объяснение, в то время как ребенок ограничивается кратким проявлением согласия, сигналами понимания, иногда дополнительными вопросами. Источником асимметрии может быть и несходство в ролях гостя и хозяина. В одном застольном разговоре хозяйка предлагает гостям угощения, они от него отказываются (стесняются); хозяйка все время предлагает, почти принуждает. Вежливый ритуал переходит в своего рода псевдоконфликт.

в) В типичных институциональных ситуациях асимметрия детерминирована. В качестве примеров достаточны повседневные покупки в магазинах, где продавщицы знают точные названия, марки, размеры изделий и на основе своей профессиональной компетенции могут корректировать неуверенные, неопределенные высказывания покупателей. Покупатели не стараются говорить литературным языком, в то время как в речи продавщиц уровень литературности намного выше. Это объясняется обязательным употреблением стереотипных вежливых формулировок, исходящих из социальной роли продавщицы и имеющих постоянную литературную форму: *Что вы желаете? Что вам угодно? Вы еще что-нибудь другое желаете? Чем могу служить?* Примером мог бы быть и разговор редактора радио с профессиональным метеорологом. Редактор выступает в роли представителя слушателей, общественности, поэтому использует регистр неспециалистов. Например, в вопросах типа *В какое утро мы проснулись? / Типично зимнее?* Метеоролог же сохраняет свой научный регистр (*область низкого давления, холодный фронт*).

г) Далее еще существуют асимметричные институциональные ситуации, где асимметрия сглаженная или она элиминирована, перекрыта почти симметричным диалогом. В

небольшом деревенском магазине пожилой продавец хорошо знает всех покупателей, говорит с ними неформально, его регистр приближается к высказываниям покупателей. Он употребляет фамильярные, сленговые выражения, сокращения, уменьшительные слова. В этой атмосфере и его покупатели позволяют себе перейти к дружескому разговору, почти флирту. Детский врач в своем разговоре с пациентами демонстрирует высокопрофессиональную компетенцию, но одновременно он старается доступно формулировать, чтобы его понимали пациенты или (в случае совершенно маленьких детей) их родители. Составной частью его коммуникативной стратегии является и то, что он маленького пациента похвалит, рассмешит или на короткое время выйдет из своей роли и дружески поговорит с ребенком. Сюда относятся и разговоры исследователя, берущего интервью у респондентов. Он бы должен быть тем, кто асимметричный разговор ведет в соответствии со своей ролью; но он максимально заинтересован в сотрудничестве с партнерами, в их позитивном подходе, в том, чтобы они разговорились. Поэтому иногда он ведет себя чрезмерно уступчиво, приспособляясь к респонденту, соглашаясь с ним во всем, подсказывая ему, воодушевляя его, постоянно хваля... Таким образом, асимметрично управляемый институциональный разговор опять (местами, частично) становится дружеским разговором.

Характер разговоров в некоторых избранных ситуациях я здесь смогла продемонстрировать только коротко, в общих чертах. Надеюсь, мне удалось в какой-то мере доказать, что стилеобразующие факторы (в симбиозе с коммуникативными факторами) в наших интерпретациях текстов имеют свое обоснование и что когда-нибудь будет оправдано и расширение традиционного списка СФ. Мне хотелось показать значительность факторов / не/институциональности и симметрии/асимметрии, а также то, что их отношения непростые, они вступают в сложные отношения с факторами публичности/непубличности, официальности/неофициальности и т. п. Однако, именно эти сложные отношения, исключительная констелляция СФ являются тем, что формирует стиль конкретного диалога в процессуальном и результативном пластах.

Литература

1. Гоффманнова Я. «Подсказывание», «поддакивание» и другие виды стратегии преодоления коммуникативных барьеров // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 132-153.
2. Кожина М. Н. и др. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. – 696 с.
3. Bečka J. V. Česká stylistika. – Praha: Academia, 1992. – 468 s.
4. Čechová M., Krčmová M., Minářová E. Současná stylistika. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2008. – 382 s.
5. Eroms H.-W. Stil und Stilistik. Eine Einführung. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2008. – 256 s.
6. Findra J. Štylistika slovenčiny. – Martin: Vydavateľstvo Osveta, 2004. – 232 s.
7. Hausenblas K. Výstavba jazykových projevů a styl. – Praha: FF UK, 1972. – 188 s.
8. Hausenblas K. Komplexní a simplexní styly // Od tvaru k smyslu textu. Stylistické reflexe a interpretace. – Praha: FF UK, 1996. – S. 79-86.
9. Hoffmannová J. Symetrie a asymetrie (konverzace a institucionální diskurz) // Style konwersacyjne. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2006. – S. 30-40.
10. Hoffmannová J., Jílková L. (в печати): Symetrie/asymetrie dialogu jako stylový faktor.
11. Hoffmannová J., Müllerová O. Jak vedeme dialog s institucemi. – Praha: Academia, 2000. – 192 s.
12. Chromý J. Koncepce stylových faktorů v československé stylistice: rozbor, rizika, nástin řešení // Naše řeč 95, 2012. – S. 57-69.
13. Chromý J., Milička J. Experimentální zkoumání stylových faktorů: první výstupy // Naše řeč 95, 2012. – S. 181-186.
14. Jedlička A., Formánková V., Rejmánková M. Základy české stylistiky. – Praha: SPN, 1970. – 224 s.
15. Jelínek M. Stylistika // Karlík P., Nekula M., Rusínová Z.: Příruční mluvnice češtiny. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1995. – S. 701-782.
16. Jelínek M. Faktor stylový // Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds.): Encyklopedický slovník češtiny. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. – S. 133.
17. Mareš P. Spisovnost a nespisovnost, formálnost a neformálnost // Přednášky z 46. běhu Letní školy slovanských studií. – Praha: FF UK, 2003. – S. 99-108.
18. Mareš P. O jazykovém slohu. Brožura Františka Trávníčka a její místo ve vývoji české stylistiky // Klímová K., Kolářová I., Tušková J. M. (eds.): Stylistika v kontextu historie a současnosti. – Brno: Masarykova univerzita, 2013. – S. 43-47.
19. Minářová E. Stylistika pro žurnalisty. – Praha: Grada Publishing, 2011. – 294 s.
20. Mistrík J. Vectors of style-forming stimuli // Recueil linguistique de Bratislava, 3, 1972. – S. 109-117.
21. Mistrík J. Štylistika. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1997. – 600 s.
22. Pavlovič J. Prednášky zo štylistiky slovenčiny. – Trnava: Trnavská univerzita, 2011. – 190 s.
23. Prošek M. Objektívni stylové faktory // Komunikační situace a styl. Studie k moderní mluvnici češtiny 2. – Olomouc: Univerzita Palackého, 2013. – S. 143-151.
24. Slančová D. Praktická štylistika (Štylistická príručka). – Prešov: SLOVACONTACT, 1996. – 178 s.
25. Smejkalová K. Subjektívni stylové faktory // Komunikační situace a styl. Studie k moderní mluvnici češtiny 2. – Olomouc: Univerzita Palackého, 2013. – S. 152-157.
26. Wales K. A Dictionary of Stylistics. – London: Longman, 2001. – 430 p.

Ева Малиновская
(Опольский университет, Польша)

ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

Сложность официальных действий делает официальный язык разнообразным, в нем можно выделить несколько разновидностей: официально-правовая, канцелярско-документальная и официально-риторическая. Все исследователи официально-делового языка согласны в том, что основными отличительными чертами этого стиля являются: директивность, безличность, точность и стандартность. Вышеупомянутые черты официально-делового стиля не встречаются с одинаковой интенсивностью во всех его вариантах.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, директивность, безличность, точность, стандартность.

Ewa Malinowska
(Opole University, Poland)

FEATURES OF OFFICIAL STYLE

The complexity of formal actions causes that the official style is not a monolith, but it is possible to distinguish a few sub-types within it: official-legal, official-documental and official-rhetoric. All official language researchers agree that the basic features of the said style are directiveness, impersonality, preciseness and standardness. The listed features are gradable and they do not occur with the equal strength in all sub-types.

Key words: official style, directiveness, preciseness, standardness.

Среди функциональных разновидностей современного польского языка официально-деловой стиль по-прежнему вызывает много сомнений. Отражается это в его названиях. В польской лингвистике долгие традиции имеет номинация *деловой* (см. Kurkowska, Skorupka 1959; Buttler 1982; Markowski 1992; Wilkoń 1987; Wojtak 1993; Wyderka 1990; Malinowska 1995, 2009, 2013). Станислав Гайда (Gajda 1982) предложил название *административная разновидность* (*административный стиль*), аналогично сделала Малиновская в своих более ранних исследованиях (Malinowska 1995; 2001), придавая определению *деловой* оценочные коннотации.

Стоит отметить, однако, что в научных высказываниях номинации *деловой стиль*, *официальная разновидность* удалось избавиться от негативных коннотаций. Кроме того, *административный язык*, *административная разновидность* кажутся более узким понятием. По словам юриста Мацея Зелинского (Zieliński 2004: 15), они включают в себя только «выражения, существующие в процессе управления государственными органами». Сегодня я признаю номинационную традицию – *официальная разновидность, деловой стиль, официально-деловой язык*.

Сложность официальных действий делает официальный язык разнообразным, в нем можно выделить несколько разновидностей:

- **официально-правовая** как основная, поскольку закон на самом деле является самыми широкими рамками официальных действий – в соответствии с законодательством должностные лица, действуя от имени учреждения, регулируют социальное поведение;
- **канцелярско-документальная**, включающая в себя переписку и документационные высказывания (удостоверяющие/констатирующие/подтверждающие статус-кво);
- **официально-риторическая**, связанная с церемониальной и убеждающей деятельностью учреждений (более подробно: Malinowska 2009).

Большинство исследователей до сих пор свое внимание сосредоточивали на

юридическом языке, который является «специализированным вариантом польского этнического языка» (Gajda 2004: 27). Его особенность проявляется в первую очередь в селективности средств из общей системы польского языка и их адаптации к коммуникативным условиям официально-правовой сферы. Эта адаптация заметна не только в специфичности сочетаемости слов и частоте их употребления, но и в семантике и прагматическом значении языковых средств на всех уровнях языка (Gajda 2004: 27). О статусе юридического языка высказывались также юристы (Choduń 2004, 2007; Gizbert-Studnicki 1986, 2004; Malinowski 2006; Sarkowicz 2004; Zieliński 1999, 2002, 2004). Томас Гизберт-Студницки воспринимает юридический язык как «язык, на котором составлены правовые документы, то есть тексты, поступающие от законодательной власти» (Gizbert-Studnicki 2004: 37). Точно так же утверждает Анджей Малиновский (Malinowski 2006: 30), считая юридический язык стилистической разновидностью общего языка. «Эта разновидность в лингвистическом смысле не является отдельным языком по отношению к общему языку, она является одним из компонентов общего языка, так называемым стилем языка или специальным языком» (Malinowski 2006: 236). Независимо от того, как мы будем называть эту разновидность польского языка – деловым языком /деловым стилем, юридическим или нормативным языком – важно то, что мы признаем ее самобытность, это подтверждается в статистических исследованиях свойств языка нормативных актов Анджея Малиновского (Malinowski 2006).

Интересна проблема особенностей официально-делового стиля, в польских исследовательских работах его характеристика зависит от принятой концепции стиля и методологических предположений. Появляются определения: *отличительный признак* или *показатель стиля*, *значение стиля*, *принципы стилистических особенностей*, *стилистические характеристики* (порядок и определения этих понятий см. Gajda 1982: 70-77, Wyderka 1990: 16-25). Тереза Скубальянка (Skubalanka

1984: 16) к отличительным признакам (чертам) официально-делового стиля относит: официальную, безличную, формальную, институциональную форму общения, из которой вытекает безличность этого стиля; схематичность и относительная целостность текста, более или менее акцентированные показатели импрессивной функции. В свою очередь, Мария Войтак (Wojtak 1988: 223), основываясь на концепции стиля Георгия Бартмиńskiego (Bartmiński 1981), предлагает следующий набор значений:

- определение межличностных отношений и правил сосуществования членов данного общества как важнейшая цель деятельности государственных органов;
- влияние на готовность получателя и управление его действиями, отсюда и нормативность текстов;
- отсутствие оснований постулированного поведения лица, подвергнутого воздействию;
- забота об устранении возможности различных интерпретаций текстов, забота об однозначности высказывания;
- существование формальных (безличностных) отношений между участниками коммуникативной ситуации, в которой функционируют официальные тексты;
- проектирование модельных правовых ситуаций и регулирование желательной с точки зрения отправителя реализации этих моделей.

Все исследователи официально-делового языка согласны в том, что основными отличительными чертами этого стиля являются: директивность, безличность, точность и стандартность. Богуслав Выдерка (Wyderka 1990: 21) пытается сделать иерархию этих характеристик, признавая главными распорядительный характер высказывания, безличность и точность, не допускающую различной интерпретации. Еще одной особенностью, по мнению этого исследователя, является шаблонность, которая вытекает не из специфики закона как формы общественного сознания, а из условий передачи информации. Иначе считает

Мария Войтак (Wojtak 1993: 247), которая утверждает, что эти черты «тесно связаны между собой, можно даже сказать, что взаимобусловлены, а также проникают друг в друга, что усложняет определение их иерархии».

Следует отметить, что вышеупомянутые черты официально-делового стиля не встречаются с одинаковой интенсивностью во всех его вариантах. Безличность свойственна общим правовым актам (законам, постановлениям) и коротким сообщениям директивного характера государственных органов (*просьба не сорить, не открывать окна во время движения поезда* и т. д.). В официально-деловом мире, где господствует безличный взгляд, человек воспринимается с формальной перспективы как единица определенного общества (гражданин, заявитель, клиент), однако в персональной коммуникации (административные решения, заявления, запросы, жалобы, просьбы, вызовы и т. д.) не только избегается безличность, но также появляются все чаще официальные акты вежливости (*в ответ на Ваше письмо по вопросу..., любезно сообщаем ..., любезно подтверждаем...*). Наблюдения подвидов официально-канцелярской разновидности приводят к выводу, что сегодня гражданин рассматривается субъективно, но асимметрия коммуникативных ролей (доминирование институционального участника) оказывает влияние на стиль текстов, особенно написанных заявителями (*любезно прошу, заранее благодарю за положительное рассмотрение моей просьбы*).

Наблюдаемая сильная стандартизация, шаблонность официальных текстов как юридической, так и канцелярской разновидности вытекает из условий передачи информации и связана с повторяемостью ситуационных событий, в которых участвуют граждане и государственные органы в этой области коммуникации. Стандартизации способствуют принципы законодательных правил, многочисленные канцелярские инструкции, руководства для офисных работников и общественности, приложения к приказам, содержащие образцы документов и компьютерные программы. Описание

языковых и текстовых показателей шаблонности включает в себе эскиз Малиновской (Malinowska 2010). Шаблонность видна уже в специфичном формулировании названий текстов, особенно представляющих юридические подвиды официально-делового стиля (каждый правовой акт должен иметь название с конкретным лексическим составом и графическим расположением компонентов). Это свойство также видно в начальных и конечных сегментах речевых юридических актов. Его лингвистическим показателем являются постоянные формулировки, причем отдельные виды текстов характеризуются свойственным только им, но довольно ограниченным репертуаром (более подробно: Choduń 2007: 141-147). Тексты канцелярского подвида также характеризуются шаблонной структурой. Стандартизация способствует тому, что очень часто официальные документы пишутся на так называемых корреспондентских бланках, на которых размещены постоянные рубрики типа: *Ваше письмо от..., наш знак ..., дело, ссылаясь на письмо...* и т. д. (более подробно: Malinowska 2006b). Следует подчеркнуть, что стандартизация официальных выражений связана с предварительным условием удачности, необходимым условием является написание его или высказывание соответственно определенным лицом или государственным органом (учреждением) определенным процессуальным методом (метод заключается в использовании формулировок с тем же лексическим составом в определенных местах документов, как правило, инициальных и финальных).

Еще одной особенностью делового стиля является стремление к точности. Способствует точности высказывания уже сама организация текста, особенно в подвидах официально-правовой разновидности: деление на озаглавленные разделы, главы, статьи (в законах) и пункты (в приказах, правилах), абзацы, пункты и подпункты. Наблюдается подробное описание надлежащего поведения, особенно в таких жанрах, как правила и инструкции. Точности выражения способствуют стереотипные языковые формулировки (например,

в следующем порядке, путем административного решения, по делу, в связи с вышеуказанным решено как в постановлении) и юридические определения, стремление к ясности и однозначности. С этой особенностью связана повторяемость лексики, особенно терминов, которые, в соответствии с принципами законодательной техники, должны быть использованы для описания конкретных понятий всегда в том же самом лексическом составе, их нельзя заменить синонимами. Повторяется в основном лексика, связанная с регламентом. Стремление к точности часто ломает принцип экономии языка, некоторые высказывания являются слишком распространенными.

Официально-правовая разновидность характеризуется сильной директивностью. Все юридические документы касаются обязанностей, прав, притязаний, компетенции и т. д., поэтому в них наблюдается наличие (больше, чем в неправовых текстах) директивной лексики (*обязательства, порядок, распоряжение, запрет, разрешение*). Не существует одна единственная словесная форма, в которой сформулированы директивы поведения. Директивный характер может проявляться в различных словесных формулировках. Например, приказ может быть выражен словами: *приказывается, следует, должен, обязан, нужно*; запрет – *запрещено, не следует, нельзя, запрещается, не должен*; разрешение – *имеет право, может, разрешается, разрешено*; обязанность – *должен, не должен, нельзя, запрещается, запрещено, обязан*. Характерные черты директивных языковых выражений – это прежде всего появление вышеупомянутых директивных терминов и директивных формулировок (*приказывается, рекомендуется, запрещается, разрешается*), которые являются наиболее стилизованными компонентами директив. Процент модификации здесь весьма ограничен.

Можно выделить два способа формулирования директивных выражений:

- модальный глагол + инфинитив, называющий действие приказа или разрешения;
- модальный глагол + быть + страдательное причастие.

Категоричность директивных высказываний усиливается лексемами *абсолютно, сразу, немедленно* и т. д., например: *На территории школы курение полностью запрещается!* или: *В случае пожара следует немедленно вызвать пожарную охрану.*

В ситуациях неидентифицированной коммуникации директивы формулируются безличностно, например: *Студент может получить материальную помощь в виде социальной стипендии* или *Каждый абонент обязан производить оплату в соответствии со счетом-фактурой.* Безличность позволяет не называть лицо, действующее от имени государственного органа, и только указывать категорию человека, инструктируемого, как вести себя в определенной ситуации. Используя безличные формы, «автор высказывания меняет субъективную перспективу, с которой хочет представить описываемую действительность, на объективную» (Wojtak, 1993: 153). Лишение индивидуализации языка заметно также в синтаксических конструкциях – многие предложения являются безличными, например: *Запрещается выбрасывать мусор из окна.*

Следует подчеркнуть, что в текстах, представляющих официально-юридическую разновидность (их основная функция заключается в нормативности), директивность очень сильна, она укрепляется санкциями (запреты, распоряжения, обязанности). В свою очередь, в высказываниях официально-канцелярской разновидности, основной функцией которой является одновременное информирование и воздействие на поведение физических и юридических лиц, директивность слабее (запросы, советы).

Официально-деловые выражения характеризуются официальным способом высказывания, наличием жестких формулировок (например, *настоящим заявляю*), стандартизацией, даже клише. Лингвисты уделяли много внимания характеристике правовых разновидностей. На тему конституции как разновидности юридического текста высказывались Иоанна Гжелак (Grzelak 2008), Мария Тереза Лизисова (Lizisowa 2002 и 2007), Ева Малиновская

(Malinowska 2007c, 2008a,c,d, 2012). Об административных постановлениях пишет Малиновская (Malinowska 2001 и 2010b), о регламентах – Малиновская (Malinowska 2000a и 2001), о жалобах – Екатерина Депта (Depa 1999), о нотариальных актах – Анна Дунин-Дудковска (Dunin-Dudkowska 2010) и Войцех Кварциньски (Kwarciński 2006), о завещаниях – Божена Жмигродска (Żmigrodzka 1997), о судебных заседаниях – Маргарет Жешутко (Rzeszutko 2003).

Об официально-деловых документах и их разновидностях неоднократно высказывается Малиновская (Malinowska 2005a, 2006b, 2006c), о резюме, автобиографии, сопроводительном письме и заявлениях пишут Барбара Бонецка и Иоланта Панасюк (Boniecka, Panasiuk 2004), Малиновская (Malinowska 2001) и Ромуальда Пенткова (Piętkowa 2000), а о предложении – Малиновская (Malinowska 2004c).

Лингвистического описания ожидают еще языковые разновидности официального риторического стиля, особенно стиль переговоров и посредничества, которым наибольшее внимание до сих пор уделяли психологи и юристы (в том числе Jabłońska-Bonca 2002, Nęcki 1996, Stadniczeńko 2006). О стиле ведения переговоров пишет Малиновская (Malinowska 2009 и 2012). Стили конституционных преамбул (как убедительных текстов) посвящено две статьи (Malinowska 2002, 2011c), в которых подчеркивается сильный контраст между искусным стилем трех преамбул (Конституции 3 мая, Мартовской конституции и Конституции Республики Польша) и перенасыщенным идеологическими элементами введением в Конституцию Польской Народной Республики.

Следует подчеркнуть, что лингвисты до сих пор мало внимания уделили канцелярской разновидности, которая представлена многочисленными видами речевых актов от простых (вызов, приглашение, напоминание) до сложных (протокол, отчет и т. д.). В основном ученые интересовались правильностью этих текстов. Лингвистического описания ожидают также риторические высказывания, основная функция которых заключается в достижении цели.

В XXI веке наблюдается расширение сферы управленческих действий – в нее включилась менеджерская деятельность. Можно сказать, что в официальной коммуникации кроме информационной и директивной функций появилась маркетинговая функция – внимание к бренду, репутации,

сознательное формирование имиджа. Для современного стиля это может означать необходимость включения в исследовательские инструментариумы категорий и методов, используемых в области социальных наук и даже отношений с общественностью.

Литература

1. Bartmiński J. Pojęcie derywacji w lingwistyce. – Lublin, 1981.
2. Boniecka B., Panasiuk J. By wyjść poza standard (życiorys, podanie, list motywacyjny) // Ostaszewska D. (red.). Gatunki mowy i ich ewolucja, t.2: Tekst a gatunek. – Katowice, 2004.
3. Buttler D. Miejsce języka potocznego wśród odmian współczesnej polszczyzny // Urbańczyk S. (red.). Język literacki i jego warianty. – Wrocław, 1982.
4. Choduń A. Język prawny a język potoczny // Malinowska E. (red.). Język – prawo – społeczeństwo. – Opole, 2004.
5. Choduń A. Słownictwo tekstów aktów prawnych w zasobie leksykalnym współczesnej polszczyzny. – Warszawa, 2007.
6. Depta K. Wzorzec gatunkowy skargi // Stylistyka. – VIII. – 1999.
7. Dunin-Dudkowska A. Akt notarialny jako gatunek wypowiedzi. – Lublin, 2010.
8. Gajda S. Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym. – Opole, 1982.
9. Gajda S. Język administracyjno-prawny w perspektywie językoznawczej i prawoznawczej // Malinowska E. (red.). Język – prawo – społeczeństwo. – Opole, 2004.
10. Gizbert-Studnicki T. Język prawny z perspektywy socjolingwistycznej // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace z nauk politycznych. – Z. 26. – 1986.
11. Jabłońska-Bonca J. Prawnik a sztuka negocjacji i retoryki. – Warszawa, 2002.
12. Kurkowska H., Skorupka S. Stylistyka polska. Zarys. – Warszawa, 1959.
13. Kwarciński W. Pragmatyczno-językowa analiza aktów notarialnych // Lizisowa M. T. (red.). Język w urzędach i sądach. – Kraków, 2006.
14. Lizisowa M. T. Model komunikacji językowej w konstytucjach Rzeczypospolitej (relacja nadawca-odbiorca) // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. – T. LVIII. – 2002.
15. Lizisowa M. T. Tekst – kontekst – interpretacja. W poszukiwaniu semiotyczno-dyskursywnych wzorców konkretyzacji języka. – Kraków, 2007.
16. Malinowska E. Język administracyjny // Gajda S. (red.). Przewodnik po stylistyce polskiej. – Opole, 1995.
17. Malinowska E. Język i styl regulaminów // Michalewski K. (red.). Regulacyjna funkcja tekstów. – Łódź, 2000.
18. Malinowska E. Wypowiedzi administracyjne – struktura i pragmatyka. – Opole, 2001.
19. Malinowska E. Język urzędowy a obraz świata // Studia Slavica. – T. V. – 2002.
20. Malinowska E. Wzorzec tekstowy oferty pracy // Studia Slavica. – T. VIII. – 2004.
21. Malinowska E. List urzędowy jako makroakt mowy // Gajda S., Krauz M. (red.). Rzeszów, 2005.
22. Malinowska E. Współczesny list urzędowy // Lizisowa M. T. (red.). Język w urzędach i sądach. – Kraków, 2006.
23. Malinowska E. Wzorzec gatunkowy ustawy zasadniczej i jego modyfikacje // Ostaszewska D. (red.). Gatunki mowy i ich ewolucja, t. 3: Gatunek a odmiany funkcjonalne. – Katowice, 2007.
24. Malinowska E. Konstytucja jako akt stanowiący tożsamość państwa i narodu polskiego // Gajda S. (red.). Tożsamość a język w perspektywie slawistycznej. – Opole, 2008.
25. Malinowska E. Polszczyzna urzędowa i jej warianty // Stylistyka. – XVIII. – 2009.

26. Malinowska E. Szablonowość wypowiedzi urzędowych // Burkacka I., Pawelec R., Zdunkiewicz-Jedynak D. (red.). Słowa-kładki, na których spotykają się ludzie różnych światów. – Warszawa, 2010.
27. Malinowska E. Style preambuł konstytucyjnych // Sokólska U. (red.). Odmiany stylowe polszczyzny dawniej i dziś. – Białystok, 2011.
28. Malinowska E. Konstytucja jako gatunek tekstu prawnego. – Opole, 2012.
29. Malinowska E. Styl – dyskurs – komunikacja urzędowa // Malinowska E., Nocoń J., Żydek-Bednarczuk U. (red.). Style współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej. – Kraków, 2013.
30. Malinowski A. Polski język prawny. Wybrane zagadnienia. – Warszawa, 2006.
31. Markowski A. Polszczyzna końca XX wieku. – Warszawa, 1992.
32. Nęcki Z. Negocjacje w biznesie. – Kraków, 1996.
33. Piętkowa R. Gatunki stylu urzędowego – wzorce i realizacja // Ostaszewska D. (red.). Gatunki mowy i ich ewolucja, t. 1: Piękno mowy wielorakie. – Katowice, 2000.
34. Rzeszutko M. Rozprawa sądowa w świetle lingwistyki tekstu. – Lublin, 2003.
35. Sarkowicz R. Koherencja tekstu prawnego w świetle koncepcji poziomej interpretacji tekstu prawnego // Malinowska E. (red.). Język – prawo – społeczeństwo. – Opole, 2004.
36. Skubalanka T. Historyczna stylistyka języka polskiego. Przekroje. – Lublin, 1984.
37. Stadniczeńko S. L. Prawno-psychologiczne uwarunkowania mediacji i negocjacji. – Opole, 2006.
38. Wilkoń A. Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny. – Katowice, 1987.
39. Wojtak M. Elementy stylu urzędowego w Ortyłach magdeburskich // Język Polski. – Z. 4. – 1988.
40. Wojtak M. Styl urzędowy // Encyklopedia kultury XX w., t. 2: Współczesny język polski, red. J. Bartmiński. – Wrocław, 1993.
41. Wyderka B. Cechy składniowo-stylistyczne siedemnastowiecznej prozy publicystycznej. – Opole, 1990.
42. Zieliński M. Języki prawne i prawnicze // Pisarek W. (red.). Orędzie o stanie języka na przełomie tysiącleci. – Kraków, 1999.
43. Zieliński M. Wykładnia prawa. Zasady. Reguły. Wskazówki. – Warszawa, 2002.
44. Zieliński M. Język prawny, język administracyjny, język urzędowy // Malinowska E. (red.). Język – prawo – społeczeństwo. – Opole, 2004.
45. Żmigrodzka B. Testament jako gatunek tekstu. – Katowice, 1997.

Петр Мареш
(Карлов университет в Праге, Чешская Республика)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА И СТИЛЕВОЕ ПОСТРОЕНИЕ ЧЕШСКИХ ТЕКСТОВ¹

На использование стиля оказывает существенное влияние дифференциация языка – естественные языки не являются собой гомогенные системы, они разбиты на ряд подсистем и слоев средств, которые обозначаются термином «разновидности языка». В чешском языке современная коммуникация характеризуется динамичными отношениями между стилем и разновидностями языка. Большинству сфер публичной коммуникации свойственно то, что тексты не ограничиваются выбором литературных средств, но допускают присутствие элементов других разновидностей. В настоящей статье данное явление подтверждается на примерах из художественной литературы, рекламы и публицистики, а также рассматриваются тренды в области научных текстов.

Ключевые слова: стиль, разновидности языка, литературный язык, обиходно-разговорный язык, публичная коммуникация, коллоквиализация.

Petr Mareš
(Charles University in Prague, Czech Republic)

THE DIFFERENTIATION OF LANGUAGE AND THE STYLISTIC FORMATION OF CZECH TEXTS

Utilizing the phenomenon of style is significantly influenced by the differentiation of language – natural languages are not homogenous systems, but they are divided into numerous subsystems and layers of means which are usually referred to as language varieties. Contemporary communication in Czech is characterized significantly by the dynamic relationship between style and language varieties. For most spheres of public communication, it is symptomatic that the texts appearing in them are not limited to the selection of standard means, but to a greater or lesser degree allow for the presence of elements of other varieties. The article exemplifies this using examples from literary, advertising and journalistic texts, and also points to the development processes currently taking place in scientific texts.

Key words: style, language variety, standard/literary language, Common Czech, public communication, colloquialization.

---

¹ Данная статья была написана при поддержке гранта ГА ЧР № 406/12/1829 *Стилистика устного и письменного чешского языка*.

На использование феномена стиля в области вербального выражения оказывает существенное влияние дифференциация языка, то есть тот факт, что естественные языки не являются собой гомогенные системы, что они расчленены на ряд разнообразных составляющих, подсистем и слоев средств (ср. Hausenblas 1971: 25). Эти составляющие, как правило, совокупно обозначаются термином «разновидность» и определяются как множества языковых средств с подобной социальной, территориальной или функциональной дистрибуцией (Karlík, Nekula, Pleskalová 2002: 519). Взаимоотношения разновидностей определяют прежде всего оппозиции между престижностью и непрестижностью, общенациональным распространением и территориальной ограниченностью, связью с публичной сферой и более высоким статусом коммуникативной функции и, напротив, связью с областью обиходного общения. В принципе соответствует этим оппозициям противопоставление литературного (или стандартного) языка нелитературным разновидностям (диалекты, интердиалекты, сленг, арго и т. п.).

Однако необходимо также учитывать, что как в теоретическом понимании взаимоотношений между стилем и разновидностями языка, так и в том, каким образом различные разновидности находят себе применение в тех или иных стилях, а также как эти стили описываются, между разными стилистическими школами и в рамках разных национальных общностей могут наблюдаться существенные расхождения.

Давайте вкратце коснемся одной из теоретических проблем – вопроса, можно ли рассматривать сами стили в качестве разновидностей языка, частных систем или совокупностей языковых средств. Тот факт, что в связи с общим определением разновидностей встает вопрос функциональной дистрибуции, мог бы свидетельствовать в пользу этого предположения. В русской стилистике тенденция трактовать стили подобным образом была очевидна ввиду традиции, сформировавшейся прежде всего на основе взглядов В. В. Виноградова (Виноградов 1963). Например, в терминологическом

словаре О. С. Ахмановой стилю дается следующее определение: «одна из дифференциальных разновидностей языка, языковая подсистема с своеобразным словарем, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, (...) обычно связанная с определенными сферами употребления речи» (Ахманова 1966: 455). В пособии по стилистике английского языка, изданном несколько позже в Москве, содержится следующее определение стиля: “a system of interrelated language means which serves a definite aim in communication” (Galperin 1971: 18). С другой стороны, оказывается, что понимание стилей как подсистем в рамках языка вызывает серьезные осложнения, поскольку зоной, в которой действует стиль, является употребление языка; он основывается на определенных способах обращения с языком в виде выбора средств и их организации в текстах (сравн. Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 102-112); в связи с этим авторы вышеуказанного учебника приходят к выводу, что стиль является «**признаком речи, текста, (...) явлением динамического аспекта, а не строя языка**» (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 22; выделение авторов). В чешской стилистике, в которой не существовало традиции отнесения стиля к сфере языковой системы (хотя при этом ключевым импульсом к развитию современного мышления о стиле и стала концепция т. н. функциональных языков, разработанная в 30-х гг. XX в. Богуславом Гавранек (Гавранек 1967)), Карел Гаузенблас решительно дистанцировался от восприятия стиля как *модификации языка*² и подчеркнул, что в данном случае уместно говорить лишь о совокупности языковых средств, использование которых характерно для текстов определенного стиля (Hausenblas 1971: 18).

Если воспринимать стиль как одно из конститутивных свойств текста, а именно как интеграционный принцип его строения, который основан на «**выборе и (...)**

² В связи с ранее опубликованным очерком В. В. Виноградова в рамках чешской стилистики против подобного подхода выступал уже Франтишек Травничек (Trávníček 1953: 39-40).

расположении формирующих элементов» (Hausenblas 1971: 16; выделение К. Г.), то в отношении разновидностей языка возникают дополнительные вопросы. Что касается источника используемых языковых средств, то вопрос заключается в том, привязаны ли стили к одной разновидности или им свойственна комбинация различных разновидностей? Какая в этом отношении существует разница между стилями текстов, используемых в разных коммуникативных сферах и отличающихся по функции (научный, художественный, публицистический и др. стили),³ и как в данном случае проявляется развитие? Данная проблематика находит яркое выражение как в чешской стилистической рефлексии, так и в коммуникативной практике, причем здесь разумеется очевидная взаимосвязь.

Чешские теоретические концепции и описания дифференциации стилей формировались исходя из иерархической классификации разновидностей языка, о которой говорилось выше. В своей новаторской работе 1932 г. Богуслав Гавранек (Гавранек 1967) допускал функциональное разнообразие только в случае развитого и внутренне проработанного литературного языка, тогда как остальным разновидностям, объединенным под названием «народный язык», назначил лишь коммуникативную функцию (функцию общения), то есть применение в высказываниях, которые относятся к области каждодневных сообщений. Только в этой сфере он притом допускал более выраженное проявление средств, относящихся к различным разновидностям: говорящий может выбрать интердиалект, диалект или использовать «также и литературный язык, как правило, в его разговорной форме». В отличие от этого «область специального практического выражения закреплена почти только за литературным языком, за ним полностью закреплена также область

³ В данных случаях речь зачастую идет о функциональных стилях, однако необходимо помнить о том, что они выделяются и дифференцируются не только на основании функции, но и на основании совокупности характеристик коммуникативной ситуации (ср. Schneiderová 2013).

науки; основой поэтического языка также, как правило, является литературная форма языка» (Гавранек 1967: 346-347; выделение Б. Г.).

В 50-е гг. Франтишек Травничек отмечал стилевую дифференциацию исключительно в связи с текстами на литературном языке, а именно с учетом его общенационального статуса; таким образом он выделил шесть «литературных слогов» (Trávníček 1953: 45-46). Он допускал более активное применение других разновидностей только в текстах художественного стиля, однако обуславливал это характеристикой персонажей и среды и в интересах общего понимания текстов отдавал предпочтение литературному языку (Trávníček 1953: 52). Во многом подобную позицию отстаивали, например, авторы пособия *Základy české stylistiky*: научному и публицистическому стилям отводится литературный язык; в описании художественного стиля отмечается, что в нем также иногда встречаются диалекты или интердиалект, распространенный на территории Чехии⁴ (Jedlička, Formánková, Rejmánková 1970: 30-31).

Однако очевидно то, что уже во время публикации этого пособия ситуация в (публичной) коммуникации была более многогранной, и в последующие десятилетия тенденция к тому, чтобы помимо литературного языка возможным и допустимым источником выбора средств также были и другие разновидности, обрела еще более ярко выраженные очертания. Иерархия разновидностей в чешском языке очевидно релятивизировалась, и нормы, касающиеся их (не)комбинируемости, стали менее жесткими. В настоящее время мы можем описывать и дифференцировать стили текстов, употребляющихся в разных коммуникативных сферах, также с учетом того, терпимы ли они и насколько по отношению к проникновению или даже доминированию элементов, относящихся к другим разновидностям, нежели литературный.

Чешская художественная литература и в прошлом была способна впитать определенный процент нелитературных языковых

⁴Т. наз. обиходно-разговорный язык (*obecná čeština*) (Сгалл 1960).

средств, условием употребления которых, однако, была миметическая мотивированность (характеристика персонажей и среды, о которой говорилось выше). Эта связь постепенно становилась все менее прочной, и элементы нелитературных разновидностей, прежде всего обиходно-разговорного языка, отвоевывали себе место в качестве своеобразного средства инновации литературного выражения. Первый пик этой волны пришелся на начало 60-х гг., когда нелитературные средства в художественной литературе обрели широкий размах как составляющая тренда по подчеркиванию непосредственности, искренности и эмоциональности высказывания.

Во всем своем богатом многообразии нелитературность проявилась в чешской литературе последних десятилетий. Основным принципом языковой структуры некоторых текстов становится свободная игра со средствами разнообразных разновидностей языка, с помощью которой автор рассчитывает на эффект, вызванный сочетанием остро диспаратных элементов. Тексты зачастую моделируют специфику устного высказывания и обретают черты спонтанного речевого потока, который исключает последовательность и регулярность в плане выбора языковых средств. Особо серьезные последствия влечет за собой тот факт, что также имеет место нарушение традиционной иерархии разновидностей языка. Особенно в прозе Яхима Топола («Сестра», 1994 г.) нелитературность в своих различных аспектах становится основным, своего рода немаркированным способом языкового выражения; литературный язык выступает в роли маркированного элемента и носителя различных особых функций. Ярким доказательством позиции нелитературных разновидностей в современной чешской литературе является их использование в поэзии – для примера можно привести творчество Яна Тесноглидека-мл., который в своих стихах подчеркивает черты обиходно-разговорного языка (*ej* вместо литературного *ý*, *ý* вместо *é*): *mohlo to bejt kterýkoliv jiný / evropský město / nebejt paprik / nebejt guláš / nebejt lázni* (Тěсноhlídek 2013: 18). Таким образом, мы можем обозначить современ-

ный чешский художественный стиль как «многообразностный», поскольку выбор средств из разных языковых разновидностей стал для него важным источником формальных и семантических ценностей.

Художественный стиль являет собой особый случай, поскольку его черты продиктованы доминированием эстетической функции и независимостью от узуса коммуникативной практики. Поэтому необходимо учитывать ситуацию в других областях коммуникации. Внимания заслуживают прежде всего современные процессы в рамках публицистического стиля, в который также попадают элементы нелитературных разновидностей. Ярче всего это проявляется в области устной публицистики: дикторы частных радиостанций зачастую отдают предпочтение высказываниям с высоким участием средств обиходно-разговорного языка, чтобы подстроиться к узусу предполагаемых слушателей и создать атмосферу взаимного доверия. Отклонение от строгой литературности, однако, дает о себе знать и в письменной публицистике. Интенсивность меньшая, но цель похожа: стать ближе к читателю, заинтересовать его, проявить легкость и непринужденность. Особо широкое распространение получило использование лексических средств, доминантной областью применения которых является непубличная устная коммуникация, вследствие чего можно констатировать коллоквиализацию или конверсационализацию письменной публицистики (ср. Hoffmannová 2008). В современных публицистических текстах неоднократно встречаются, например, нелитературные выражения, заимствованные из (или посредством) немецкого (*partaj, špitál, manšaft, cifršpion*), и главным образом т. наз. универбаты, однословные наименования, образованные в устной речи на основании многословного обозначения (*řidičák, osobák, obchodák*). В стремлении особенно подчеркнуть те или иные мнения в комментариях и фельетонах авторы подчас используют явно экспрессивные средства и формы обиходно-разговорного языка: *Poslanec je namydlený* (Steigerwald 2011).

Обиходно-разговорный чешский язык играет существенную роль в письменной

и устной рекламе. Решающим фактором тоже является стремление подметить речевые привычки и отношения к языку, приписываемые целевой группе, которой адресована реклама. В качестве типичного примера можно привести рекламу алкогольных напитков: *Jseš taky zralej na pšenici?*⁵ В случае нацеленности рекламы на жителей того или иного региона могут также фигурировать средства с элементами наречия, как указывает форма, свойственная юго-западу Чехии, (вместо *co, copak*) в следующем примере (реклама издания желтой прессы): *Já ♥ Blesk. Copra jinýho?*

Научный стиль до сих пор ассоциируется с литературной нормой, и ее ощутимое нарушение воспринимается как неадекватное; когда Ладислав Шеры (*Šerý* 1997) опубликовал философский опус, в котором преобладал обиходно-разговорный язык и элементы моравских диалектов, это было (без сомнения, по праву) воспринято как намеренная провокация (ср. *Mareš* 2004). Однако здесь возникает очевидное расхождение между устной и письменной коммуникацией. В устных научных выступлениях, особенно в том случае, когда в них в большой степени присутствует импровизация,

в настоящее время появление нелитературных элементов, как правило, расценивается как приемлемое. И даже в случае письменных научных текстов уже не в полной мере справедливо утверждение о том, что они отличаются строгой литературностью (*Chloupek a kol.* 1991: 178); нормы научного стиля явно становятся менее строгими и в том числе допускают наличие определенных экспрессивных и оценочных средств, которые зачастую берут свое начало в нелитературных разновидностях. Таким образом, в настоящее время только стиль письменных текстов административно-делового стиля строго сопряжен с литературным чешским языком.

В заключение можно сказать, что в чешском языке современная коммуникация характеризуется очень динамичными отношениями между стилем и языковыми разновидностями. Для большинства сфер публичной коммуникации характерно то, что тексты, которые в них выступают, не ограничиваются выбором (исключительно) литературных средств, но и в большей или меньшей степени допускают присутствие элементов других разновидностей.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
2. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 253 с.
3. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 338-377.
4. *Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. – 464 с.
5. *Сгалл П.* Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2. – С. 11-20.
6. *Galperin I. R.* Stylistics. – Moscow: Higher School, 1971. – 343 p.
7. *Hausenblas K.* Výstavba jazykových projevů a styl. – Praha: Univerzita Karlova, 1971. – 185 s.
8. *Hoffmannová J.* Současné možnosti a trendy popisu mluvené češtiny (se zaměřením na kolokvizaci a konverzacionalizaci) // Slavia. – 2008. – Č. 1-3. – S. 63-75.
9. *Chloupek J. a kol.* Stylistika češtiny. – Praha: SPN, 1991. – 296 s.

⁵ Речь идет о рекламе пшеничного пива.

10. Jedlička A., Formánková V., Rejmánková M. Základy české stylistiky. – Praha: SPN, 1970. – 226 s.
11. Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds.) Encyklopedický slovník češtiny. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. – 605 s.
12. Mareš P. Hry na neformálnost. K neformálnímu vyjadřování v současných českých odborných textech // Čeština – univerzália a specifika 5. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2004. – S. 332–339.
13. Schneiderová S. Pojem funkce a klasifikace funkčních stylů v české stylistice // Studie k moderní mluvnici češtiny 2. Komunikační situace a styl. – Olomouc: Univerzita Palackého, 2013. – S. 158–167.
14. Steigerwald K. Fízlování. Nahrál si vás kamarád? Nahrajte si ho taky // Mladá fronta Dnes. – 2011, 27. 4. – S. 10.
15. Šerý, L. První knížka o tom, že řád je chaos (...). – Praha: DharmaGaia, 1997. – 240 s.
16. Těsnohlídek ml. J. Ještě je co ztratit. – Kruceburk: JT's nakladatelství, 2013 – 48 s.
17. Trávníček F. O jazykovém slohu. – Praha: SPN, 1953. – 69 s.

Т. А. Воронцова
(Челябинский государственный университет)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА VS ДИСКУРСОЛОГИЯ ИЛИ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА + ДИСКУРСОЛОГИЯ?

В статье рассматриваются соотношение понятий *дискурс* и *функциональный стиль*, принципы типологии дискурса и стиля, определяются условия формирования новых функциональных стилей. Дается анализ понятия *подстиль* с точки зрения функционально-стилистического и дискурсивного подходов. Показано, что функциональная стилистика и дискурсология являются взаимодополняющими направлениями в современной лингвистической парадигме.

Ключевые слова: дискурс, функциональный стиль, сфера коммуникации, подстиль, функциональная стилистика, дискурсология.

Tatiana A. Vorontsova
(Chelyabinsk State University)

FUNCTIONAL STYLISTICS VS DISCOURSE STUDIES OR FUNCTIONAL STYLISTICS + DISCOURSE STUDIES?

The article considers the relationship between the notions of discourse and functional style, the principles of discourse and style typologies, defines the conditions for the formation of new functional styles. The concept of substyles is analyzed in terms of functional-stylistic and discursive approaches. It is shown that functional stylistics and discourse studies are complementary trends in modern linguistic paradigm.

Key words: discourse, functional style, the sphere of communication, substyle, functional style, discourse studies.

Как известно, в русистике фактически до конца XX века основное внимание уделялось системно-структурному изучению языка. Стилистика была едва ли не единственной лингвистической дисциплиной, так или иначе ориентированной на функциональный аспект исследования языка. В связи с этим положение стилистики в системе традиционных лингвистических дисциплин определялось далеко неоднозначно, о чем свидетельствует, например, и дискуссия по вопросам стилистики, организованная журналом «Вопросы языкознания» в 1954-1955 гг., и многочисленные лингвистические работы более позднего периода. В значительной степени это было обусловлено предполагаемой амбивалентностью самого предмета стилистики: стиль рассматривался и как подсистема языка, и как феномен речи (Кожина 1993:59-60). Вопросы о том, что является объектом исследования стилистики – язык или речь и каково понятийное соотношение терминов *стилистика языка* и *стилистика речи*, по-разному решались российскими лингвистами (см., напр., Гальперин 1980, Шмелев 1977 и др.). Д. Н. Шмелев в свое время отмечал «неустойчивость и противоречивость» терминологии функциональной стилистики, указывая на то, что в некоторых исследованиях по стилистике наблюдается «как отождествление понятий «стиль языка» и «стиль речи», «функционально-речевой стиль» и «функциональный стиль языка» и т. п. (или недифференцированное «синонимическое» употребление соответствующих терминов), так и стремление разграничить соответствующие понятия в работах других авторов (но такое разграничение проводится по-разному)» (Шмелев 1977: 5). Кроме того, использование в стилистических исследованиях терминологических сочетаний *функциональные разновидности языка / речи*, *(функциональные) типы речи* наряду с термином *функциональный стиль* еще более усложняло терминологический и понятийный аппарат стилистики. В значительной степени такая терминологическая неупорядоченность была обусловлена стремлением включить в сферу стилистики слишком широкий круг проблем, в том

числе и проблемы, связанные с речевой коммуникацией.

В конце XX – начале XXI века активное развитие лингвистических направлений, непосредственно связанных с проблемами коммуникации, привело к тому, что в те лингвистические сферы, которые ранее считались «вотчиной» стилистики, стали активно вторгаться коммуникативные дисциплины: дискурсология, прагмалингвистика, риторика и др. Такая ситуация, увы, не добавила определенности в терминологический и понятийный аппарат функциональной стилистики. С одной стороны, как «яркий показатель перехода... от системного подхода к изучению языка... к коммуникативному исследованию лингвистических феноменов» в лингвистических работах начинает доминировать термин *дискурс* (Клушина 2011: 26), с другой – в ряде лингвистических исследований понятийное различие между терминами *функциональный стиль* и *дискурс* выглядит весьма эфемерным. Очевидно, что в условиях изменившейся парадигмы появляется необходимость уточнить ряд терминов и понятий и определить «сферы влияния» функциональной стилистики и отраслей лингвистики, так или иначе оперирующих понятием «дискурс». Это важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения, поскольку функциональная стилистика является одним из ключевых разделов вузовского курса.

«Выяснение отношений» между понятиями *дискурс* и *функциональный стиль* осложняется тем, что термин *дискурс* в современной лингвистике имеет множество определений (обзор трактовок данного термина как в отечественной, так и зарубежной лингвистике может занять не одну страницу). Однако если посмотреть на область применения данного термина в исследованиях современных российских лингвистов, то дискурс в самом общем смысле можно определить как совокупность коммуникативных актов и/или текстов, объединенных одним или несколькими экстралингвистическими показателями. Это может быть сфера общения, способ общения, форма общения, канал общения и т. д. Исследо-

вание дискурса – это фактически ответ на вопрос, как те или иные экстралингвистические факторы способны повлиять на языковой (речевой) аспект коммуникации. Поскольку эти факторы многочисленны и разнообразны, то вряд ли можно говорить о замкнутой типологии дискурса.

В отличие от типов дискурса, количество функциональных стилей в традиционной стилистике, даже с учетом разных критериев их выделения, вполне исчисляемо. Традиционно в современной стилистике выделяют пять функциональных стилей (Кожина: 1993 и др.). Между тем в конце XX – начале XXI века в лингвистических исследованиях наблюдается отчетливая тенденция к расширению системы функциональных стилей. Так, в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», а также довольно большом количестве исследований как особый функциональный стиль представлен церковно-религиозный стиль (Крылова 2000, Крысин 1996 и др.), ряд исследователей пишут о появлении рекламного функционального стиля (Медведева, 2003, Мутовина 2001, Шишлянникова 2002, Имшинецкая 2007 и др.), есть попытки выделить как самостоятельный функциональный стиль язык права (Шепелев 2002). Очевидно, что выделение данных стилей связано прежде всего с появлением и / или актуализацией тех или иных сфер коммуникации.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: всегда ли активизация новых сфер коммуникации означает появление новых функциональных стилей?

Действительно, сфера коммуникации считается одним из основных стилеобразующих факторов. Однако формирование функциональных стилей в их традиционном понимании связано с теми сферами, общения, которые соответствуют формам общественного сознания. Как справедливо отмечает В. Е. Чернявская, «ввести в научный оборот дополнительный функциональный стиль, доказать его существование как объекта анализа – значит доказать объективность существования коррелирующей с ним формы сознания» (Чернявская 2012: 13). При этом не менее важным фактором

формирования функционального стиля является их социальная универсальность, т. е. это области коммуникации, в которые так или иначе вовлекаются **все носители языка**. «Функциональный стиль в языке – это то, что продиктовано приложимостью речи не просто к “определенным”, а к **типовым, универсальным по своему характеру обстоятельствам общения** и коммуникативным ролям, обращено к тем сферам жизни, которые касаются **всех**» (выделено нами. – Т. В.) (Векшин 2002). Именно фактор социальной универсальности делает функциональный стиль, по выражению В. В. Виноградова, «общественно осознаваемым» (Виноградов 1981: 19).

Если принимать во внимание это обстоятельство, то вряд ли можно связывать рекламную коммуникацию с особой формой общественного сознания и считать ее социально значимой сферой коммуникации, насущной для всех носителей русского языка. Уже на этом основании говорить о появлении рекламного стиля как функционального пока весьма проблематично.

Что касается церковно-религиозного стиля, то, хотя религия и является формой общественного сознания, современные особенности религиозной коммуникации в России, на наш взгляд, не позволяют говорить о всеобщности и социальной универсальности данной сферы общения. Во-первых, это связано с экстралингвистическими факторами: наряду с религиозной существует атеистическая форма общественного сознания, и их соотношение для современного российского общества не определено. Кроме того, носителями русского языка является значительное количество представителей различных конфессий, внутри которых религиозная коммуникация осуществляется в различных формах и на разных языках. Во-вторых, значительная часть коммуникации в религиозной сфере, если речь идет о православии, происходит либо на церковнославянском языке, который нельзя рассматривать как разновидность современного русского литературного языка, либо с активным использованием его элементов. Не случайно один из ведущих исследователей языка

православной сферы И. В. Бугаева квалифицирует этот язык как религиозный социолект и приходит к выводу, что «описывать речь верующих с позиции функциональной стилистики недостаточно, необходимо найти другие подходы и принципы, так как особенности такой речи проявляются в разных жанрах всех функциональных стилей (официально-делового, научного, газетно-публицистического, разговорного языка и в художественной литературе)...» (Бугаева 2010: 12).

Разумеется, социальная значимость сферы коммуникации – это не единственный повод для сомнений в выделении указанных функциональных стилей. Если рассматривать функциональный стиль как исторически сложившуюся и общественно осознанную подсистему литературного языка, то очевидно, что формирование функционального стиля – процесс длительный и перманентный. В связи с этим можно вспомнить о том, что и реклама, и церковно-религиозная речь отсутствовали в коммуникативном пространстве «советского» периода», т. е. почти в течение века. 20-30 лет с точки зрения истории языка – слишком короткий период и для формирования функционального стиля в его привычном понимании, и для полноценного лингвистического осмысления всего многообразия текстов, представленных в данных сферах коммуникации.

То, что новая сфера коммуникации далеко не всегда означает появление нового функционального стиля, в полной мере демонстрирует, например, неформальная интернет-коммуникация. Опосредованность живого общения компьютером породила такой парадоксальный феномен, как письменная форма устной речи. Отсутствие визуального контакта с собеседником обусловило необходимость создания новых коммуникативных средств. Появились особые графические и лексические средства, маркирующие данный способ общения (например, эмодзи или «смайлики», аббревиатура *ИМХО*, указывающая на субъективное мнение адресанта и др.). При этом, несмотря на существенное расширение арсенала языковых средств, принципы

их отбора и организации в этом типе коммуникации однозначно свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с разговорным стилем, а все трансформации коммуникативных средств обусловлены каналом связи, т. е. носят дискурсивный характер.

Из этого следует, что ни актуализация тех или иных сфер общения, ни появление новых языковых средств в рамках определенной сферы общения вовсе не свидетельствует о появлении новых функциональных стилей.

Другая проблема, на которую хотелось бы обратить внимание, связана со структурированием самих функциональных стилей.

Если вопрос о количестве и составе функциональных стилей решается в традиционной лингвистике более или менее единообразно, то количество и качество подстилей варьируется весьма широко даже в учебниках и учебных пособиях по стилистике. Например, в рамках научного стиля М. Н. Кожина выделяет три основных подстиля: собственно научный, научно-учебный и научно-популярный (Кожина 1993); в учебном пособии Д. Э. Розенталя представлены научно-популярный, научно-деловой, научно-технический (производственно-технический), научно-публицистический, учебно-научный подстили. (Розенталя 1987: 33); в учебнике для вузов «Культура русской речи» под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева даются такие разновидности научного стиля, как собственно научный, научно-информативный, научно-справочный, учебно-научный, научно-популярный (Культура русской речи 2001: 195).

Столь же неоднозначную внутрестилевую дифференциацию можно наблюдать и в отношении других функциональных стилей. При этом очевидно, что выделение подстилей разные исследователи проводят по разным основаниям. Это может быть адресованность текстов, их функция, тема, жанр и т. д. Так, например, основанием для выделения научно-популярного подстиля традиционно считается адресованность текста научной тематики непрофессио-

налу. Между тем анализ текстов, которые традиционно относят к данному подстилю, дает весьма противоречивую картину. Сложность в определении стилистического статуса научно-популярного текста в значительной степени обусловлена жанровым разнообразием научно-популярной литературы. Это может быть текст любого жанра: книга, статья, интервью и т. п. При этом научно-популярный текст может быть представлен как совершенно самостоятельный (книга) и может быть «встроен» в иную дискурсивную среду, например в журнал или газету.

Исследовав тексты научной тематики, опубликованные в научно-популярных журналах и массовых медиаисточниках, мы пришли к выводу о том, что они могут существенно отличаться друг от друга по стилевым параметрам. В научно-популярных журналах стиль текстов, как правило, максимально приближен к подстилю, который традиционно квалифицируется как собственно научный, в массовых журналах основные стилевые параметры текстов научной тематики свидетельствуют об их принадлежности, скорее, к публицистическому, нежели к научному стилю. При этом решающим фактором, обуславливающим стилевую организацию данных текстов, является характер медиаисточника, который, в свою очередь, определяет характер адресации (Воронцова 2013).

Если исходить из того, что функциональный стиль – **подсистема** литературного языка, то, по логике, подстили как варианты функционального стиля также должны обладать некой системностью, т. е. представлять собой, условно говоря, «подсистемы второго порядка». Однако само разнообразие подходов к понятию *подстиль*

заставляет сомневаться в том, возможна ли такая универсальная систематизация внутри каждого функционального стиля. Если учесть, что большинство критериев, предлагаемых для выделения подстилей, лежит в коммуникативно-прагматической плоскости, то можно предположить, что термином *подстиль* принято называть обусловленные различными экстралингвистическими факторами **дискурсивные варианты** текстов одного и того же функционального стиля, а сам термин *подстиль* – это наследие того периода, когда стилистика по отношению к коммуникативным аспектам языка была «наше все».

Таким образом, появление дискурсологии как самостоятельного лингвистического направления не нарушает границы функциональной стилистики в ее классическом понимании, а, напротив, делает их более определенными. «Функциональный стиль и функциональная стилистика не может отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль сохраняет свою самостоятельную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим и дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим как единица операционального анализа, добавляющая детализацию в наши представления о коммуникативной практике» (Чернявская 2012: 13). Сочетание функционально-стилистического и дискурсивного подходов к исследованию языковых реалий позволяет увидеть, какие языковые явления в современной речевой практике уже приобрели устойчивый системный характер, а какие пока следует отнести к ситуативно-речевым.

Литература

1. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2010. – 49 с.
2. Гальперин И. Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1980. – Вып. 9. – С. 5-34.

3. *Векшин Г. В.* Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной. – М.: МГУП, 2002. – С. 35-67.
4. *Виноградов В. В.* Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
5. *Воронцова Т. А.* Стилистика и прагматика научно-популярного текста в современных СМИ // Reosiahag. Journal of Institute for Russian Studies. Chungbuk National University. (Южная Корея). – 2013. – № 9. – С. 177-189.
6. *Имшинецкая И. А.* Речевой стиль коммерческой рекламы в его жанровых разновидностях: автореф. дис....канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 24 с.
7. *Клушина Н. И.* От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГУ; Наука-Юнипресс, 2011. – Вып. 9. – С. 25-33.
8. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 223 с.
9. *Крылова О. А.* Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – С. 107-119.
10. *Крысин Л. П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 135-138.
11. Культура русской речи: Учебник для вузов. Под ред. проф. *Л. К. Граудиной* и проф. *Е. Н. Ширяева*. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 2001. – 560 с.
12. *Медведева Е. В.* Рекламная коммуникация. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 280 с.
13. *Мutowина М. А.* Англоязычная научно-техническая реклама: стилистико-прагматический анализ. – Братск: БрГТУ, 2001. – 168 с.
14. *Чернявская В. Е.* Дискурс – «лидер продаж» или «распродажа дискурса»? // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 3 (20). – С. 8-14.
15. *Шепелев А. Н.* Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 23 с.
16. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). – М.: Наука, 1977. – 169 с.
17. *Шишлянникова А. М.* О месте рекламного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка // Коммуникации в современном мире. Материалы всероссийской научно-практической конференции, 13-15 мая 2002 г. Воронеж, 2002. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2002. – С. 111-114.

ПРАГМАСТИЛИСТИКА

- ◆ Функция и функционализм в лингвистике
- ◆ Функционализм
как промежуточное звено между
структурализмом и антропоцентризмом
- ◆ Функциональная стилистика
и стилистика дискурсивная
- ◆ Семантическая информация
- ◆ Прагматическая функция
и коммуникативная ситуация
- ◆ Эпистемическая компетенция
коммуникативных партнеров
- ◆ Межкультурная коммуникация

“

Лилия Ростиславовна Безуглая:

«Лингвоцентризм в языкознании противопоставляется антропоцентризм – методологический принцип, обращенный к человеку, использующему язык для достижения различных коммуникативных целей в речи, в речевой деятельности, в дискурсе».

«...обращение к авторским интенциям и перлокутивным эффектам знаменуют превращение функциональной стилистики в стилистику дискурсивную – это уже другая стилистика, взаимодействующая с дискурсивной лингвопрагматикой, антропоцентричная по сути».

Александр Киклевич:

«...семантика и прагматика в речевой коммуникации не представляют собой совершенно обособленные, диспаратные сферы функционирования знаков – они вступают в сложные взаимодействия».

«...понятие (семантической) информации является важным фактором реализации коммуникативных действий и может быть использовано в качестве признака, дифференцирующего их разные типы».

Dorota Brzozowska:

“In the Pole’s linguistic picture of the world, there are strong tendencies to differentiate between the concepts of Europe and those of Asia”.

“Linguistic elements of Asian origin enter the previously rather monolithic sign space, adding colour to various aspects of life and constituting a considerable challenge for the stylistics of the future”.

”

Л. Р. Безуглая

(Национальный университет имени В. Н. Каразина, Украина)

ФУНКЦИОНАЛИЗМ В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматривается вопрос о соотношении методологических принципов функционализма, структурализма и антропоцентризма в лингвистике. Анализируются современные лингвистические концепции функционализма – функциональная грамматика, функциональная стилистика и функционально-коммуникативная лингвистика. Обосновывается лингвоцентрическая сущность функционализма и делается вывод о том, что он представляет собой промежуточное звено между лингвоцентрическим структурализмом и антропоцентризмом.

Ключевые слова: антропоцентризм, лингвоцентризм, структурализм, функционализм, функциональная грамматика, функциональная стилистика, функционально-коммуникативная лингвистика.

Liliia R. Bezugla

(Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

FUNCTIONALISM IN LINGUISTICS

The article deals with the problem of relations between methodological principles of functionalism, structuralism and anthropocentrism in linguistics. Modern linguistic concepts of functionalism are considered – functional grammar, functional stylistics and functional communicative linguistics. The linguocentric essence of functionalism is justified and the conclusion is made that it presents an intermediate link between linguocentric structuralism and anthropocentrism.

Key words: anthropocentrism, functional communicative linguistics, functional grammar, functional stylistics, functionalism, linguocentrism, structuralism.

В современных лингвистических исследованиях все чаще наблюдаем употребление, на первый взгляд, привычных и понятных терминов без определения и методологического обоснования. В частности, это касается термина «функция»: говорят о прагматической, коммуникативной функции лексических, синтаксических единиц и текстов, о функциональном подходе к их анализу. Как правило, имеется в виду функция в общенаучном и философском понимании – как свойство, способ поведения объекта, назначение единицы. Существует еще понимание математическое, обоснованное для лингвистики Л. Ельмслевым, сводящееся к зависимости одних величин от других (Кодухов 1967: 106). Тем не менее, по словам Ф. С. Бацевича, и «сами основоположники современного функционализма – пражские языковеды, употребляли термин «функция» неоднозначно», и современные исследования свидетельствуют о «неоднозначности, перегруженности, а подчас и противоречивости терминов «функция», «функциональный» и их производных» (Бацевич 1993: 11). Высказывание Р. Якобсона о том, что «термины «структура» и «функция» стали наиболее двусмысленными и трафаретными словечками в науке о языке» (Якобсон 1965: 377), не потеряло актуальности в современной лингвистике.

Возникает вопрос о соотношении функционализма с коммуникативной, когнитивной и прагмалингвистикой, с антропоцентризмом – современной лингвистической парадигмой, ставящей в центр внимания человека как носителя языка, коммуниканта, говорящего индивида, субъекта речи. Хотя ввиду близости методологических позиций функциональный подход часто приравнивается к антропоцентрическому (например, в работе Воронцова 2014: 27), есть весомые основания для их разграничения.

В настоящей статье предпринимается попытка обоснования роли функционализма как промежуточного звена между структурализмом и антропоцентризмом.

Системно-структурное языкознание представляет собой воплощение лингвоцентрического методологического прин-

ципа, состоящего в изучении языковых единиц разных уровней в отвлечении от говорящего субъекта как данности, зафиксированной в текстах, академических грамматиках и словарях.

Лингвоцентризму в языкознании противопоставляется антропоцентризм – методологический принцип, обращенный к человеку, использующему язык для достижения различных коммуникативных целей в речи, в речевой деятельности, в дискурсе. Параллельно употребляются и другие антонимические пары терминов – объектоцентризм *vs.* субъектоцентризм / экспериментализм (Лакофф 2004: 173; Vanparrys 1996: 90) или текстоцентризм *vs.* субъектоцентризм (Сусов, Безуглая 2009).

Становление антропоцентризма связано с лингвопрагматикой, обратившейся к вопросу о том, как при помощи языка человек может производить действия – “how to do things with words” (Austin 1962). Прагматика позволила лингвисту взглянуть на языковые высказывания с позиции речи, выделив вместо суждений (рассматривавшихся в формальной логической семантике) действия или акты, реализующиеся в потоке речи: сообщения, вопросы, обещания, просьбы и т. п. Однако на первом этапе своего развития лингвопрагматика сосредоточилась на речеактовых аспектах языковых высказываний (о трех этапах развития прагматики см. Безуглая 2014б). И. П. Сусов подчеркивает: «Нельзя не обратить внимание на то, что Дж. Остин и Дж. Серл начинают перечисление с локутивного фактора. Локуция – явление поверхностно-языковое. <...> В общем, здесь просматривается традиционный для аналитических грамматик, т. е. грамматик читающего, пассивных грамматик, путь от формы к функции» (Сусов, Безуглая 2009). Сосредоточившись на форме, последователи Дж. Остина и Дж. Серла на первых порах занимались иллюкутивной интерпретацией искусственно сконструированных высказываний (см., напр., Серль, Вандервекен 1986), высказывание связывалось с человеком, его производителем, посредством понятия иллюкуции – характеристикой речевого действия человека в коммуникации.

Таким образом, вектор прагматического анализа на этом этапе оставался лингвоцентрическим – «от языка к человеку».

Поворот лингвопрагматики к собственно человеку стал возможен с когнитивизацией ее методологии – сближением с когнитивной лингвистикой, объединением коммуникативно-прагматических и когнитивно-семантических исследований языка и речи. Привлечение когнитивного аспекта позволило взглянуть на речевые акты как на двухступенчатые, речемыслительные (Сусов, Безуглая 2009) и поменять вектор анализа, поставив в начальную, центральную позицию человека: анализ «от человека к языку» представляет собой антропоцентризм в ярчайшем понимании этого слова.

Именно в векторе анализа видится основное отличие функционализма от антропоцентризма: функционализм, по сути своей, лингвоцентричен. Если иметь в виду общенаучное понимание термина «функция» как назначения/свойства объекта, то функционализм предполагает обращение к назначению определенных разноуровневых языковых объектов: слов, предложений, высказываний, текстов и т. п.

Лингвоцентризм функционализма подтверждается и анализом его методологических трактовок. Хотя функциональное языкознание выступает в огромном множестве разнообразных концепций (Сусов 1986: 132), в качестве наиболее значимых его современных направлений можно выделить:

- функциональную грамматику (Бондарко 1984, 1992; Тарасова 1992);
- функциональную стилистику (Баженова 2014; Кожина 1968, 1985, 2004; Клущина 2014; Салимовский 2010);
- функционально-коммуникативную лингвистику (Бацевич 1993; Гак 1985; Колшанский 1980, 1984; Сусов 1986).

Функциональная грамматика, разработанная А. В. Бондарко (Бондарко 1984, 1992), предполагает изучение единиц языковой системы под углом зрения их функций. Уже сам термин говорит о том, что имеется в виду разновидность грамматики естественного языка. Ее объект – явления, относящиеся к разным языковым уровням,

но объединенные на основе общности их семантических функций, а предмет – закономерности их функционирования в языковой системе, грамматический строй языка с позиций его функционирования.

Языковые единицы, выполняющие ту или иную функцию в речи, объединены в функционально-семантическую категорию. Последняя понимается как система равноуровневых языковых средств (фонетических, морфологических, лексических, синтаксических), способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций и образующих соответствующее функционально-семантическое поле. При этом А.В. Бондарко выделяет типы функционально-грамматического описания: 1) «от значения к форме», «от функции к средствам», 2) «от формы к значению», «от средств к функциям» (Бондарко 1984: 8-26), которые коррелируют с разграничением функции-потенции и функции-реализации. Под функцией-потенцией языковой единицы понимается ее роль в процессе порождения говорящим (пишущим) коммуникативной единицы (ономазиологический аспект), под функцией-реализацией – функционирование языковой единицы в пределах коммуникативной единицы (семасиологический аспект) (Бацевич 1993: 14, 18; Бондарко 1992: 14-15). Функционирование понимается как выполнение языковой единицей определенного назначения в речи, т. е. функция представляет собой, с одной стороны, способность языковой единицы к выполнению определенного назначения в речи (функция-потенция), с другой – результат функционирования, достигнутая в речи цель (функция-реализация).

На первый взгляд, данные типы функционально-грамматического описания «от функции к средствам» и «от средств к функциям» прямо соотносятся с названными векторами прагматического анализа – 1) «от человека к языку», 2) «от языка к человеку», если понимать функцию как синоним действия, деятельности, работы (лат. *functio* – ‘выполнение работы’). Тем не менее эти типы/векторы анализа, по сути, различны, поскольку отражают разные языковедческие подходы –

антропоцентрический и лингвоцентрический соответственно. Сам термин «функция», фигурирующий в рамках теории А. В. Бондарко, не является самодостаточным в употреблении: он либо требует дополнения – «функция чего?», либо, употребляясь эллиптически, предполагает это дополнение имплицитно. А дополнением выступают языковые средства – «функция слова, конструкции, грамматической формы и т. п.». Поэтому функциональная грамматика априори лингвоцентрична.

Конечно, связь функционально-грамматического анализа с человеком нельзя отрицать. Как подчеркивает Е. В. Тарасова, язык акцентируется как функциональная данность, орудие социального взаимодействия (инструментальная концепция языка), изучается «в действии», в реальных ситуациях общения, что «непосредственно связано с человеческим фактором в языке, поскольку в общении индивид использует язык в соответствии со своими коммуникативными задачами» (Тарасова 1992: 4). Однако вектор анализа демонстрирует лингвоцентричность: «Функциональная грамматика занимается выявлением особенностей языковой структуры в процессе речевой деятельности» (Тарасова 1992: 3).

Подчеркивается и неразрывная связь функциональной грамматики с системно-структурным языкознанием: «Функциональное языкознание нельзя рассматривать как полностью автономное и независимое от лингвистической традиции» (Тарасова 1992: 4-5). И далее: «В утверждении преемственности лингвистических идей, в отрицании противопоставления так называемой «традиционной» и функциональной лингвистики» «методы структурного и функционального анализа взаимосвязаны, что обусловлено единством функциональных и структурных свойств реальных систем», функциональные описания языка носят системно-интегральный характер (Тарасова 1992: 6).

Как видим, функциональная грамматика вплотную подходит к человеку, носителю языка, но остается лингвоцентричной, что свидетельствует в пользу переходной специфики методологии функционализма.

Основные положения **функциональной стилистики** провозглашены М. Н. Кожинной в работах 60-70-х годов XX в. (Кожина 1966, 1985, 2004) (об этом см. Баженова 2014: 18; Борисова 2014: 30). В современной лингвистике наблюдаем двоякое ее позиционирование по отношению к другим стилистическим концепциям. С одной стороны, функциональная стилистика как речеведческая дисциплина противопоставляется традиционной стилистике (стилистика ресурсов) (Баженова 2014: 18), с другой стороны, функциональная стилистика вместе со стилистикой ресурсов провозглашается стилистикой языка и противопоставляется стилистике речи, которая трактуется далеко не однозначно (Воронцова 2014: 27). Видимо, вопрос о месте и назначении функциональной стилистики в стилистической парадигме еще предстоит решить, тем более что последняя продолжает пополняться: развиваются прагматистика (Безуглая 2014а), креативная (Купина 2014), когнитивная стилистика (Джусупов 2011), говорят и об анти-, контр- и неостилистике (Тошович 2014). Многие из таких дисциплин можно считать антропоцентрическими, но сама функциональная стилистика представляется основанной на лингвоцентризме.

Основные исследовательские предметы функциональной стилистики – функциональные стили, выделяемые по критерию сферы коммуникации (Воронцова 2014: 28), и обусловленные ими речевые ситуации употребления языковых единиц (Борисова 2014: 30). Центральный объект анализа – «текст (речь) в его собственной природе, а не как материал для извлечения и построения модели системы языка» (Кожина 1985: 6). Текст приравнивается к речи условно и понимается как речевое произведение, продукт речи, поэтому «неизменной остается направленность данной науки на исследование способов преломления действительности в текстах различных сфер общения, описание в том или ином аспекте особенностей стилевой организации этих текстов» (Салимовский 2010: 206).

Функциональная стилистика призвана изучать языковое наполнение речи, что

возможно только при условии выхода за пределы языковой системы в широкий социокультурный контекст как методологическое основание анализа: стиль речи обусловлен экстралингвистически, поэтому изучение его лингвистической специфики должно опираться на экстралингвистические факторы (Кожина 1966: 198).

В последнее время провозглашается близость функциональной стилистики и дискурсологии, понятие функционального стиля сближается с понятием дискурса. Говорят о дискурсивно-стилистической парадигме (Баженова 2014: 21): «дискурс, в рамках которого порождается речевое произведение (текст), соотносится с экстралингвистическими факторами коммуникации, определяющими типологическое своеобразие поверхностно-речевой стороны текста, т. е. его стиль», поэтому «де-факто предметом исследования в функциональной стилистике был и остается именно дискурс, дискурсивная деятельность, зафиксированная («опредмеченная») в тексте и понимаемая как речемыслительная деятельность, которая осуществляется средствами языка и протекает в основных сферах жизнедеятельности человека» (Баженова 2014: 19).

Подчеркивая близость функциональной стилистики и дискурсивного анализа, М. Н. Кожина называет общие параметральные признаки их ключевых понятий – дискурса и функционального стиля: динамизм, детерминация изучаемого объекта экстралингвистическими факторами, принцип системности при использовании языковых средств, историзм, воплощенность в текстах, междисциплинарность (Кожина 2004: 25–26). Разницу этих дисциплин подчеркивает Н. И. Клушина: «Функциональная стилистика, в отличие от дискурсологии, строго структурирована в таксономии стилей, в основу которой положена определенная функция языка, а также соответствие стиля области социальной жизни, которую он обслуживает, и типу общественного сознания», а единой типологии дискурсов не существует и быть не может, поскольку задачи дискурсологии более практически ориентированы: «регистрация и описание социально ориентированных практик для

осуществления успешного социального взаимодействия (что уводит дискурсологов от лингвистики в сторону коммуникативистики, социологии, политологии, менеджмента и других наук)» (Клушина 2014: 178).

Думается, что основное различие функциональной стилистики и дискурсологии кроется именно в изначальном антропоцентризме последней. Анализ дискурса немыслим без учета продуцирующих его субъектов. А вот функционально-стилистический анализ текста очень часто обходится без непосредственного обращения к его производителю, поскольку «функциональная стилистика как таксономическое описание литературного языка» (Клушина 2014: 17) сосредоточена на потенциале функций определенного языкового явления, а не на особенностях реализации этих функций в конкретных ситуациях речевого общения.

В этой связи невозможно не согласиться с мнением Г. Н. Манаенко: «в функциональной стилистике, хотя и утверждается, что функциональный стиль – это явление и языка, и речи, подход к нему все же осуществляется со стороны языка – от системы, следовательно, вне такого подхода остается человек и его речевая деятельность» (Манаенко 2014: 163). Иначе говоря, в функционально-стилистических исследованиях человек находится в тени языковой системы, играет вторичную роль, роль связующего звена между языком и функцией. Стилистика ресурсов, функциональная стилистика и дискурсология находятся в отношениях дополнительности: стилистика отвечает на вопросы «что?» (стилистика языковых ресурсов), «как?» и «для чего?» (функциональная стилистика), дискурсология – на вопрос «почему?» (Манаенко 2014: 168). Таким образом, функционально-стилистический анализ исходит от языковой системы и является поэтому лингвоцентрическим, а дискурсивный анализ отталкивается от человека и является ярким проявлением антропоцентризма.

Учитывая интеграционные процессы стилистики и дискурсивного анализа, можно утверждать, что современная функциональная стилистика развивается в сторону

говорящего субъекта: «на первый план выдвигаются не прототипические варианты использования языка в разных сферах общения, понимаемые как эталон, а стилистические способы передачи информации в специфических условиях, продиктованных контекстом, авторскими интенциями и планируемым/ожидаемым прагматическим эффектом» (Клушина 2014: 17). Однако обращение к авторским интенциям и перлокутивным эффектам знаменуют превращение функциональной стилистики в стилистику дискурсивную – это уже другая стилистика, взаимодействующая с дискурсивной лингвопрагматикой, антропоцентричная по сути.

Данные процессы подтверждают переходный характер методологии функционализма.

Ближе всего к антропоцентризму – понимание функционализма как **функционально-коммуникативной лингвистики**, которое зиждется на идее функционирования языка в речи, в коммуникации. При этом «функционирование – это проявление сущности, способ существования языка, критерий реальности его единиц и категорий» (Бацевич 1993: 12). В. Г. Гак пишет прямо: «в лингвистике функциональный подход есть прежде всего подход коммуникативный» (Гак 1985: 7). А. Г. В. Колшанский, считая, что «определение коммуникативной лингвистики не совпадает с понятием функциональной лингвистики» (Колшанский 1980: 146), объединяет оба направления в одно и говорит о едином «функционально-коммуникативном описании языка» (Колшанский 1984: 170). Ключевым в этой фразе является слово «язык»: речь идет о языковых единицах, выполняющих в речевой коммуникации определенные функции, имеющих ту или иную функциональную нагрузку.

Коммуникативная трактовка функционализма коррелирует с начальным этапом развития лингвопрагматики. Первые лингвопрагматические концепции советской лингвистики проявляют признаки функционального подхода. Прагматика понимается как языковедческая наука, изучающая человеческий язык в его прагматической

функции (функции воздействия, интеракции) (Киселева 1978: 98).

И. П. Сусов (Сусов 1986) выделяет в функциональном подходе две разновидности:

- **внутрифункциональный** (структурно-функциональный) – исследуемыми величинами являются языковые единицы и категории какого-либо уровня, а средой – единицы и категории более высокого уровня, языковая система, текст; он не предполагает выделения собственно функциональной лингвистики, оставаясь в рамках системно-структурной парадигмы (модель глоссематического анализа Л. Ельмслева, первая версия порождающей трансформационной грамматики Н. Хомского);
- **внешнефункциональный** (собственно функциональный), соотносящий языковые единицы или их группировки с объектами, составляющими внеязыковую среду; если такой средой выступает мир сознания, речь идет о когнитивно-функциональном подходе, если средой выступает сфера коммуникации – о коммуникативно-функциональном.

При этом субъект коммуникации может не приниматься во внимание, а может, напротив, считаться определяющим фактором, как в прагмалингвистике: «Коммуникативно-функциональный подход в целом и прагмалингвистический подход в частности настаивают на обращении к понятию деятельности как универсальному объяснительному принципу, что ставит эту разновидность функционализма в особое, весьма выигрышное положение в кругу функционально-лингвистических дисциплин и теорий вообще» (Сусов 1986).

По И. П. Сусову, функциональная лингвистика является гиперонимической дисциплиной по отношению и к когнитивной, и к коммуникативной лингвистике: «Рядом со структурализмом и генеративизмом формируется на основе деятельностного подхода новый, интегрированный функционализм с двумя векторами – коммуникативным (с социологическим уклоном) и когнитивным (с уклоном в психологию)» (Сусов, Безуглая 2009). Напротив,

Ф. С. Бацевич рассматривает функционально-коммуникативную лингвистику как составную часть когнитивной парадигмы: «лингвистический функционализм <...> – это внутренняя «технологическая», «операционная», а значит, и важнейшая составная часть когнитивной лингвистики» (Бацевич 1993: 9), объясняя интеграцию функционализма в когнитивную парадигму его изначальной телеологичностью, установкой на динамику и приоритеты говорящего, формированием и становлением ономаσιологического подхода (Бацевич 1993: 5). Такие противоречивые трактовки еще раз подтверждают целесообразность переходного статуса функционализма по отношению к структурализму и антропоцентризму.

Помимо функций языковых единиц функциональный подход предусматривает рассмотрение функций языка вообще. По словам Ф. С. Бацевича, «сами основоположники современного функционализма – пражские языковеды, употребляли термин «функция» неоднозначно: то как функция языка, то как функция языковой единицы; противопоставляли средству и форме, соотносили с чем-то экстралингвистическим и интралингвистическим» (Бацевич 1993: 11). Поэтому подчеркивается необходимость различения понятий «функция языка» и «функция языковой единицы» (Бондарко 1992: 14–15; Гак 1985: 7) на основании того, что «функции отдельных частей языка (единиц, категорий и т. п.) включены в более широкую систему функций языка и речи и в своем проявлении зависят от этой системы» (Бацевич 1993: 13).

В рамках лингвопрагматики неоднократно предпринимались попытки соотнести с функциями языка компоненты речевого акта. К примеру, беря за основу систему функций языка Р. О. Якобсона, А. Мерилай проводит соответствующие параллели для художественного дискурса: экспрессивные речевые акты соответствуют эмотивной функции (лирика), ассертивные – референтивной (эпос), директивные и комиссивные – конативной (драма) (Merilai 2007: 383).

Триаду общественных функций языка В. В. Виноградова – общение, сообщение, воздействие – использует В. В. Дементьев,

который, говоря о системном представлении непрямого общения, выделяет ее типы: не прямое сообщение (эвфемизмы, тропы), не прямое общение (фатическая коммуникация) и не прямое воздействие (манипулирование, косвенные директивы) (Дементьев 2006: 182).

Параллель между компонентами речевого акта и функциями языка находим также у последователей К. Бюлера, выделявшего триаду «экспрессия, репрезентация, апелляция» (Бюлер 2000). Апеллятивную функцию они соотносят с иллюкуцией, экспрессивную функцию – с выражением пропозициональной установки, репрезентативную – с выражением пропозиции, игнорируя перлокутивный компонент речевого акта (Beck 1980; Hauenherm 1998; Müller 2003: 17; Preyer 1997: 95). Если рассматривать речевую коммуникацию как процесс обмена речевыми актами с точки зрения функционального подхода, то более логичным представляется следующее соотношение: репрезентативная функция (сообщение) находит отражение в пропозициональном компоненте речевого акта (репрезентация некоего положения вещей), экспрессивная функция (общение) – в иллюкутивном компоненте (общение как обмен действиями), апеллятивная функция (воздействие) – в перлокутивном.

Представляется, что рассматривать компоненты речевого акта, определенные языковые или речевые явления, а также родовые разновидности художественного дискурса как проявление только одной функции языка не совсем корректно, поскольку функции не реализуются изолированно: общение в различной мере предполагает сообщение, в том числе и языковое, сообщение может осуществляться в общении, в том числе и языковом, воздействие (в широком смысле – на действия, мысли, чувства) присуще и общению, и сообщению. В данном случае, говоря словами К. Бюлера, «мы имеем дело с явлениями доминантности, в которых на первый план выступает то одна, то другая из основных функций звукового языка» (Бюлер 2000: 37). Об этом же пишет и Е. С. Кубрякова: «функции языка следует рассматривать не

как изолированные друг от друга, но, напротив, как осуществляемые при их непрерывном и непрерывном согласовании и взаимозависимости» (Кубрякова 2004: 325).

Через функции языка и его единиц в различных типах текстов функциональный подход связан не только с рассмотренными лингвистическими направлениями. Так, Ф. С. Бацевич отмечает связь функционализма с теорией речевой деятельности, социологией, психологией общения, теорией коммуникации, социолингвистикой, лингвистикой текста, семиотикой (Бацевич 1993: 10-11), однако подчеркивает, что «с момента своего возникновения функционализм был тесно связан с системно-структурным направлением» (Бацевич 1993: 6). Являясь логическим развитием структурализма, функционализм выступает переходным этапом к антропоцентризму, привлекая к

анализу языка человеческий фактор, но оставаясь при этом лингвоцентрическим.

Суммируя, следует подчеркнуть, что разграничение антропоцентризма и функционализма ни в коей мере не приравнивается к оппозиции «хорошо – плохо». Данные методологические подходы находятся в отношении взаимодополняемости и взаимонеобходимости. В этой связи к ним примыкает и структурализм. В аспекте методологии все три принципа сосуществуют, взаимодействуют, взаимно обогащаются. В аспекте историографии лингвистики функционализм представляет собой промежуточное звено между лингвоцентрическим структурализмом и антропоцентризмом.

На современном этапе своего развития лингвистика, таким образом, подтверждает «очеловечивание» и интегративные тенденции науки в целом.

Литература

1. Баженова Е. А. Дискурс – текст – стиль в ракурсе функциональной стилистики // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 18-26.
2. Бацевич Ф. С. Функционально-ономасиологическое изучение лексики: теоретические и практические аспекты (на материале русского глагола). – Львов: Изд-во ЛГУ, 1993. – 170 с.
3. Безуглая Л. Р. Лингвопрагматика, стилистика и прагматилистика – общее и различное // Стилистика сегодня и завтра: Мат-лы конференции. – Ч. 1. – М.: Ф-т журналистики МГУ, 2014а. – С. 17-23.
4. Безуглая Л. Р. Три этапа развития лингвопрагматики: от речевого акта к дискурсу // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014б. – С. 81-93.
5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.
6. Бондарко А. В. К вопросу о функциях в грамматике // Изв. АН России. Серия лит. и яз. – Т. 51. – № 4. – 1992. – С. 14-26.
7. Борисова Е. Г. Стилистика и прагматические характеристики языковых единиц // Стилистика сегодня и завтра: Мат-лы конференции. – Ч. 1. – М.: Ф-т журналистики МГУ, 2014. – С. 29-34.
8. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
9. Воронцова Т. А. Границы стилистики и стиля в современной научной парадигме // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 27-32.
10. Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 5-15.
11. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
12. Джусупов Н. М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – Вып. 3. – С. 65-76.

13. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
14. Клушина Н. И. Дискурс и стиль: пути и перекрестки современной лингвистики // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 177-182.
15. Кодухов В. И. Мышление и языковые значения и функции // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С. 102-115.
16. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1966. – 213 с.
17. Кожина М. Н. Актуальные проблемы стилистики текста в аспекте современной теории языка // Теоретические проблемы стилистики текста: Тезисы докладов. Казанский ун-т. – Казань, 1985. – С. 5-7.
18. Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – дискурс – стиль. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 9-33.
19. Колишанский Г. В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
20. Колишанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
21. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 549 с.
22. Купина Н. А. Креативная стилистика. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 181 с.
23. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
24. Манаенко Г. Н. Дискурсивные перспективы стилистики // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 162-168.
25. Салимовский В. А. Функциональная стилистика как речеведение // Вестник Пермского ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 5(11). – С. 202-207.
26. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 242-263.
27. Сусов И. П. Функциональный подход в языкознании и прагмалингвистика // Функционально-типологические проблемы грамматики: Тезисы докладов и сообщения. Ч. 2. – Вологда, 1986. – С. 132-133.
28. Сусов И. П., Безуглая Л. Р. Субъектоцентрическая модель речевого акта // Культура народов Причерноморья. – 2009. – Т. 2, № 168. – С. 284-287.
29. Тарасова Е. В. Время и темпоральность. – Харьков: Основа, 1992. – 136 с.
30. Тошович Б. Стилистика – антистилистика – контрстилистика – неостилистика // Стилистика сегодня и завтра: Мат-лы конференции. – Ч. 1. – М.: Ф-т журналистики МГУ, 2014. – С. 217-225.
31. Якобсон Р. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1965. – Вып. 4: Математические аспекты структуры языка. – С. 372-380.
32. Austin J. L. How to do things with words. – Cambridge/Mass.: Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
33. Beck G. Sprechakte und Sprachfunktionen. Untersuchungen zur Handlungsstruktur der Sprache und ihren Grenzen. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – 266 S.
34. Hauenherm E. Sprechakte und Sprachfunktionen // Tendenzen europäischer Linguistik. – Tübingen: Niemeyer, 1998. – S. 85-89.
35. Merilai A. Pragmapoetics as literary philosophy // Interlitteraria. – 2007. – No. 12. – P. 379-392.
36. Müller B. L. Der Sprechakt als Satzbedeutung: Zur pragmatischen Grundform der natürlichen Sprache. – Bern et al.: Lang, 2003. – 359 S.
37. Preyer G. Kognitive Semantik – Sprechaktsemantik // Intention – Bedeutung – Kommunikation. – Opladen: Westdeutscher Verl., 1997. – S. 74-138.
38. Vanparys J. Categories and Complements of Illocutionary Verbs in a Cognitive Perspective. – Fr./M.: Lang, 1996. – 249 S.

Александр Киклевич
(Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша)

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОБМЕН

В статье рассматривается место и роль семантической информации в реализации речевых действий. Автор базируется на концепции, согласно которой в основе прагматической функции высказывания и текста лежит закодированная в его грамматических и лексических формах, а также частично генерируемая контекстом семантическая информация. Объектом исследования являются четыре типа коммуникативных ситуаций (в зависимости от эпистемической компетенции коммуникативных партнеров): X знает о Z – Y знает о Z; X знает о Z – Y не знает о Z; X не знает о Z – Y знает о Z; X не знает о Z – Y не знает о Z.

Ключевые слова: прагматика, семантика, информация, речевой акт, типология текстов.

Alexander Kiklevich
(University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland)

SPEECH ACTS AND INFORMATION EXCHANGE

The article examines the role of semantic information in the realization of speech acts. The author is based on the concept that the basis of the pragmatic functions of expression/text is semantic information encoded in its grammatical and lexical forms, and also partly generated by the context. The object of study are four types of communicative situations (depending on the epistemic competence of communicative partners): X knows o Z – Y knows o Z; X knows o Z – Y does not know o Z; X does not know o Z – Y knows o Z; X does not know o Z does Y does not know o Z.

Key words: pragmatics, semantics, information, speech act, typology of texts.

1.

Место семантической информации в речевом поведении определить довольно сложно, что обусловлено многомерными отношениями между семантикой и прагматикой. С одной стороны, сферы семантики и прагматики были довольно строго разделены уже Ч. Моррисом (Моррис 1983: 42), хотя наиболее значительный вклад в понимание специфики семантической и прагматической функций языковых выражений во второй половине XX в. внесли представители прагмалингвистического направления, в первую очередь – Дж. Серль, который строго различал значение и употребление высказываний (Searle 1965).

С другой стороны, семантика и прагматика состоят в сложном, динамическом отношении, что подразумевал уже создатель семиотики (см. Моррис 1983: 43 и сл.). Одной из форм этих отношений является семантика на базе прагматики – обусловленность процесса формирования значений коммуникативными условиями номинации (что особенно подчеркивают сторонники функционального прагматизма)¹. Другая форма, которую можно определить как прагматика на базе семантики, состоит в том, что реализация прагматической функции высказывания (иллокуции и перлокуции, по Дж. Остину) опирается на семантическую информацию, т. е. передачу сведений о тех или иных положениях вещей (более подробнее об этих двух аспектах см. в работах: Kiklewicz 2011; 2013).

Бытует представление о том, что семантические и прагматические характеристики знака самостоятельны, независимы друг от друга. Это убеждение, например, лежит в основе понятия прагматической парадигмы слова, которое предложил А. Е. Супрун (1993): слова и словосочетания, тождественные или близкие по своим лексическим значениям, различаются своими стилистическими признаками (это, как известно, одно из свойств синонимического ряда), ср.:

¹ Процессы речевой номинации с учетом социального контекста и психологических установок речевых субъектов систематизированы в работе: Kiklewicz 2012.

Иван Петров
Иван Иванович Петров
Петров Иван
Петров
Ванюша Петров
Иван Иванович
Ванечка
Ваня и т. д.

Существует и обратное явление – альтернатива семантических способов реализации одной и той же прагматической функции. Например, устное замечание может быть сделано в нескольких формах:

Вы неправильно припарковались!
Вы должны припарковаться в другом месте.
Здесь не паркуются.
Парковка – там.

Каждая форма передает свое семантическое содержание: в одном случае это констатация нарушения нормы, в другом – семантика долженствования, в третьем – информация о соблюдении нормы, в четвертом – остенсивное (жестовое) указание. При этом все эти типы содержания служат для реализации одной и той же прагматической функции.

В связи с данной проблемой С. Лем в одной из своих философско-эстетических работ рассуждал о том, насколько изменение стилистической характеристики высказывания влияет на его семантику (Lem 2010: 35 и сл.). Лем сравнивал два польских высказывания:

Antoni, ująwszy dłoń Marii, powiódł ją w szumiącą leszczynę; ср. русск.: Антон Антонович, поддерживая Марию за руку, повел ее в заросли орешника.

Antek wciągnął Mańkę w krzaki; ср. русск.: Антон потянул Маню в кусты.

Лем писал, что стилистические различия порождают различия семантического характера: в первом случае нет оснований предполагать, что с Марией может произойти что-то опасное, хотя во втором случае такая возможность есть. Согласно точке зрения Лема, эти семантические различия связаны с культурными стереотипами, а именно с тем, что в современной теории дискурса определяется как *ситуативная*

модель (ван Дейк 1989: 18). В нашей памяти хранятся устойчивые представления об отношениях между людьми, при этом разные функциональные стили отражают не только коммуникативную ситуацию с участием говорящего, но и ситуацию непосредственного взаимодействия героев: официальную, неофициальную, камерную, манерную, приватную, простонародную и т. д. Стилль повествования как бы имитирует стиль поведения героев (иногда это интерпретируется как эмпатическая функция), поэтому стилистическая характеристика текста может нести дополнительную семантическую нагрузку.

Хотя прагматическая функция высказывания в первую очередь выражается специальными формами, называемыми интерактивными операторами (например, т. наз. перформативными глаголами в 1-м лице ед. числа), однако эту функцию могут выполнять и другие синтаксемы – элементы номинативного содержания высказывания. Сравним с этой точки зрения два примера:

Где мой халат?
Где твой халат?

Данные вопросительные предложения лишь незначительно различаются своим составом. Казалось бы, к прагматической функции высказывания это не должно иметь отношения и – в принципе – не имеет: в обоих случаях мы имеем дело с вопросительным речевым актом, т. е. с побуждением к речевой деятельности.

Я спрашиваю тебя, где мой халат.
Я спрашиваю тебя, где твой халат.

И все-таки прагматические различия есть. Каждый раз, когда мы произносим какие-то слова, мы актуализируем в памяти соответствующие фрагменты действительности – особенно это касается ключевых слов, содержащих семантическую доминанту текста (более подробно см.: Kiklewicz 2007). В силу этого правила вопросительная реплика (15) стандартно будет интерпретироваться носителем русского языка (и представителем русского культурного сообщества) как возникшая в ситуации,

когда говорящий ищет свой халат и обращается к слушающему за помощью. Другими словами, формальный вопрос имеет здесь коммуникативную силу просьбы.

В реплике (16) мы стандартно (т. е. на основе ранее усвоенных и многократно повторенных стереотипов) моделируем другую ситуацию: слушающий не надел халат, поэтому говорящий делает ему замечание:

Где твой халат?
= Ты должен иметь на себе халат.
= Надень халат.

Это говорит о том, что семантика и прагматика в речевой коммуникации не представляют собой совершенно обособленные, диспаратные сферы функционирования знаков – они вступают в сложные взаимодействия. Неслучайно характер содержания высказывания рассматривается Дж. Сёрлем в качестве одного из параметров речевых актов (Searle 1976, 5 i n.).

2.

Понятие (семантической) информации определенным образом учитывается в прагматике. Это наблюдается, например, при классификации текстов, когда ученые отдают себе отчет в том, что одни текстовые жанры в большей, а другие в меньшей степени направлены на передачу знаков, в которых закодирована информация о положениях вещей. Так, немецкий лингвист К. Бринкер (Brinker 1985: 124) выделил пять типов текстов:

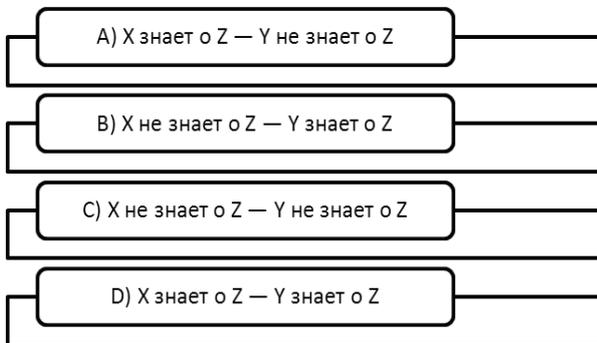
- 1) информирующие (Informationstexte), например: сообщение, репортаж, отчет и др.;
- 2) апеллятивные (Appelltexte), например: реклама, закон, призыв;
- 3) тексты-обязательства (Obligations-texte), например: контракт, соглашение, гарантийный талон и др.;
- 4) контактные (Kontakttexte), например: соболезнование, поздравление, пожелание и др.;
- 5) декларативные (Deklarationstexte), например: завещание, номинация, присвоение звания и др.

Как видим, только один из типов текстов непосредственно связан с переработ-

кой информации – во всех же остальных случаях информация имеет вспомогательный характер или вообще не рассматривается как элемент (а именно – предмет) коммуникативной интеракции.

Лежащая в основе данной статьи идея состоит в том, что понятие (семантической) информации является важным фактором реализации коммуникативных действий и может быть использовано в качестве признака, дифференцирующего их разные типы.

Для операционализации этой идеи я буду использовать способ моделирования, известный в логике групп. При условии того, что мы имеем дело с двумя параметрами: 1) категорией информации (владения информацией) и 2) категорией речевого субъекта и каждый параметр варьируется в двух значениях (владение/невладение информацией, отправитель/получатель), можно рассматривать четыре типа коммуникативных ситуаций (см. рисунок).

Анализируя разные речевые акты, можно убедиться в том, что их различия сводятся не только к употреблению специальных операторов, но и во многом обусловлены контекстом, что стало предметом исследования прагмалингвистов (в качестве примера см.: Neşki 2000: 94). Одним из таких контекстных факторов является и эпистемическая информация, т. е. бóльшая или меньшая степень осведомленности речевого субъекта о положениях дел, сопутствующих коммуникативной ситуации или находящихся вне поля зрения речевых партнеров.

3.

К первому типу [X знает о Z — Y не знает о Z] относятся репрезентативные, а именно – экспозитивные речевые акты, сущность которых состоит в том, что говорящий информирует слушающего о положениях дел во внешней, материальной действительности, когда мы имеем дело с дескриптивами, или же о собственных психологических или физиологических состояниях, когда мы имеем дело с декларативами (идея разграничения этих типов принадлежит Дж. Серлю, см. Searle 1976). В качестве интерактивных операторов могут использоваться перформативные глаголы: *информирую, сообщаю, напоминаю, объявляю, повторяю* и др. Все они предполагают определенную степень неосведомленности адресата, хотя в случае *сообщаю (новость)* и *напоминаю* она несколько варьируется: первый глагол употребляется в ситуации, когда говорящий достаточно уверен в том, что слушающему не известны передаваемые сведения, тогда как второму глаголу сопутствует допущение, что слушающий уже имел дело с данной информацией, но она могла быть утрачена в результате забывания или по невниманию, ср.:

Спешим сообщить новость! Театр кукол открыл онлайн-продажу билетов!; Пресуппозиция: Адресат не знает о том, что театр кукол открыл онлайн-продажу билетов.

Напоминаем, что заканчивается прием документов на конкурс по программе студенческого обмена. Пресуппозиция: Адресат раньше знал, но, возможно, забыл и теперь не знает, что заканчивается прием документов на конкурс по программе студенческого обмена.

Информирование адресата не всегда осуществляется в форме повествовательного предложения – употребляются и другие коммуникативные формы, например, высказывание с глаголом повелительного наклонения. В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» встречается 21 пример употребления таких выражений с глагольной формой *знайте/узнайте (же)*, ср.:

Знай те же, что это я все время нарочно, чтобы вас испробовать, так представлялся.

Узнайте, что он жив, очнулся и, несмотря на тяжкие побои, причиненные ему вами[...]

Кто он – я теряюсь и мучаюсь, но это не Дмитрий Карамазов, знайте это, – и вот все, что я могу вам сказать, и довольно, довольно, не приставайте...

Но знайте, что пока я носил, я в то же время каждый день и каждый час мой говорил себе [...]

Знай те же, что я уже имел эту комбинацию сам, вот эту самую, про которую вы сейчас говорили, прокурор!

Знай те, вот это же самое, что я вам сейчас толковал про переведенных классиков, говорил вслух всему третьему классу сам преподаватель Колбасников...

В приведенных выше предложениях говорящий информирует адресата о реальных событиях, имеющих место в физической или социальной действительности. Здесь мы имеем дело с дескриптивами. Но у Достоевского намного чаще выступает информирование (в данной коммуникативной форме) о предполагаемых событиях, которые могут иметь место в будущем:

Знай те, что это я уклонюсь, а не вы.

Знай те, я за вами тоже буду подсматривать, только что мы обвенчаемся, и знайте еще, что я все письма ваши буду распечатывать и все читать...

[...] И знайте еще, что я все письма ваши буду распечатывать и все читать...

Знай те, что и я, напротив, не только в самом главном подчиняться готова, но и во всем уступлю вам и вам теперь же клятву в этом даю, – во всем и на всю жизнь.

– Серьезность тут невозможна, невысказанна, и, во-первых, я вас теперь совсем не приму ни разу, а во-вторых, я уеду и ее увезу, знайте это.

Знай те же, что несомненно сия мечта, как вы говорите, сбудется, тому верьте, но не теперь, ибо на всякое действие свой закон.

Знай те, милостивый государь, что я на вас буду жаловаться, что я не спущу вам, извольте сей же час оставить меня...

Еще чаще в романе Достоевского мы имеем дело с декларативами, т. е. когда говорящий информирует адресата о своих ментальных или эмоциональных состояниях: убеждениях, суждениях, мнениях, предпочтениях, желаниях, оценках и др. На это указывают следующие примеры:

Знай те, сударь, что может быть во всем вашем роде нет и не было выше и честнее, – слышите, честнее – женщины, как эта по-вашему тварь, как вы осмелились сейчас назвать ее!

Знай те, Алексей Федорович, что мы фантастическая головка, что мы своевольное, но гордое-прегордое сердечко!

Знай те, что мы одного его, одного его только любим до сих пор и любили всю жизнь!

Знай те, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле. [...]

Знай те, Катерина Ивановна, что вы действительно любите только его.

Знай те же, что мы все, все – я, обе ее тетки, – ну все, даже Lise, вот уже целый месяц как мы только того и желаем, и молим, чтоб она разошлась с вашим любимцем Дмитрием Федоровичем. [...]

Знай те же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание. [...]

Информирование, осведомление, объявление может быть реализовано и в вопросительной форме, особенно часто – в разговорной речи. И в этом случае может употребляться глагол *знать*, который, как видим, независимо от грамматической формы несет в себе эпистемический потенциал, которым как бы «заражает» все высказывание. Приведу примеры из «Братьев Карамазовых»:

Вы знаете, что приехал доктор?

Вы не знаете, что он помешался?

Знаешь, что люблю? Я люблю остроумие.

Или не знаешь, что сей день есть величайший из дней его?

Фактически каждый из этих вопросов означает передачу каких-либо сведений, что подтверждается возможностью перифрастического выражения того смысла, например:

Знайте, что приехал доктор.
Сообщаю новость: приехал доктор.

Не все вопросительные реплики с глаголом *знать* имеют, однако, такую, информативную функцию. Функций у вопросительных высказываний вообще много, одна из них – введение темы разговора. Рассмотрим следующее высказывание:

Вы знаете, о чем я сегодня вспоминал? (Ю. Казаков).

Говорящий, конечно же, не предполагает, что адресат знает о том, что ему вспоминалось. Вопрос *Вы знаете?..* кажется в этом контексте бессмысленным. В то же время констатирующая часть вопроса (*Я о чем-то сегодня вспоминал*) не содержит никакой конкретной и ценной для адресата информации. У такой реплики, как представляется, тематическая функция, т. е. введение темы разговора:

Я намереваюсь рассказать тебе, о чем я сегодня вспоминал.

Встречаются случаи употребления глагола *знать* в повествовательных предложениях. Казалось бы, здесь реализуется обычная констатация факта знания, но нередко коммуникативная целесообразность такого рода речевых единиц имеет другую природу: говорящий, видимо, не полностью убежден, что адресат владеет информацией в полном объеме:

[...] А вы знаете, что я на сей счет могла.

Речевые акты информирования базируются на предпосылке говорящего, что передаваемая им информация необходима адресату, востребована им, будет полезной. В связи с этим необходимо отметить, что информативные речевые акты часто не сводятся только к информации, а несут в себе дополнительную нагрузку: они коннотируют те дополнительные эффек-

ты, которые могут быть вызваны получением информации, а значит, имеют также перформативную, директивную силу. Например, часто информация сопровождается рекомендацией или советом. Пример такого речевого действия приводится ниже:

Напоминаем, что Moscow Startup Day уже завтра! Приходите! Находите! Создавайте! Узнавайте!

С точки зрения дополнительной интерпретации в контексте коммуникативной ситуации информация, как правило, амбивалентна, т. е. допускает разные варианты ее истолкования. Многие при этом зависят от элементов коммуникативного окружения: личности говорящего, сопутствующих событий, установок интерпретатора и др. Например, когда на X Всероссийском молодежном форуме «Селигер-2014» президент России Владимир Путин заявил: «Он (Нурсултан Назарбаев. – А. К.) совершил уникальную вещь. Он создал государство на территории, на которой государства не было никогда. У казахов не было государственности» (источник: <http://rus.azattyq.org/content/putin-o-gosudarstvennosti-kazakhstan/26556912.html>), это утверждение было воспринято по-разному: с одной стороны – как высокая оценка деятельности президента Казахстана, с другой стороны – как обоснование возможных территориальных претензий России (Новая газета. 2014/44). Не случайно, выступая в октябре 2014 года перед активом акимата в Астане, Назарбаев специально затронул эту тему и, как бы дискутируя с Путиным, подчеркнул, что казахская государственность ведет свое начало с 1465 года – со времен ханства Керей и Жанибека.

Информативная функция свойственна текстам определенных жанров, в первую очередь – средств массовой информации. При этом следует отметить, что информация в журналистике все чаще и чаще уступает место инфотейнменту – инкорпорированию в структуру сообщений элементов развлекательного и персуазивного характера. Ничего удивительного, что польские исследователи А. Авдеев

и Г. Хабрайская пишут, что в современную эпоху сущность журналистского (или публицистического) стиля сводится к персуазивному воздействию на адресата (Awdiejew, Nabrajska 2006: 192).

К коммуникативному типу [X знает о Z – Y не знает о Z] следует отнести и диалогические ситуации, целью которых является проверка знаний. Подобные ситуации реализуются в репликативной форме, т. е. как цепочка <вопрос – ответ>, ср.:

- А вы знаете кто такой клининг-менеджер?
- Знаю.

Одна из институциональных форм реализации этого коммуникативного типа – экзамен. Хотя предполагается, что участие в экзамене требует от обеих сторон определенного уровня компетенции: профессионального – от экзаменатора, продвинутого – от экзаменуемого, однако, с другой стороны, проведение экзамена не имело бы смысла, если бы факт [Y знает о Z] был очевидным. Значит, логика экзамена основана на допущении, что [Y не знает о Z], иначе вопросы экзаменатора были бы излишними. В связи с этим я позволю себе вспомнить лингвистический анекдот, рассказанный в моем присутствии известным славистом проф. В. П. Гудковым. Декан факультета идет по коридору МГУ и видит раздосадованного проф. О. С. Широкова, у которого в этот день экзамен по введению в языкознание. Декан интересуется, в чем дело. «Вы знаете, – звучит ответ, – каждый студент чего-нибудь не знает!» Декан идет дальше по коридору и видит весьма довольного проф. А. А. Реформатского, у которого в этот день тоже экзамен. Декан спрашивает о причине такого хорошего настроения. Реформатский, радостный, отвечает: «Вы знаете, каждый студент что-нибудь знает!»

4.

Следующим будет рассмотрен коммуникативный тип [X не знает о Z – Y знает о Z]. Ситуации этого типа обычно реализуются в форме вопроса, сущность которого состоит в принуждении адресата к передаче интересующих говорящего сведений, ср.:

Свекровь спросила своего нового мужа: ты будешь заниматься моим внуком или на черта он тебе нужен? Поскольку в вопросе уже был вариант ответа, то новый муж им воспользовался. «На черта он мне нужен», – ответил муж (В. Токарева).

Как видим, свекровь не располагает достоверной информацией о том, как новый муж намерен вести себя по отношению к ее внуку, – ответ мужа вносит в это ясность.

В предыдущем пункте уже указывалось, что вопросительная реплика в ситуации, когда говорящий не предполагает наличия у адресата соответствующих знаний, не означает вопроса, а скорее – осведомление, сообщение или желание установить глубину знаний адресата. Поэтому вопрос на экзамене: «В каком году Александр I взойшел на престол» – не означает <Я хочу узнать, в каком году...>, а означает: <Я имею намерение проверить/убедиться, знаете ли Вы, в каком году...>. Вообще особенность всех эпистемических вопросов, т. е. удовлетворяющих потребность говорящего в знаниях, состоит в том, что спрашивающий имеет – в рамках данной ситуации – более низкий функциональный статус, занимает подчиненную по отношению к адресату позицию, ведь говорящий не знает, а адресат знает. Этим объясняется то, что в сказке Сергея Козлова «Разрешите с вами посумерничать» Заяц, который не знает значения слова *сумерничать*, задает много вопросов:

- А как мы будем сумерничать?
- А разговаривать можно?
- А мы уже сумерничаем?
- А можно, сумерничая, петь?
- А можно веселое?
- Это мы сумерничаем?

Поскольку адресат «знает», то он в коммуникативной ситуации пользуется авторитетом. Поэтому если даже говорящий «знает», но считает, что в коммуникативной ситуации имеется более авторитетный эксперт, он прибегает, так сказать, к аккредитации собственного знания. Хотя подобное речевое действие обычно реализуется в вопросительной форме, его коммуникативная функция состоит

в просьбе подтвердить информацию, например:

– Она часто берет меня за руку и, что ни скажет, тотчас же обращается ко мне с вопросом: – П р а в д а , Ф е д я ? То есть как бы просит у меня прощенья, но не прямо, а как-то по боковой линии (Ю. Олеша).

Как только задающий вопрос дает понять, что его позиция в структуре диалога вовсе не подчиненная, он тем самым переводит коммуникативную ситуацию в другое русло. Такой характер, например, имеют все акты выражения несогласия или запрета в форме вопросительных реплик:

– Ложитесь вы там бог знает когда, встаете поздно, режима нет. – Какое поздно, Елизавета Андреевна, у нас репетиции начинаются ровно в одиннадцать, минута в минуту, поздно не встанешь... (В. Панова).

– Спи, Васька, еще рано! – Какое рано, я сейчас встану. – Куда – встану? [...] Тебе нельзя еще вставать (В. Белаяев).

– Куда в пальто? – крикнуло несколько голосов (Т. Толстая).

Данный коммуникативный тип реализуется в ситуации информативного чтения как целенаправленной деятельности читающего. Ситуация чтения в некотором смысле контрroversивна: с одной стороны, читающий является получателем информации, т. е. его позицию можно интерпретировать как позицию Y. Но это, скорее, формальное положение вещей. С другой стороны, а именно с функциональной точки зрения, читатель занимает позицию X, т. е. позицию инициатора ситуации – на нем лежит ответственность за ее реализацию. Читающий, который «не знает о Z», стремится восполнить недостаток своих знаний – в связи с этим он обращается к книге (или другому источнику семантической информации). Ситуация сообщения информации (не знающему и потенциальному читателю) является как бы вынесенной за скобки – присутствие автора письменного текста становится чисто виртуальным, условным, а на первый план выдвигается деятельность читателя. У чтения есть много функций, но чешский социолог М. Наконечный справедливо пишет, что ин-

формативная функция – одна из важнейших (см. Ladorucki 2011: 207).

Существуют коммуникативные ситуации, в которых вопросительная реплика не содержит апелляции к адресату, а только констатацию незнания. Такой характер имеет следующее высказывание:

– Где же я тебе его возьму? (Литературная газета. 24.10.1984).

В данном случае вопрос носит формальный характер и не предполагает ответной реплики, т. е. равнозначен декларативу:

Я не знаю, где его взять.

5.

Коммуникативные ситуации типа [X знает о Z – Y знает о Z] в каком-то смысле противоречат требованию потребности информационного обмена: обе стороны располагают определенными сведениями и тем не менее вступают в речевую интеракцию. Зачем? Такого рода речевое поведение выполняет обычно социальную функцию и лишено другой, познавательной нагрузки. В подобных случаях говорят о фатической коммуникации, которая служит поддержанию специфического микроклимата в социальной группе (подробнее об этом см.: Kiklewicz 2008: 105 и сл.). К данному коммуникативному типу относятся все ситуации, предметом которых является выражение симпатии, флирт, заискивание и т. п. В таком духе, например, Чацкий обращается к Софье в седьмом явлении «Горе от ума», при этом Чацкий не скрывает, что содержание его реплики известно адресату:

– В семнадцать лет вы расцвели прелестно, Неподражаемо, и это вам известно.

Поскольку в коммуникативных ситуациях данного типа и говорящий «знает», и адресат «знает», информация не имеет для обеих сторон никакой познавательной ценности – именно поэтому характерной чертой фатической коммуникации является банальность передаваемого содержания, которое зачастую вытекает из самой обстановки общения, ср.:

Вопрос на автобусной остановке: – Автобуса ждешь?

Двое рабочих встретились утром в цехе: – Ты сегодня в первую смену?

Вопрос в супермаркете: – Приехал за покупками?

Следует обратить внимание на то, что приведенные выше реплики имеют форму вопроса. Хотя говорящий знает, в частности воспринимает зрением, *что* адресат ждет на остановке автобуса. Задавая вопрос, он формально позиционирует себя как зависящего, т. е. имитирует позицию того, кто «не знает». Такая коммуникативная стратегия умаления в межличностной коммуникации, по мнению ее участников, лучше служит установлению или поддержанию социального контакта. Подобную коммуникативную тактику использует Порфирий Петрович в разговоре с Раскольниковым у Достоевского. Раскольников сообщает, что к нему приехала мать – далее следует такой диалог:

– А к вам матушка приехала? – осведомился для чего-то Порфирий Петрович.

– Да.

– Когда же это-с?

– Вчера вечером.

Вопрос Порфирия Петровича с информационной точки зрения не имеет смысла (разве что он недослышал), но зато он выполняет важную социальную функцию, а именно имитации сочувствия, соучастия, создания доверительного отношения к партнеру.

Особый вид фатического общения реализуется в случае одновременного говорения, или – согласно болгарскому исследователю Ц. Йотову – синхралалии (1991). В этом случае фатический характер имеет одновременное воспроизведение коммуникативными партнерами одних и тех же реплик. К данному типу относится ритуальное поведение – например, коллективное воспроизведение национального гимна, клятвы, молитвы и др., или же гедонистическое поведение – например, совместное воспроизведение застольных, туристических, дорожных и др.

песен, ср. отрывок из стихотворения Давида Самойлова:

Новая заря

Прольется на меня,

Как неживая.

Тогда найду себе поводыря.

И побредем мы,

Песни распевая.

Коммуникативный тип [X знает о Z – Y знает о Z] кроме того реализуется во всех формах речевых действий на уровне пресуппозитивной информации. Не только сообщение, но и вопрос предполагает наличие у говорящего и адресата общих знаний, иначе речевое действие не имело бы смысла. Например, простой вопрос:

Какое население в Коста-Рике?

предполагает общую для обоих партнеров информацию о том, что существует страна Коста-Рика и что в ней есть население. В том случае, когда правдивость пресуппозиции хотя бы одним из коммуникативных партнеров подвергается сомнению, речевое действие не может быть успешным. Герой известного романа Владимира Войновича слушает официальное сообщение о ходе военных действий:

– Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. [...] Чонкин слушал слова, произносимые с заметным грузинским акцентом, глубоко верил в них, но не все мог понять. [...] Непонятно было выражение «нашли себе могилу на полях сражений». Почему они не искали ее в другом месте? И кто эту могилу для них вырыл? И Чонкину представилось огромное количество людей, которые в поисках могилы ходят по неизвестным полям.

Как видим, заложенная в предложении [Немецкие солдаты] нашли себе могилу на полях сражения пресуппозиция < Немецкие солдаты искали себе могилу > сводит на нет

пропагандистский пафос политической информации. Ложность пресуппозиции обуславливает, таким образом, коммуникативную неудачу.

6.

Рассмотрим, наконец, коммуникативные ситуации последнего, четвертого типа: [X не знает о Z – Y не знает о Z]. Их особенность состоит в том, что ни говорящий, ни адресат – в силу отсутствия у них соответствующих сведений – не могут играть в коммуникации главную роль, пользоваться авторитетом. Напротив, каждый из них осознает границы своей компетенции, поэтому здесь невозможны ни репрезентативные реплики (так как говорящий «не знает»), ни вопросительные реплики (так как адресат тоже «не знает»). Что же остается? Остается выражение неуверенности – и что касается собственных суждений, и что касается возможности получения информации от коммуникативного партнера. В силу специфики данной сферы коммуникации она служит областью приложения таких языковых категорий, как отрицание и модальность неопределенности (проблематичности).

– А песок-то зачем? – Вот и я не знаю зачем (Р. Остурахов).

Поэтому удивилась вопросу Сергея Яковлевича, но ответила: – Нет, я пока не знаю ни оперы, ни партии Шарлотты (И. Архипова).

– А ты – тоже никому не нужен? – Не знаю (А. Слаповский).

Задающий вопрос «не знает» в силу того, что задает вопрос, а отвечающий выражает это, так сказать, эксплицитным образом. При этом отрицательная частица или модальное слово может выступать и в вопросительной реплике – тем самым неуверенность говорящего в том, что он получит удовлетворительный ответ на свой вопрос, выражается более отчетливо, ср. примеры:

– Вы не знаете, сколько это в евро? (Е. Камзолкина).

– Скажите, – неожиданно вклинился Мышкин, – вы не знаете, где она? (В. Белоусова).

– Вы не знаете, при чем тут Магеллан? (С. Довлатов).

– Может быть, ты знаешь что-нибудь особенное? – Я ничего не знаю... об Евгении Павлыче, – пробормотал князь (Ф. Достоевский).

– Может быть, вы знаете, как это сделать? – Если бы знала, мы бы с вами условия контракта обсуждали, а не ваш взгляд на программу (А. Ковалева).

– И, может быть, вы знаете, кто?.. – Нет! (С. Осипов).

Модальность проблематичности сопровождает утвердительные, отрицательные и вопросительные реплики в ситуации коллективного решения проблемы: коммуникативные партнеры обмениваются репликами (иногда выступает и одновременное говорение), содержащими семантику неуверенности, гипотетичности, хотя она необязательно выражается специальными лексическими или другими средствами. Такое речевое поведение мы наблюдаем в телевизионных программах цикла «Что? Где? Когда?». Ниже приводится фрагмент дискуссии из программы 28 сентября 2014 года:

Ведущий: – Антон Павлович Чехов назвал его предметом роскоши. Публика не любит, зато в него влюблены все артисты. Что же написано на этом предмете роскоши?

Обсуждение:

– Это монолог какой-нибудь?

– Гардероб? Это не предмет.

– Либретто...

– Перерыв, антракт...

– Аншлаг.

– Что на нем написано?

– Билетов нет.

– На чем на нем?

– На предмете.

– Это табличка «Билетов нет»?..

– Публика не может попасть в театр, а актеры...

– Давайте еще подумаем...

– Все билеты проданы...

– Занавес?..

Как видим, каждый игрок команды предлагает свою версию ответа, не всегда даже полный ответ, а только мотив, идею,

«защепку», при этом, как правило, не будучи уверенным в том, что его версия имеет смысл. Из множества таких гипотетических мотивов рождается коллективное решение проблемы. Важно, что каждая реплика, независимо от того, насколько она приближает к решению проблемы, подчинена принципу кооперации, так как вносит вклад в создание поля взаимодействия эпистем и противодействует неконструктивному единомыслию (о критике единомыслия в функционировании социальных систем см. в работе: Mueller 2009: 72).

Коммуникативный тип [X не знает о Z – Y не знает о Z] по-своему реализуется также в обязующих, директивных речевых действиях. Во-первых, проблема знания/незнания в этом случае, в принципе, не релевантна – по существу мы имеем дело с ситуациями типа [не важно, знает или не знает X о Z – не важно, знает или не знает Y о Z]. Во-вторых, директивные речевые акты (в большей или меньшей степени) связаны с модальностью неуверенности. Наиболее характерным примером является просьба: с одной стороны, просящий предполагает, что адресат способен выполнить просьбу, иначе обращение к нему не имело бы смысла; с другой же стороны, адресат свободен в том, как следует отреагировать на просьбу – выполнить ее или отказаться. Поэтому в каждой просьбе, а даже и в повелении, приказе заключена возможность: говорящий не знает, будет ли выполнена просьба – в силу объективных или субъективных обстоятельств, подобным образом и адресат не имеет абсолютной уверенности в этом, по крайней мере принимая во внимание возможное «сопротивление»

внешних условий. Поэтому известен подтип «мягких просьб», в которых семантика возможности выдвигается на первый план:

Может быть, вы бы чего-нибудь съели, Афанасий Иванович? (Н. Гоголь).

– Уж ты бы как-нибудь с ними помягче (Б. Екимов).

Может быть, вы скажете мне, как его разыскать? (Е. Чеповецкий).

Но, может быть, вы скажете нам, кто изображен на этом рисунке? (Р. Штильмарк).

– Не хотите ли кофе? – спросил я, снимая паузу (Д. Гранин).

В предложениях этого рода употребляются глаголы в сослагательном наклонении, модальные слова и выражения, а также маркеры отрицательности, в первую очередь отрицательная частица *не*.

* * *

В заключение следует отметить, что категория знания в речевой коммуникации имеет основополагающий характер. Это выражается в том, что информационный обмен составляет предмет подавляющего большинства высказываний, а особенно – текстов. Семантическая информация составляет основу речевых действий: интерпретации и реакции социального, функционального, эмоционального и др. характера, как правило, основаны на полученных в процессе коммуникации репрезентациях положений дел (в одном из возможных миров). Все сказанное означает, что исследователи прагматики и стилистики должны посвящать больше внимания роли семантики в коммуникативном функционировании языка.

Литература

1. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Йотов Ц. Лингвистика одновременного говорения. – София: Изд-во ун-та имени Климента Охридского, 1991. – 198 с.
3. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37-89.
4. Супрун А. Е. О прагматической парадигме русского личного имени собственного // Russistik. – 1993. – № 2. – С. 43-53.

5. Awdiejew A., Habrajska G. Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej. 2. – Łask: Leksem, 2006. – 396 c.
6. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. – Berlin: E. Schmidt, 1985. – 150 c.
7. Kiklewicz A. Dominanta semantyczna jako czynnik rozumienia wypowiedzi i tekstu // *Język Polski*. – 2007. – LXXXVII/1. – С. 3-15.
8. Kiklewicz A. Притяжение языка. 2. Функциональная лингвистика. – Olsztyn: CBEW, 2008. – 384 c.
9. Kiklewicz A. Pragmatyka bez semantyki // *Język poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo*. Tom 1: aspekty lingwistyczno-semiotyczne. – Olsztyn: CBEW, 2011. – С. 25-70.
10. Kiklewicz A. О социально-культурном факторе функциональной семантики: проблемы речевой номинации // *Slavia Orientalis*. – 2012. – LXI/3. – С. 339-361.
11. Kiklewicz A. Semantyka a pragmatyka w dyskursie: dialektyka wzajemnych relacji // *Badanie i projektowanie komunikacji*. – Wrocław: IDiKS, 2013. – С. 227-252.
12. Ladorucki J. Od propagandy czytelnictwa do budowania społeczeństwa informacyjnego // *Ludzie i książki. Studia i szkice bibliograficzno-biograficzne*. – Łódź: UŁ, 2011. – 203-211.
13. Lem S. Filozofia przypadku. Literatura wobec empirii. – Warszawa: Agora, 2010. – 604 c.
14. Mueller D. C. Public choice III. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 768 c.
15. Nęcki Z. Komunikacja międzyludzka. – Kraków, Kluczbork: Antykwa, 2000. – 256 c.
16. Searle J. What is a speech act? // *Philosophy in America*. – London: Allen & Unwin, 1965. – С. 221-239.
17. Searle J. A Classification of Illocutionary Acts // *Language in Society*. – 1976. – Vol. 5. – С. 1-23.

Dorota Brzozowska
(Opole University, Poland)

CHINESE IN THE POLISH PUBLIC SPACE

The aim of this paper is to depict the linguistic contact between the East and the West on the example of the Chinese language, which has recently been more and more obviously present in the Polish social space, in particular in the names given to the restaurants and take-aways specializing in Chinese food.

Key words: stylistics, intercultural communication, semiotics, onomastics.

Дорота Бжозовска
(Опольский университет, Польша)

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В ПОЛЬСКОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цель данной работы – показать языковое взаимодействие между Востоком и Западом на примере китайского языка, который в последнее время все более явно присутствует в польском социальном пространстве, в частности в названиях ресторанов китайской кухни.

Ключевые слова: стилистика, межкультурная коммуникация, семиотика, ономастика.

The changing social, political and economic situation both in Europe and in the world is connected, among other things, with people's mobility and a shift of the world's financial centre far to the East. Consequently, contacts between representatives of various cultures become intensified, and the importance of inter-cultural communication – not only theoretical, but first of all practical – increases significantly. These trends also become apparent in Poland, which is relatively monolithic with regard to culture. This article's objective is an attempt to depict the problems concerning the contact between the East and the West, and to monitor the linguistic consequences resulting from such freedom of transfer and the meeting of representatives of historically different cultures. I assume that the questions concerning the present and the future of stylistics must also tackle deliberations on new languages, new styles and new ways of thinking, which are more and more noticeable in our local communication space.

In the Pole's linguistic picture of the world, there are strong tendencies to differentiate between the concepts of Europe and those of Asia (cf. the works of the Bartmiński-Chlebda team on EUROJOS – the European picture of the world). This problem is dealt with in research (concerning, for instance, stereotypes or borrowings) because of its importance in view of Poland's geographical location and the historical determinants for Poland's past but long-lasting status as a cultural melting pot. The peoples and traditions of the East and the West, as well as elements of the Orient, were mingled in this territory. As this is a multi-aspect and complex phenomenon, I would like to focus only on its latest trends concerning the so-called awakened Asian tigers. I am particularly interested in one of them – China, which has recently been more and more obviously present in the social space, and, consequently, also in the Poles' mental space. There are numerous reasons for that, one of them being the expansion of products "Made in China" to the global – and thus also the Polish – markets; another one being the more and more frequent presence, including the actual physical presence, of that huge country's representatives in the business, culinary or

academic spheres. It is partially connected with the intensification of cultural exchange in the academic and tourist areas, but also with the intentional policy of the Confucius Institutes, whose offices are located in many Polish cities (Warszawa, Opole, Poznań, Kraków, Wrocław). The significant influence of the media cannot be disregarded, either – news from that part of the world is more and more frequently broadcast. The power of the Chinese cinematography, ever more noticeable on the world's screens and reviewed in Polish cinema magazines and in film critics' publications (e.g. "Kino [Cinema]"), is also of some importance in this respect.

Interest in China is manifested in subject matters present in the press, on the radio and TV, but also in numerous translations of literary works written by the Chinese from the People's Republic of China, Hong-Kong, Taiwan, but also by the Americans, the French and the representatives of other nationalities making references to their Chinese origins. There are many examples of translations of literature written by foreigners fascinated with China. Thus in the publishing market there is a full spectrum of styles and genres dealing with China: high and low literature, poetry and prose, reportage, guide books, travel books, adventure books, detective stories, historical novels, contemporary novels, both fictional and biographical, just to mention some of them. The popularity of Chinese literature among Polish readers undoubtedly grew after the Nobel Prize in literature was awarded to Gao Xingjian (*Soul Mountain*) in 2000 and to Mo Yan (*Big Breasts and Wide Hips*, 2007, *The Republic of Wine*, 2006, *Red Sorghum Clan*, 2013) in 2012, and after the film adaptations of novels, such as *Red Sorghum*, *Raise the Red Lantern*, *Balzac and the Little Chinese Seamstress*, and many more.

Fascination with Feng Shui, Chinese holistic medicine and the traditional five elements kitchen has triggered the publication of many various books on home furnishing and interior design based on the old Chinese principles, as well as cook books giving hints about how to tastefully cook Oriental food available in Polish stores and frequently occupying several separate shelves.

The influx of elements culturally related to China into the Polish language is reflected in the more frequent use of such words as *China*, *Chinese*, *the Chinese* and collocations connected with them, as well as the names of terms and artefacts associated with China. It is also often connected with the appearance of borrowings from the Chinese language and the presence of proper names, frequently transcribed by means of *Hanyu pinyin*, the official phonetic system for transcribing the standard Mandarin language (*putonghua*), which is also the official language in China, into the Latin alphabet. This is, for instance, the case in publications which provide the original titles of films; cf. the monthly magazine “Kino [Cinema]”, or in translated novels (Han Shaogong 2009). The original transcription of Chinese characters is also more and more frequent in dictionaries, linguistic materials, calligraphy handbooks, but also in publications dealing with Chinese matters (Zee 2008). In particular, Chinese characters can be noticed on beaches in the summer and at indoor swimming pools in the winter as it is fashionable to have one's body tattooed with Chinese words.

Names of restaurants and entities conducting gastronomic activity as names of social institutions – firms (from Latin *firmos* ‘strong’), production and service enterprises are usually included in the group of chrematonyms, even though some scholars think that the names of cafés and restaurants may be considered to be toponyms (Duszyński 2011: 169) or urbonyms, because they become a permanent element of the neighbourhood (Świtała-Cheda 2011: 473). Scholars are in favour either of a broad (Gałkowski 2001) or narrow (Mańczak 2011) understanding of chrematonyms or proper names in general. In the latter case, one of the criteria can be translatability and an assumption that “the difference between proper names and appellatives consists in the general translatability of appellatives from one language to another, while proper names are in principle not translated (Mańczak 2011: 326). The maximalist scope of chrematonymy comprises all inanimate realities connected with human activity, while the minimalist one – the names of objects of material culture, or

physically real objects serving man (Świtała-Cheda 2011: 470).

The term *chrematonym* derives from Greek *chrema*, *chrematos*, meaning ‘a thing, a useful and necessary object, a commodity’, but also ‘a work, deed, activity, matter, event, enterprise’ (Gałkowski 2011: 185). Chrematonyms functioning in a cultural environment frequently encode information of the named reality in a persuasive manner (2011: 186). From the lexical and formal perspective, they may be synthetic – typical for marketing chrematonymy – or analytical – typical for community, ideational chrematonymy, medionymy and ideonymy.

An integral part of some chrematonyms is the so-called firmonyms, also referred to as logonyms or macronyms – being a symbol or a brand of a firm. Firmonyms in the field of gastronomy are placed on boards near to entrances to restaurants or in windows as short versions of restaurant names. They are usually short and easy to remember and to pronounce (Biolik 2011: 60). In onomastic literature expressions like “Gastronomy Services” are considered to be descriptions – as names of economic entities they do not constitute an integral part of a name. A definite description means listing the characteristics of a single object which make it possible to distinguish it from other objects in the world. Multicomponent chrematonyms may be composed of several components: a firmonym, a descriptive name of such firm and an anthroponymic compound (Biolik 2011: 60).

Two main types of chrematonyms being names of restaurants have been distinguished – those deprived of anthroponyms and those containing information about the owner or owners. The former make up five structural models, while the latter – six models. The most elaborate ones have the following form: Firmonym + description + place (object) + anthroponym + firmonym. Chrematonyms with anthroponyms are more productive than those which do not contain proper names in Warmia and Masuria (Biolik 2011: 77), but they do not occur in Belarus, which is probably caused by the nationalization of firms in the Soviet Union (Duszyński 2011: 176). Apart from that, however, they do share some common

onomastic tendencies with Polish, Russian and Bulgarian chrematonyms – including the use of common names (appellatives) from western European languages, which are supposed to give the firm certain prestige.

Among the Belarusian chrematonyms, those created as a result of transonimization and onimization have been distinguished. In the former type, names deriving from the names of towns, villages and regions as well as water names and female names constitute a numerous group. Among the names deriving from appellatives, the most frequently occurring words are those related to the gastronomic branch, hospitality and the 'hearth and home', as well as names deriving from the names of atmospheric and natural phenomena, minerals and names of plants (Duszyński 2011: 176). There are also many names highlighting the national character of the cuisine, including the Chinese cuisine (Duszyński 2011: 172) and foreign names – Italian, English, Romani, French and Spanish (Duszyński 2011: 175).

In Chinese culture the relation between the name and the named was considered to be real, and hence naming was and still is very important. The Chinese language practically has no group of words which exclusively refer to proper names; names are created accordingly to requirements as semantically justified lexical units (Kałużyńska 2011: 235). The preferable brands are those which: 1) have short names, 2) have names written by means of frequently used signs, which facilitates reading and understanding the content by a wider audience – the Chinese-speaking consumers assess the brand value mainly on the basis of its graphics (*visual mental code*), while the English-speaking consumers – on the basis of its sound (*phonetic mental code*), 3) have syllable tones following an appropriate sequence, 4) should have positive connotations, preferably having the form of predictions promising both the firm and the consumers prosperity (Kałużyńska 2011: 237).

Analysing the official pages with company names and addresses (the so-called yellow pages) and searching for such words as *the Chinese, Chinese, China*, one finds that the presence of cultural elements related to China can be noticed especially in the culinary arts. Of the 359 occurrences of these words, the

majority refer to restaurants and the Chinese cuisine; the other, not so numerous, companies are connected with natural medicine and language. There are also many single occurrences connected with various areas of life (Cf. Tab. 1). Since the former group clearly indicates the appearance of new culturally foreign elements in the visual public space and their simultaneous attempts to domesticate this space and to integrate with it, I intend to take a closer look at this very group of names. In total, the collected research material comprises 146 names of Chinese restaurants, of which 34 are English, 55 Oriental, 32 Polish and 25 mixed names.

The Polish and English names refer to similar semantic fields associated with China: *Dragon, Chinese Dragon, Golden Dragon / Chiński Smok, Złoty Smok, Żółty Smok, Jama Złotego Smoka, Czerwony Smok; Bamboo Box/ Bambus; Mandaryn/ Mandarin*.

Names that are present in one language only: *Cesarski Pałac, Chiński Pałac, Wielki Mur, Zakazane Miasto, Chińczyk, Mała Chinka*, names referring to animals (zoonymes): *Great Panda, Phenix, Złota Kaczka, Złoty Żuraw*. In this group, what attracts the researcher's attention is the use of such terms as *dragon, yellow, golden* in both languages, and *red, palace, duck* in the Polish names.

The names of restaurants frequently indicate an entire region from which the food originates or the method of its preparation, e.g. *Azja, Smaki Azji, Orientalna, Orient Express, Orient*.

The names which refer to actual places on the map (toponyms) appear in all linguistic groups; the names most frequently used are *Shanghai*, also transcribed as *Shang-Hai, Shanghaj, Szanghaj* or *Nowy Shanghai*, and also *Canton, Kanton; Hong Kong*. A hydronym can be found here as well: *Mekong* (a river in south-eastern Asia).

The other names appearing in several transcription versions include *A-Dong, A Dong; Bei Jing, Beijing, Pekin; Chinatown, China Town; Ha-Noi, Hanoi; Mandarin, Mandaryn; Lotos, Lotus*.

The names containing the word *Chinese* or *chiński* and their cognates: *China Town* (very frequently used), *Chinese Food, American*

Chinese Food, China Gastro, China Park, Chinese Dragon, China Xpress, Lee's Chinese / Chińczyk, Chiński Pałac, Chiński Smok, Chińskie Jadło, Mała Chinka, Świat Chin, MC Chińczyk.

In this group, the words referring to the names of other restaurant networks, e.g. *McDonalds, Chłopskie Jadło* or *Polskie Jadło*, are of special interest. Juxtapositions of names connected with various cultural circles, e.g. the English *Mc* or the rustic, slightly archaic and familiar *jadło*, with the word *Chińczyk* or *chińskie* have a comic effect, which is probably aimed at attracting the potential customer's attention and bringing associations with either the American or the Polish cuisine.

Mandarin words can be obviously found also among these names: *Feng* (wind), *Piao* (pretty), *Yang Guang* (sunlight), *Zhong Hua* (China).

There are also many names implying the Vietnamese provenance of a restaurant: *Bien-Dong* (Eastern sea), *Dong Do* (Eastern capital), *Dong Hung* (a region in Vietnam), *Dong Xuan* (a market square in Vietnam), *Sai-Gon*.

The Thai cuisine is represented by *Thai-Thai, Thai Le Hoang, Krua Thai Bistro, Tajskie Smaki*.

The Korean cuisine is referred to in *Kim Long, Kim-Lan, Kim-Long, Kim-Qang*, while the Japanese cuisine is implied in *Sushi, Tokyo Sushi, Izumi Sushi, Sake, Sake Le Anh, Geisha, Akasaka* (a suburb in Tokyo).

There are also references to the popular pot or pan in which oriental meals are cooked: *Hot Wok, Wok Away, City-Wok, Wook, Ognisty Wok*.

The hybrid names combining various linguistic elements indicate the eclectic character of the restaurants: *Ohh Sushi! and Grill Seoul, Lam-Hong-Nowa, Pan Wu, Momo Smak, Tres-Seven, U Jimmiego, Woo To Go, Chinese food, Suntex, Vietpol-Kanton, Win Pol*.

There are also some names that are not necessarily directly related to the Orient: *Jaśmin, Azalia, Maja, Melon, Słońce*.

The above review of names given to places referred to as Chinese restaurants shows that they are extremely diversified, often borrowed from the English language, and they originate from different regions in Asia. Similar names bringing the most stereotypical associations connected with China appear both in the Polish and the English language versions. Moreover, the group of hybrid names is quite numerous. Some names appear in several language versions. Chinese restaurant names in the Polish public sphere belong to the general trends present also in the nomenclature occurring in other countries. Linguistic elements of Asian origin enter the previously rather monolithic sign space, adding colour to various aspects of life and constituting a considerable challenge for the stylistics of the future.

Annex

Tab. 1.

Data concerning China appearing in *Polskie Książki Telefoniczne* [Yellow Pages]

Key words	Collocations
a Chinese	a good Chinese, a Chinese delivers
Chinese food	Chinese food delivery, deliveries of Chinese food
Chinese	(Polish-) Chinese restaurant, Chinese noodles, Chinese pizza, Chinese soup
Names associated with mentioned categories	crab soup, chicken pie, cellophane noodles, rice and shrimp (chicken/ pork/ beef) fry chicken balls, spring rolls, Asian cuisine, Oriental (traditional/ modern) restaurant

Altogether there are in 102 such enterprises identified by their addresses. Most of them are located in large cities: Warszawa (57), Kraków (21); 62 of them are established in small towns.

Categories	Branches with largest number of representatives	In total 359 occurrences, of which
The culinary arts	Restaurants (242), including Chinese cuisine (233); Bars (19), Catering (13), Pizza bars (7), Pancake bars (2) Confectionery – production, wholesale (1) Foodstuffs – production, wholesale (1)	176
Language	Translators (10), Sworn translators (5), Foreign languages – learning (7), Foreign language schools (1), Book stores (1)	24
Medicine, health	Natural medicine (6), Cosmetics – services (5), Massage – services (5), Physiotherapy (2), Cosmetic products – retail sale (1) Training courses, medical courses (4), SPA (1)	24

Bibliography

1. Bartmiński J., Chlebda W. Problem konceptu bazowego i jego profilowania – na przykładzie polskiego stereotypu EUROPY // *Etnolingwistyka* 25, 2013.
2. Biolik M. Modele strukturalne nazw własnych przedsiębiorstw i lokali branży gastronomicznej w województwie warmińsko-mazurskim // *Chrematonimia jako fenomen współczesności*, eds. M. Biolik, J. Duma. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011. – P. 59-78.
3. Chlebda W. W stronę językowego obrazu Europy. Analiza słownikowo-tekstowa // *Etnolingwistyka* 22, 2010. – P. 85-104.
4. Duszyński H. Nazwy białoruskich kawiarni, restauracji i barów // *Chrematonimia jako fenomen współczesności*, ed. Maria Biolik, Jerzy Duma. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011. – P. 169-178.
5. Gałkowski A. Chrematonomastyka jako autonomizująca się subdyscyplina nauk onomastycznych // *Chrematonimia jako fenomen współczesności*, eds. M. Biolik, J. Duma. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011. – P. 181-194.
6. Kałużńska I. Z zagadnień chrematonimii chińskiej // *Chrematonimia jako fenomen współczesności*, eds. M. Biolik, J. Duma. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011. – P. 235-242.
7. Kosyl C. *Chrematonimia* // J. Barmiński ed. *Współczesny język polski*. – Lublin, 2001. – P. 447-452.
8. Mańczak W. Czy wszystkie chrematonimy są nazwami własnymi? // *Chrematonimia jako fenomen współczesności*, eds. M. Biolik, J. Duma. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011. – P. 325-330.
9. Mazurowska K. Kulturowe uwarunkowania zachowań współczesnych Chińczyków. O godności, szacunku, honorze, czyli zasadzie zachowania twarzy // *Chiny i Japonia. Dylematy mocarstw w Azji Wschodniej*, eds. D. Mierzejewski, M. Pietrasiak, 2009. – P. 79-96.
10. *Polskie Książki Telefoniczne*. Baza firm, adresy, numery telefonów. URL: <http://www.pkt.pl>, 15.01.2014.

11. Świtała-Cheda M. W sprawie terminologii nazw firm i ich miejsca w chrematonimii // Chrematonimia jako fenomen współczesności, eds. M. Biolik, J. Duma. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011.– P. 469-476.
12. Zeidler K. Aforyzm chiński jako wypowiedz normatywna // Gdańskie Studia Azji Wschodniej 2, 2012. – P. 7-12.

МЕДИАСТИЛИСТИКА

- ◆ Лингвоэтика
- ◆ Медиацентризм современной культуры
- ◆ Этические нормы и их роль в дискурсе СМИ
- ◆ Диминутивы и аугментативы в СМИ

“

Татьяна Ивановна Сурикова:

«...человек говорящий как основное действующее лицо коммуникации проявляет себя по-разному и в оценке этических норм, и в целеустановке следовать им или игнорировать, и даже в эмоциях, которые порой настолько конфликтуют с разумом, что незаметно для самих коммуникантов уводят в сторону, противоположную цели».

«...прав в СМИ оказывается не тот, кто прав, а тот, кто выиграл информационную войну; основной темой дня оказывается не важное событие, а удобный повод заявить о себе или необходимость не отстать от конкурентов».

Арно Вонш:

«...в восприятии пространственных и географических размеров, масштабов и измерений выявляется существенная австро-русская разница, которую лишь беглым взглядом на карту мира легко можно объяснить».

«...употребление уменьшительных форм в русско-австрийском/немецком контексте является, как и можно было ожидать, спецификой русского языка, что находит свое выражение и в языке русско-и немецкоязычных газет и онлайн-порталов, выходящих на территории Республики Австрии».

”

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ И НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья рассматривает лингвистическую этику и как целостную регулирующую коммуникацию семиотическую систему, и одновременно как традиционное и новое направление лингвистических исследований. Отдельно анализируются эксплицитные и имплицитные формы представления этических знаний. С точки зрения функциональных особенностей, возможностей и ограничений сопоставлены вербальные формы этики – профессиональная и наивная.

Ключевые слова: лингвистическая этика, дискурс СМИ, медиацентризм современной культуры, наивная этика, профессиональная этика, эксплицитное и имплицитное выражение этических норм.

Tatiana I. Surikova

(Lomonosov Moscow State University)

LINGUISTIC ETHICS AS AN EVALUATION CRITERION OF VERBAL ACTIVITIES IN THE MASS MEDIA DISCOURSE AND THE LINE OF RESEARCH

The article treats the linguistic ethics, both as an integral semiotic system, which regulates communication, and at the same time, as a traditional and new trend of the linguistic research. Separately, it analyses explicit and implicit forms of presentation of the ethical knowledge. From the point of view of functional features, possibilities and limitations, the verbal forms of ethics, – professional and naïve, – have been compared.

Key words: linguistic ethics, mass media discourse, media centralism of modern culture, naïve ethics, professional ethics, explicit and implicit expression of ethical norms.

Этика как система представлений общества о том, что можно и что нельзя, о том, что есть и что должно быть, т. е. должном и сущем, регулирует дискурс СМИ всегда, везде и всюду. Причем это не зависит даже от того, каково отношение коммуникантов к конкретной речевой ситуации и вообще осознанно ли этически их речевое поведение.

Язык становится предметом этических исследований и как коммуникативная деятельность (скажем, с точки зрения соблюдения этических норм), и как средство сохранения и передачи от поколения к поколению ценностей культуры и цивилизации, поскольку фиксирует этические представления социума и регулирует этот аспект речевой деятельности. Но осуществляет это в разных семиотических формах и в разное время различно.

Да и человек говорящий как основное действующее лицо коммуникации проявляет себя по-разному и в оценке этических норм, и в целеустановке следовать им или игнорировать, и даже в эмоциях, которые порой настолько конфликтуют с разумом, что незаметно для самих коммуникантов уводят в сторону, противоположную цели (Сурикова 2013).

Зачем этике определение «лингвистическая»?

Последние 10-15 лет лингвистические аспекты этического регулирования массовой коммуникации – одна из насущных тем в исследованиях СМИ. С одной стороны, это ответ исследователей на веяния времени. Любые крутые общественные перемены неизбежно ослабляют влияние этики как части национальной культуры. Внедряется новая система ценностей, и само время бросает этические вызовы. Скажем, в штатном расписании (!) одного из популярных массовых изданий появляется должность *скандальный корреспондент*, естественно, его профессиональным кредо становится циничное игнорирование традиционных ценностей в выборе слов и выражений, как и предписывает ему должность (Сурикова 2013б).

А многие традиционные представления о должном сознательно или бессознательно

но игнорируются. Это принимают далеко не все и не всегда, что и отражено в основной массе исследований, посвященных многочисленным этическим нарушениям в языке СМИ преимущественно постсоветского периода (Н. Д. Бессарабова, В. И. Карасик, Русская речь..., Е. И. Шейгал), в их числе ложь, грубость, пошлость, цинизм, демагогия, травестировка национальных культурных ценностей, манипулирование адресатом СМИ, речевая агрессия... Список можно продолжить.

Но есть и научные причины для формирования и, главное, для расширения проблематики этических исследований языка массмедиа. Это этическая рефлексия, которая пронизывает лингвистические наблюдения и классификации самых разных направлений (А. В. Санников). Это развитие медиалингвистики и медиастилистики, которые дают представление о процессах распространения информации посредством СМИ (Т. Г. Добросклонская). Это и развитие смежных направлений: юрлингвистики, лингвоэкологии, лингвоэмотивистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии (Н. Д. Арутюнова, А. Г. Балакай, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Лингвокультурный концепт..., Ю. С. Степанов, А. В. Санников, Логический анализ...), лингвосемиотики (Е. И. Шейгал), которые, с одной стороны, дают лингвистический инструментарий и идеи, расширяя тематику этических исследований языка СМИ, а с другой – очерчивают их границы.

Так, юридическая терминология и нормотворчество – предмет юрлингвистики, а вот неизбежная этическая оценка такого творчества – это уже область лингвистической этики. Всего один пример на эту тему: закон ельцинских времен, в котором было введено понятие *возраст согласия* (нижняя возрастная граница добровольного вступления в половую связь), допуская безнаказанное растление подростков начиная с 14 лет, сами депутаты, вынужденные его обсуждать и принимать, прозвали *педофильским*.

Язык – основной знаковый субстрат мысли, в том числе и этической. Соответственно он в картине мира – и в научной,

и в наивной, т. е. языковой, – отражает представление общества, его групп и отдельных представителей о должном и сущем, когнитивные конфликты, неизбежно возникающие в связи с утверждением новой идеологии и системы ценностей.

В дискурсе все эти явления вербализуются в поведении коммуникантов в разных формах. Например, высказывания типа: *Раньше (в СССР – Т.С.) говорили: «Бога нет – все можно», теперь говорят: «Бог есть – все можно»* (телепередача «Русский взгляд», 2009)¹ – свидетельствуют о когнитивном конфликте этической природы. А терминологизация сочетаний типа *образовательные/ медицинские услуги вместо лечение, обучение и воспитание, потребители медицинских услуг вместо больные, пациенты, производство сирот, индустрия усыновления* (даже в негативном контексте) и под. – языковой отпечаток внедрения иной системы приоритетов, в которой человек становится то одним, то другим звеном цепи *товар – потребитель*.

О том же свидетельствует и контекстное (пока не языковое) размывание семантики этических понятий. Скажем, в понимании гламурного женского глянца *достойный мужчина* – это *богатенький*; если вспомнить сказку Г. Х. Андерсена «Дюймовочка», *состоятельный крот, интеллект* – это способность к месту и с практической пользой воспроизвести заученную расхожую цитату, а *счастье* – это результат удачной охоты на достойного мужчину, т. е. наличие спонсора.

Этика как система ценностей, образно говоря, сначала из *Homo Erectus* сотворившая *Homo Sapiens*, а теперь препятствующая его возвращению в исходное состояние, проявляет себя в языке повсеместно. Пожалуй, только один системный уровень – фонетика – свободен от ее влияния, и только потому, что не является смыслопорождающим. Все остальные семиотические явления: единицы языкового сознания

¹ Все примеры взяты из печатных и электронных СМИ и их сетевых версий за 1994-2014 гг. Отдельные ссылки на источники мы будем давать только тогда, когда это существенно для понимания проблемы и когда они обширные.

и картины мира (Сурикова 2011), система языка, вербальная коммуникация и как система, и как процесс (речевая деятельность), в центре которой человек со своими интересами (общими, групповыми, индивидуальными), интенциями, способами их реализации (речевыми стратегиями и тактиками) и представлениями о должном (общепринятыми или своеобразными), – отмечены этически.

Вербальная семиотика этической мысли – это айсберг, надводная часть которого – это собственно язык должного, деонтологии. С одной стороны, это терминосистема и нормативная база (предписания, запреты, рестрикции) философской и профессиональной этики. Основные свойства ее – стремление к абсолютной эксплицированности, ясности, однозначной соотнесенности с референтом; функциональная ограниченность научным, учебным и деловым дискурсами. Этот язык – сознательно от-рефлексируемая специалистами (заинтересованными лицами) часть преставлений о должном.

С другой стороны, это язык наивной этики (здорового смысла) как части культурного кода (Красных 1981: 297-298, 308), которая ориентирует сознание, членит и категоризирует действительность в языковой картине мира и языке. Семиотика наивной этики принципиально отличается от семиотики научной этики.

1) Наивная этика представлена иным набором единиц с иными свойствами:

- концептосферой (*истина, правда, ложь, милосердие*), прецедентной базой (*Иуда*), стереотипами языкового сознания; единицами всех уровней языка – не только лексикой, фразеологией, паремиологией, афористикой;
- словообразованием (*объегорили, обгайдали, обмайданили, сердюковщина, евсюки*, т. е. силовики-иуды, – по имени майора Евсюкова, который в пьяном виде устроил стрельбу в супермаркете, *псакинг* – глупость и некомпетентность представителей власти (по имени пресс-секретаря Госдепа США Д. Псаки, которая озвучивала позицию США по вопросам присоединения

Крыма к России и гражданской войны между Украиной и Донецкой и Луганской народными республиками);

- грамматикой: например, этически мотивированы некоторые особенности сочетаемости личных местоимений (Сурикова 2011);
- стилистикой, системной организацией коммуникации, речевым поведением во всех формах: говорением, слушанием, молчанием (*в доме повешенного не говорят о веревке*);

2) наивная этика руководит процессами концептуализации и вовлекает в область этической оценки смежные сферы: политику (Гусейнов 2004), гендер, общественную жизнь, культуру, и сложно назвать социальные явления, свободные от ее влияния. И здесь, если продолжить метафору айсберга, начинается его подводная часть – то, что вербально не представляет собственно должного, но оценивается с его позиций;

3) наивная этика представлена не только и, наверное, не столько эксплицитно, но и имплицитно: в пресуппозициях (*нет правды на Земле, но правды нет и выше – П.*) и коннотациях языковых единиц с возможным переходом на денотативный уровень при образовании переносных значений (*мужчина – 1. взрослый представитель мужского пола; 2. человек, обладающий социально-этическими качествами мужчины, чиновник – 1. государственный служащий, 2. бюрократ, которого дело и люди не интересуют*), в синонимии (у лексемы *чиновник* есть синонимы только у ЛСВ 2, среди них *канцелярская крыса, крапивное семя, социальный паразит* – последнее из языковых новаций XXI века); в словообразовании (*пиар – пиарить*); развитии сочетаемости (*мужественная женщина*); в развитии и трансформации фразеологии (*по уши в ЕГЭ*).

Причем научная и наивная этика далеко не всегда в отношениях гармонии. Положительные свойства языка науки и деловой сферы (этического профессионального регулирования) имеют частые побочные отрицательные следствия: 1) отставание от жизни: нередко этическая профессиональная норма формулируется тогда, когда эти-

ческая проблема (например, злоупотребление прозвищами, аббревиатурами, речевая агрессия) уже приобрела гротескные формы; 2) несовпадение с представлениями здравого смысла и даже противоречие им. Так, в наше время понятие *политкорректность*, как гипертрофированная профессиональная форма *корректности, вежливости*, становится источником навешивания ярлыков и манипулирования: достаточно обвинения в *неполиткорректности* (Сурикова 2007), если кому-то что-то не понравилось, а в 1960-х ярлыком было понятие *пошлость* в формуле *Осторожно: пошлость!*, и все, что не соответствовало господствовавшей идеологии, клеймилось ею.

Перечисленное не претендует на полноценную картину отражения этической мысли в семиотике языка, но, надеемся, обосновывает идею того, что этика – это не только философия, профессиональная мораль, но и лингвистика на разных уровнях и в разных проявлениях, которая подчас поправляет философию и предмет которой не ограничивается констатацией этических пороков современного словоупотребления.

Какова связь между лингвистической этикой, СМИ и медиастилистикой?

Современная культура медиациентрична (И. В. Кондаков) в силу того, что СМИ стали основным информационным институтом общества. Они формируют публицистическую картину мира (Г. Я. Солганик), фрагментарную и пеструю, но служащую для большинства источником представлений о действительности. Часто неадекватных, так как сам процесс фильтрации, представления и циркулирования информации (Т. Г. Добросклонская) дает объективную почву для ее искажения.

Так, прав в СМИ оказывается не тот, кто прав, а тот, кто выиграл информационную войну; основной темой дня оказывается не важное событие, а удобный повод заявить о себе или необходимость не отстать от конкурентов. В частности, если верить информационной картине СМИ, то с 23 по 27 марта 2013 г. СМИ не о чем было рассказывать, кроме подробностей смерти опально-го олигарха Б. А. Березовского. Но о таких

эффектах циркулирования информации в СМИ не раз писали.

Обратим внимание еще на один лингвотический аспект намеренного технологического искажения действительности в картине мира, рисуемой СМИ. Это **коммерческое редактирование**, которое преследует цель не столько адекватно информировать, сколько привести читателя в состояние шока. О редакторских добавках к основной части авторского текста говорить не будем, поскольку это требует сопоставления исходного и окончательного вариантов, обратим внимание на оформление его рамочных элементов и включение текста в контекст издания. Обращает внимание неправомерное обобщение, когда единичное рисуется как массовое (*В Москве **выбрасывают** из окон младенцев*), неправомерное преувеличение и эпатаж (заголовок: ***Раскулачивание** коммуналки*, подзаголовок: *Чиновники считают, что лишь государству под силу **остановить** рост тарифов ЖКХ*); искажение действительности в семантической структуре высказывания (анонс: ***Борцы с хиджабами** надеются на казаков. Ношение платков суд Ставрополя признал незаконным*, заголовок текста: *Ставропольская **Фемида сняла хиджаб***), эскалация вражды, насилия даже там, где их нет (анонс: *Миллер ждет от китайцев аванса. «Газпром» намерен решить вопрос с поставками в КНР в июне*, заголовок: *«Газпрому» не терпится **пустить газ китайцам***), наконец, мы не можем без вкусенького (заголовок: *Каждому пассажиру – по мягкому месту, каждому хорошему актеру – по кабинету*). Все примеры, кроме первого и последнего, взяты из одного номера одной не самой желтой газеты. Кстати, «самую важную» на тот момент тему смерти Б. А. Березовского издание повторило дважды, сверстав текст с заголовком: *Борис Березовский не дождался прощения на двух полосах* (Независимая газета. 25.03.13).

Зависит ли этическая норма от семиотики дискурса СМИ?

Семиотика языка и коммуникации существенно влияет на понимание того, что можно/нельзя; прилично/неприлично.

И тут наивная этика уточняет и научную, и профессиональную. Существенны по крайней мере следующие параметры:

1) Граница этически приемлемого зависит от **типа коммуникации: массовой / межличностной**. И многие этические проблемы языка современных СМИ, на наш взгляд, связаны с тем, что то, что было всегда в межличностной коммуникации и не вызывало этических коллизий, поскольку жестко ограничивалось полом, возрастом, отношениями коммуникантов, прорвалось в публичную, не ограниченную ничем. Такова, в частности, манера осмысления действительности через призму социального, биологического и языкового дна: *американский президент из трех букв, в середине У* (для недогадливых: Дж. Буш), *политдефлорация, «Фаберже» опять взялся за яйца* (возобновилось производство пасхальных ювелирных яиц), *анекдоты на букву Г...* И дело не в каждом отдельном примере, а в их массовости, которая в конечном счете формирует стереотипы восприятия языка СМИ.

А прорыв личного в публичное случился не только потому, что СМИ отразили все многообразие постсоветской жизни (*крышевание, наезды, распилы, на игле банковского обслуживания*), а массовые еще и «пожелтели». Это причины социальные. Но есть, на наш взгляд, и этическая: СМИ, маркированные как лживые предыдущим периодом истории, искали языковые маркеры своей правдивости. Нейтральный литературный язык, как средство повседневной коммуникации, предполагающей возможную ложь, для этого изначально не годится. Высокий регистр был дискредитирован словоупотреблением советского периода (Гусейнов 1989). Остался один – низкий – в качестве единственного пути, по которому СМИ и устремились. Низкое приобрело этическую коннотацию «не ложь», и она оказалась значимей других этических оценок, таких как «пошлость».

Для многих массовых СМИ взгляд на жизнь с точки зрения человеческого низа стал основным. И статья «Политическая проституция сменила пол» (МК. 16.03.13.) о не бескорыстной политической активно-

сти некоторых женщин-депутатов написана в обычном для МК ментально-языковом русле. Депутаты же мужчины, обвинившие газету в оскорблении депутатов-женщин, обиделись не на обвинение в продажности, что подразумевает метафора *проституция*, которая, кстати, зафиксирована в ряде современных толковых словарей без всяких стилистических помет в сочетаниях *политическая проституция* (пример в словаре – первый), *научная проституция* и в этом значении, находясь вне «сексуального» контекста, по сути оторвалась от фрейма «секс» (см. словарный пример: *унизить науку до проституции*). Депутаты обиделись на возвращение политической продажности в рамки фрейма «секс», когда деятельность, несовместимая с депутатским статусом, представлялась в его типичных ментальных моделях: *сменить пол, кто-то под кем-то, лечь под кого-то*. Но возвращение политической проституции в пределы обычной дало слугам народа повод интерпретировать текст для себя этически выгодно: раз *политическая проституция* пол сменила и обвиняют в ней депутатов-женщин, то они, мужчины, перед Родиной чисты и защищают честь слабого пола.

2) Граница этической приемлемости языка зависит от типа дискурса: **агонального/неагонального – и позиции говорящего: оппонент/пропонент**. Позиция оппонента в агональном дискурсе делает этически возможным то, что исключено для пропонента. Более того, просто меняет этическую маркировку языковых явлений. Возьмем типичное лозунговое обращение, получившее красноречивое название «хамское ты». В политическом дискурсе это прежде всего знак размежевания: *Ельцин! Ляг на рельсы!; Я тебя породил, я тебя и уйму!* (на фотографии из СМИ Б. А. Березовский, стоя, видимо, у своего дома в Лондоне, держит плакат с этим текстом, адресованным В. В. Путину). Но самое интересное, что то же «хамское ты» в речи пропонента – знак единения: *Заборы за Борю!; Путин, приди, порядок наведи!* (03.2014, Харьков, противники Евромайдана)

В агональном дискурсе иначе действуют и другие этические предписания.

Скажем, в нем как минимум наполовину (с позиции оппонентов) перестает действовать максима этического молчания *об умершем или хорошо, или никак*. И чем больше «любовь» народа к покойному, тем меньше у него шансов на милосердие соотечественников. Такова была информационная история внезапной смерти автора и главного исполнителя шоковой терапии 1990-х гг. первого премьер-министра России Е. Т. Гайдара. Причем оппоненты припомнили ему все, а пропоненты обвиняли их в неэтичном поведении и требовали соблюдать максиму этического молчания. Но у него сторонники хотя бы были и свою позицию обозначили. А вот у Б. А. Березовского пропонентов, видимо, не нашлось, и несколько дней СМИ вежливо унижали его в выражениях: *последний флибустьер, политический мигрант, Фауст Абрамович Березовский, бизнесмен Березовский, предприниматель Березовский, разорившийся олигарх Березовский*. Временно в языке СМИ были даже реанимированы прозвища *БАБ* и *Береза*. И высказывание журналиста и депутата А. Хинштейна: *Не хочется злословить после смерти, но примерно такой исход я Березовскому предрекал. Ни друзей, ни любви, ни профессии, ни денег. Ни Родины* – на таком фоне далеко не самое жесткое.

3) Граница этически допустимого зависит от **дискурсивной роли самих СМИ и говорящего** (Шейгал 2004: 59). Значима оппозиция *ретранслятор / комментатор*. Первая связана с цитированием, т. е. буквальная передача чужих устных или письменных высказываний, а шире – любых слов из чужого лексикона. Ретранслятор-журналист руководствуется правилом: «Мы-то с вами все понимаем, но из песни слов не выкинешь» – и цитирует что хочет и как хочет. И часто, чтобы подтвердить правильность не чужой мысли, а своей.

То же самое делают и СМИ в целом, выбирая цитирование для того, что сказали бы и от себя, но этика запрещает. Например, в одном из выпусков теленовостей репортер спрашивает случайного прохожего: *Вы слышали, что умер Березовский?* На что женщина отвечает: *Кто такой этот Бере-*

зовский, чтобы о нем столько говорить? Прости Господи, одним гадом стало меньше – и поворачивается спиной к камере. Что мешало не пускать в эфир этот эпизод?

Более того, сама трансляция этического молчания, соответствующего этическому предписанию, в СМИ равносильна негативно-оценочному речевому акту: *Лидер КПРФ Геннадий Зюганов не пожелал высказываться о Борисе Березовском: «О покойнике либо хорошо, либо ничего»*; протоиерей Андрей Кураев: *Березовский скончался в канун Торжества Православия. Есть желающие помолиться?*

Так что ...или никак в агональном дискурсе вряд ли возможно: даже если коммуниканты молчат, за них говорят СМИ.

4) Граница этически допустимого варьирует и в зависимости от **типа осмысления действительности: серьезного / карнавального, иронического**. Карнавализация, отрицающая норму в принципе, допускает то, что недопустимо, если человек серьезен. В СМИ она сводится к высмеиванию, стебу, иронии. К примеру, Б. Н. Ельцин перед началом реформ 1990-х годов, как известно, клялся положить голову на рельсы, если он допустит снижение уровня жизни народа. Что было дальше – всем известно, и за неисполнение клятвы первый президент

получил одно из своих прозвищ – *Рельцин*. А современный президент Украины П. А. Порошенко, ведущий гражданскую войну с Луганской и Донецкой народными республиками, – *Потрошенко*. Это карнавальная реакция аудитории, равносильная порицанию.

5) **Сочетание** некоторых семиотических признаков, например **семиотической роли цитирования с карнавальным осмыслением** действительности, отодвигает границу допустимого еще дальше. Прочитывать можно кого угодно и почти как угодно (тем более что наш политический истеблишмент дает богатый материал), и самому при этом оставаться иронизирующим наблюдателем: *Вот посмотрите на Аденауэра, канцлера Германии. Если штаны снять, то сзади видно, что Германия на две части разделена, а если спереди смотреть, то понятно, что Западная Германия никогда не поднимется. Н. С. Хрущев* (титры программы «Постскриптум», ТВЦ. 07.02.2010).

Не всегда этические оценки говорящих, слушающих и героев СМИ совпадают. Но семиотическая природа языка, здравый смысл, этический культурный код уточняют и дополняют профессиональную этику, причем себя более гибко, и нет ситуации вне их компетенции.

Литература

1. *Авраамов Д. С.* Профессиональная этика журналиста. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 224 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. *Балакай А. Г.* Фразеологическое значение в аспекте аккумулятивной функции языка (на материале фразеологических полей с типовым значением «совесть», «стыд», «честь» // Исследования по общей и дагестанской фразеологии. – Махачкала: Дагестан. ун-т им. В. И. Ленина, 1989. – С. 27-39.
4. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
5. *Бессарабова Н. Д.* Лингвоэтика, или Еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – №1. – С. 54-63.
6. *Бессарабова Н. Д.* Лингвоэтические проблемы речи современных СМИ и рекламы. Демагогия в языковом выражении // Журналистика и культура русской речи. – 2012. – №2. – С. 33-43.
7. *Бессарабова Н. Д.* Пошлость в языковом выражении // Журналистика и культура русской речи. – 2008. – №4. – С. 22-38.

8. Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 190 с.
9. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
10. Гусейнов А. А. Этика. – М.: Гардарики, 2004. – 472.
11. Гусейнов Г. Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. – 1989. – № 11. – С. 65-69.
12. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 278 с.
13. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
14. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
15. Кондаков И. В. От литературоцентризма – к медиацентризму. – URL : http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=566
16. Клушина Н. И. Адресант и адресат: диссонанс вместо гармонии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2004. – №1. – С. 79-84.
17. Клушина Н. И. Этические границы языковой игры // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – № 2. – С. 104-108.
18. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
19. Кон И. С. Словарь по этике. – М.: Политиздат, 1981. – 430 с.
20. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / под общ. ред. проф. С. Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
21. Правовые и этические нормы в журналистике / сост. Е. П. Прохоров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 232 с.
22. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
23. Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2007. – 272 с.
24. Санников А. В. Достоинство, гордость и самолюбие в русской наивной этике. – URL: sann@nm.ru
25. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – URL: http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=6
26. Сурикова Т. И. Журналисты, аудитория, власть: лингвоэтические аспекты взаимодействия // Язык СМИ и политика. – М.: Изд-во МГУ, Факультет журналистики МГУ, 2012. – С. 199-245.
27. Сурикова Т. И. Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. – М.: МедиаМир, 2007. – С. 133-185.
28. Сурикова Т. И. Языковая картина мира как отражение лингвоэтического регулирования политического дискурса // Journal of Scientific Publications: Language, Individual, Society. – 2010. – Т.5. – № 1.
29. Сурикова Т. И. Есть ли в политическом дискурсе милосердие и скромность? // Мысль. Текст. Стил. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 196-201.
30. Сурикова Т. И. Эмотивные компоненты этической рефлексии в коммуникации и языковой картине мира // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 2013а. – С. 260-274.
31. Сурикова Т. И. Контролируемое и неконтролируемое речевое поведение и его этические следствия, наивный цинизм // Русский язык и культура речи. – М.: Юрайт, 2013. – С. 206-209.
32. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. – 272 с.

33. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. – 238 с.
34. Шапошников В. Н. Русская речь в 1990-х: современная Россия в языковом отражении. – М.: МАЛП, 1998. – 242 с.
35. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.
36. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
37. Этика речевого поведения российского журналиста. – СПб: Астерион, 2009. – 270 с.
38. Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
39. Язык массовой и межличностной коммуникации. – М.: МедиаМир, 2006. – 574 с.
40. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ. 2003. – 458 с.
41. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч.2. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 416 с.
42. Логический анализ языка: языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

Арно Вонисш

(Университет имени Карла и Франца в Граце, Австрия)

ДИМИНУТИВЫ И АУГМЕНТАТИВЫ В АВСТРИЙСКИХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Настоящая статья посвящена одному стилистическому аспекту немецкоязычных и русскоязычных газет и журналов, выходящих на территории Республики Австрии, а именно способам употребления имен уменьшительных (т. е. диминутивов) и (в меньшем размере) увеличительных (аугментативов) в СМИ на немецком и русском языках.

Ключевые слова: СМИ, уменьшительные формы, увеличительные формы, немецкий язык, русский язык, Австрия.

Arno Wonisch

(University of Graz, Austria)

DIMINUTIVE AND AUGMENTATIVE IN AUSTRIAN MASS MEDIA IN GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGE

This article deals with one stylistic aspect in Austrian mass media in German and Russian language, namely the method of use of diminutives (to express smallness, intimacy, endearment) and augmentatives (to express greater/higher intensity).

Key words: mass media, diminutives, augmentatives, German language, Russian language, Austria.

Что касается немецкоязычных СМИ, в центре внимания находятся четыре общенациональные и самые распространенные ежедневные, еженедельные и ежемесячные печатные газеты, а также их онлайн-издания. В частности, рассматриваются газеты, относящиеся, по их собственному определению, к «качественной» прессе – «Der Standard» (Дер Стандарт; выходит с 1988 года), «Die Presse» (Ди Прессе; выходит с революционного в Европе 1848 года), «полукачественной» прессе – «Kurier» (Курир; выходит с 1945 года) и к таблоидам – «Kronen Zeitung» (Кронен Цайтунг, букв. / Коронная газета;/ выходит с 1900 года¹).

Когда речь идет об австрийских СМИ на русском языке, по нашим данным, в столице Вене для русскоязычного населения (которое вскоре достигнет отметки в 100 000 человек), а также для других частей Австрии выходит в печатном виде или в онлайн-изданиях по крайней мере 11 газет и журналов разного профиля, среди которых преобладает ориентация на общую инфор-

¹ Интересен (и одновременно печален) тот факт, что бульварная газета «Kronen Zeitung» в международном контексте является сравнительно самым читаемым мировым ежедневником (3 млн читателей при общем населении Австрии в 8,5 млн человек).

мацию об Австрии. Сюда относятся: «Новый Венский журнал» (в рамках портала «Вена по-русски»), печатающий материал о жизни в столице Австрии и об экономических темах, «Давай!» (в основном затрагивает общие темы об Австрии), «Русская Австрия / Russian Austria» (дает в основном туристические и экономические сведения), «Привет, Австрия» (предоставляет туристическую и общую информацию),

«Шире круг» (с подзаголовком «Журнал для соотечественников и о соотечественниках») рассматривает жизнь и достижения знаменитых русских, проживающих за границей, «Russ Media» (портал с прежде всего общей информацией о событиях в Австрии), «Соотечественник Вена, Австрия» (газета с литературной ориентацией, что особенно подчеркивает ее издательство «Венский Литератор»),

Соотечественник Вена, Австрия

[Главная страница](#) | [Газета](#) | [Издательство](#) | [Контакт](#) | [Impressum](#)

«Russian-Club.net / Русский клуб» (портал с новостями из России, СНГ и со всего мира), «Avstrija.at» (публикует сведения об Австрии), «Австрия: Русский форум» (портал-форум с различной информацией об Австрии) и «Две культуры. одна дружба» (сайт Австрийско-русского общества дружбы).

Австрия :: Русский Форум

[Главная](#) | [Правила](#) | [Смотреть ТВ онлайн](#) | [Чат](#)

Целью настоящего анализа является сопоставление экспрессивного языкового материала четырех газет на немецком языке и одиннадцати газет на русском языке (включая и некоторые порталы), единственной общей чертой которых является то, что они выходят в Вене.

Мы исходим из того, что экспрессивность этих изданий зависит от (1) их характера и глобальной концепции, (2) жанрового разнообразия, (3) типа преобладающей информации («серьезной», «полусерьезной», «несерьезной»), (4) рассматриваемой темы и (5) подстиля (информационного, аналитического, литературно-публицистического).

Так как данная тема затрагивает очень широкий круг вопросов, в исследовании будут выбраны и рассмотрены только те стилистические доминанты, которые могут помочь в выявлении основных элементов, закономерностей и тенденций, отличающих стиль немецкоязычных от русскоязычных СМИ в Австрии, а именно употребление **имен уменьшительных (диминутивов и/или имен гипокористических)** и **имен увеличительных (аугментативов)**.

Начиная категории диминутива для выражения – главным образом – субъективно-ласкательного (но и пренебрежительного, напр. *народишко, актеришка*) значения малого объема, размера или масштабов, можно сразу же заметить, что уменьшительные формы в русском языке обладают гораздо более широким спектром использования, чем в немецком. Это обстоятельство отражается, по крайней мере, в трех основных «богатствах» русского языка (и «бедностях» немецкого), а именно:

а) в **языковом формальном богатстве**, состоящем в наличии большого количества языковых средств, в первую очередь суффиксов, напр., *-ок, -ёк, -ик, -чик, -ец; -ка, -ца, -ица, -чка, -ся; -ко, -ико, -цо, -ецо* и др., которым в немецком языке соответствуют лишь формы исключительно среднего рода *-chen /Händchen*, с альтернативой гласного в основе слова и в значении 'рученька', *-lein /Schwänzlein* 'хвостик' и регионально-южнонемецкие /баварско-австрийские и алеманнские/ типы образования при помощи суффиксов *-erl /Hunderl* 'собачонка', *-le /Städtle* 'городок' и *-l /Häusl* 'домик, уборная /туалет?');

б) в **языковом категориальном разнообразии**, но в отличие от немецкого языка диминутивы в русском существуют не только в рамках имен существительных (в том числе и имен собственных), но и прилагательных (*миленький, быстренький*) и наречий (*хорошенько, плохонько*);

в) в **речевом применяющем богатстве**, основанном на нашей предпосылке, что употребление уменьшительных форм в русском языке намного шире распространено, чем в немецком (и в большинстве других славянских языках), что требует ответа на вопрос, относится ли это и к языку СМИ.

В целях проведения настоящего анализа просмотрены вышеупомянутые газеты и порталы в период с 16 марта по 16 апреля 2014 г., с тем, что различия в текстуальном объеме, по мере возможности, принимались в расчет (учитывая количество статей и возможную омонимию). Сам поиск проводился по определенным аффиксам (суффиксам) и по (русским и немецким) сопоставимым словам при условии, что русской

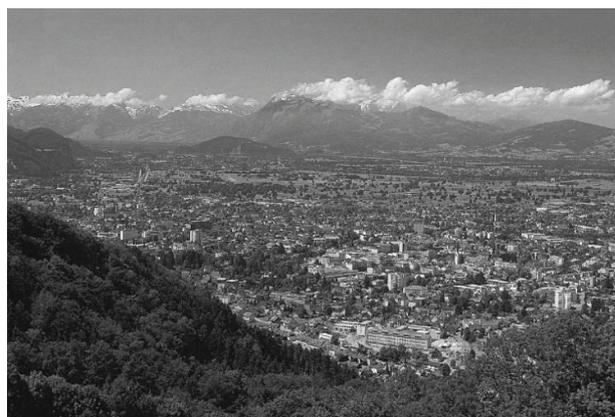
лексеме соответствует коррелят на немецком языке. В целях сравнения русские примеры приводятся без дифференциации экспрессивности простых и сложных суффиксов с элементами 1) -к-, -ц-, -ч-; 2) -чк-, -шк-, -нк- (-еньк-, -ишк-, -ышк-, ушк-, -он/ь/к-, -ён/ь/к-) и 3) -ушечк-, -ишечк-, -оночк-. Конкретно речь идет о следующих примерах: -ок/-ёк (*городок* – *Städtchen/Städtlein*, *листок* – *Blättchen*, *огонёк* – *Feuerchen*), -ец (*братец* – *Brüderchen/Brüderlein*, *хлебец* – *Brötchen*), -(ч)ик (*садик* – *Gärtchen*, *домик* – *Häuschen*, *стульчик* – *Stühlchen*), -(оч)ка, -(уш)ка, -(ич)ка (*головка* – *Köpfchen/Köpflein*, *картинка* – *Bildchen*, *лампочка* – *Lämpchen*, *матушка* – *Mütterchen*, *птичка* – *Vögelchen*), -(у)ца (*сестрица* – *Schwesterchen*, *книжица* – *Büchlein*), -цо (*слово* – *Wörtchen*, *письмечко* – *Briefchen/Brieflein*) и -ко (*окошко* – *Fensterchen/Fensterlein*, *пивко* – *Bierchen*).²

В немецкоязычной газете «Der Standard» в рамках 1 504 825 статей, опубликованных с 16 марта по 16 апреля 2014 г., слово *Städtchen* ‘городок’ (во всех возможных грамматических формах) появляется пять раз (в пяти статьях), в то время как лексема *Städtlein* ни разу не была обнаружена. Схожая ситуация и в газете «Die Presse», в которой за упомянутый 30-дневный период *Städtchen* встречается семь, а *Städtlein* ноль раз, и в «Kurier» (*Städtchen*: 4 – *Städtlein*: 0), однако таблоид «Kronen Zeitung», по-видимому более склонный к применению этой уменьшительной формы, содержит *Städtchen* 67, а *Städtlein* ноль раз. В связи со словом *Städtchen* интересен факт, что оно четыре раза появляется в комбинации с городом Байконур, в виде *Sternenstädtchen Bajkonur* (‘звездный городок Байконур’),

² Следует отметить, что образование немецких эквивалентов русских имен существительных-уменьшительных во многих случаях является абсолютно невозможным, т. е. существует словообразовательная блокировка, ср.: *хозяйчик, шумок, котелок, божок, снежок, утюжок, слоник, коврик, дождик, словарь, туристик, ремешок, вопросец, товарец, бродяжка, старушка, грудка, вишенка, мушка, печурка, работенка, вещица, сольца, просьбица, крепостца, воротца, мыльце, серебрецо, солнышко, молочко, событьице, озерцо* и др.

т. е. в русском космонавтическом контексте.

В русскоязычных газетах, выходящих в Австрии, наблюдается следующее соотношение:³ ежемесячник «Новый Венский журнал» – *город(о)к**: 48, ежемесячник «Давай!» – *город(о)к**: 11, «Шире круг» (с периодичностью шести номеров в год) – *город(о)к**: – 31, ежемесячник «Соотечественник Вена» – *город(о)к**: 15. Несмотря на различную частоту отдельных форм этой лексемы в русских текстах и на более частое использование диминутивных форм в национально/националистически ориентированной немецкоязычной желтой прессе (с коллоквиально-пейоративной и романтизирующей, «фатерляндской» окраской), можно в контрастивном русско-немецком отношении констатировать, что русскоязычные венские издания даже некоторые такие районно-административные центры Австрии (и одновременно курорты), как Баден (Baden, в федеральной земле Нижняя Австрия), Дорнбирн (Dornbirn, Форарльберг), Цель-ам-Зее (Zell am See, Зальцбург) и Санкт-Файт-ан-дер-Глан (St. Veit an der Glan, Каринтия), называют *городками*, а не *городами*. Надо отметить, что с австрийской точки зрения речь здесь идет о настоящих, правильных городах с населением от 10 000 до 50 000 человек, которые никоим образом не входят в «живописную» группу уютных *городков* (*Städtchen*).

³ По техническим причинам и прежде всего в связи с (не)возможностями сортировки статей, поиск в русскоязычных газетах и порталах проводился только в следующих СМИ: «Новый Венский журнал», «Давай!», «Шире круг» и «Соотечественник Вена».

Рис. 1 и 2 – г. Дорнбирн – западноавстрийский *городок* или *город*? (согласно восприятию австрийцев – несомненно *город*)

Таким образом, в восприятии пространственных и географических размеров, масштабов и измерений выявляется существенная австро-русская разница, которую лишь беглым взглядом на карту мира легко можно объяснить.

В случае слов *листок/Blättchen* (о котором журналисты пишут в связи с рецептами для кондитерских изделий или с оптическими приборами) и *огонек/Feuerchen* (в обоих языках только в значении ‘походный, бивачный костёр’) не было найдено существенных интра- и интерлингвальных различий, но зато буквально бросаются в глаза разные способы употребления лексемы *Brüderchen* ‘братец, братушка’ среди просмотренных австрийских газет: в статьях «Der Standard», «Die Presse» и «Kurier» этот диминутив встречается всего два раза, а в текстах бульварной газеты «Kronen Zeitung» даже 51 раз, причем в основном в рубриках о втором или третьем новорожденном ребенке мужского пола голливудских звезд или старлеток. В русскоязычных изданиях слова *братец* и *братушка* отсутствуют, так как их ориентация, по-видимому, более серьезная и в отношении к содержательному уровню сравнимая с тремя австрийскими (полу)качественными газетами. Кроме этого, лексема *Brüderchen* в немецком языке – в отличие от русского – служит прежде всего для обозначения молодого (или младшего) брата, сосунка или ребенка, а не (или почти

нет) в качестве названия для близкого человека/товарища мужского рода.

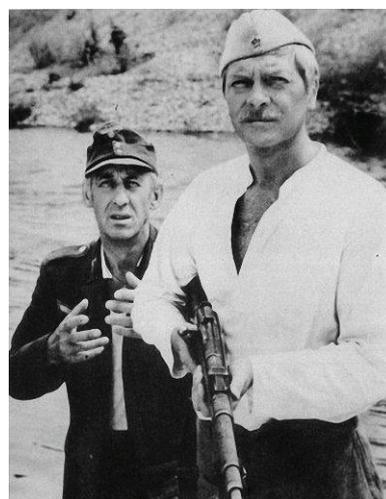
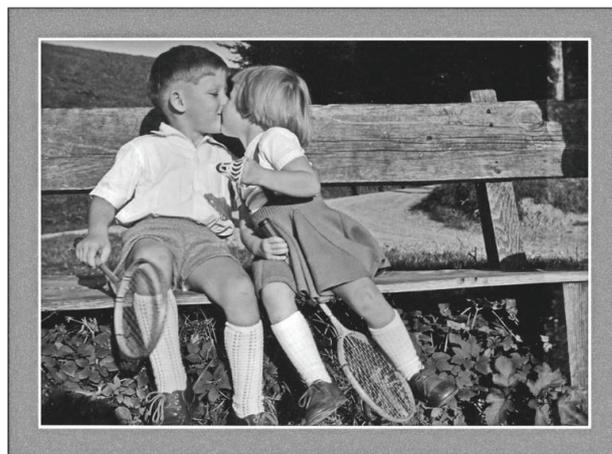

Рис. 3 и 4 – *Brüderchen* *Братушка*

Подобное обстоятельство наблюдается и при употреблении двух слов *домик/Häuschen*, распространенного прежде всего на страницах желтой прессы (в основном в немного разговорном фразеологизме *aus dem Häuschen sein* ‘быть вне себя’), иногда в десять раз чаще, чем в трех качественных изданиях. Диминутива *садик/Gärtchen* в немецкоязычной прессе вообще нет, что свидетельствует о том, что эта уменьшительная форма в немецком языке, в отличие от русского, относится (почти исключительно) к разговорной речи/сфере; в русскоязычных СМИ, однако, она употребляется, по нашим наблюдениям, довольно часто (35 раз), нейтрально и в связи с репортажами об организации досуга под открытым небом.

Слова *хлебец/Brötchen* со своими семантическими модификациями (в обоих языках как название для маленького булочного изделия типа ‘сайки’ в русском и ‘бутерброда’ в немецком языках) представляют собой особый случай, так как *Brötchen* на территории Австрии (в отличие от Германии) существует лишь в значении ‘бутерброд’ и в качестве составной части устойчивого фразеологизма *kleine(re) Brötchen backen* ‘довольствоваться малым, сократить расходы’, а не в смысле ‘хлебец’. Таким образом, *Brötchen* является одним из редких диминутивов, употребляемых чаще в австрийско-немецкоязычных газетах, чем в русскоязычных.

Рис. 5 и 6 – Русский *хлебец*
Австрийское *Brötchen*

Что касается лексемы *головка/Köpfchen*, то можно констатировать, что она намного типичнее для русского языка, чем для немецкого, однако не только из-за русской склонности к уменьшению, но и вследствие многозначности и обозначения разных элементов орудий (*головка молотка, магнитофона; боевая головка*). В немецком языке *Köpfchen* в течение последних десятилетий потеряло свое первичное значение (‘маленькая голова /ребенка/’) и сегодня употребляется почти исключительно как

именование умного человека (т. е. ‘светлая голова’, ‘умница’), что подтверждается и просмотром газетных текстов. И слово *окошко/Fensterchen* входит в ряд диминутивов, свидетельствующих о высокой частоте уменьшительных существительных в русском языке (появляется в газетах на русском языке более 80 раз), в то время как его немецкоязычное использование сегодня связано только с католическим адвентом (приход Рождества Христова) и традицией открытия окошек рождественского календаря для детей (всего три раза). Других примеров в австрийских газетах не было найдено.

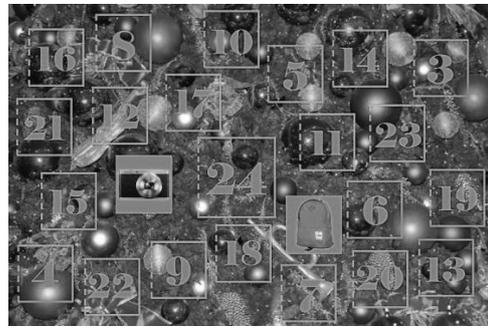

Рис. 7 и 8 – *Fensterchen* – по-австрийски
Окошко – по-русски

Существенная разница между немецко- и русскоязычными газетами обнаруживается и в употреблении ласкательного слова *матушка/Mütterchen*, которое в своем немецком варианте *Mütterchen* встречается всего три раза, причем исключительно в бульварной «Kronen Zeitung» и в связи с русскими/российскими темами.⁴ Выраже-

⁴ Первый результат поиска в «Google» по немецкому слову *Mütterchen* указывает на статью «Википедии» под названием *Mütterchen Russland* ‘Матушка Россия’.

ние *Mütterchen Russland* / *матушка Россия* является единственным способом использования диминутива *Mütterchen* в немецком языке (ср.: *Mutter Erde* вместо *Mütterchen Erde ‘Матушка земля’, *Mutter Natur* вместо *Mütterchen Natur ‘Матушка природа’ и др.). В русскоязычных газетах Австрии слово *матушка* встречается все же 21 раз, однако только два раза в комбинации с топонимом *Россия*. Это аналогичным способом относится и к слову *Väterchen* (‘дед, дедушка’), с почти «классической» русской коннотацией, употребляемому в немецком языке только для названия *Деда Мороза* (‘*Väterchen Frost*’, или, по англо-американской традиции, ‘*Weihnachtsmann*’).

Рис. 9 и 10 – одни из первых пяти немецкоязычных результатов «Google»-поиска по картинкам по словам *Mütterchen* ‘матушка’ и *Väterchen* ‘дед(ушка)’

В связи с увеличительными формами (аугментативами) хотелось бы в конце указать лишь на некоторые типологические различия между обоими языками, касающиеся несколько общих характеристик. В отличие от русского, немецкий язык номинально только в ограниченном объеме обладает этой категорией существительных, притом что для выражения увеличительности почти исключительно служат разные (приставочные и суффиксальные) аффиксоиды с грамматическим родом исходного существительного, как, напр., *Bombenstimmung* ‘великолепное настроение’, *Telefonitis* ‘телефонитис’, *riesengroß* ‘гигантский’, *Unmenge* ‘масса’, *Affenzahn* ‘с бешеной скоростью’, *Pfundskerl* ‘человечище’ – все с разговорной окраской и семантическим значением ‘большой’ и ‘чрезмерный’. Таким образом, видно, что в немецком языке, в отличие от русского (с суффиксами *-ищ-*, *-ин-*), уникальных (прямых) языковых средств для образования аугментативов нет. Можно констатировать и то, что употребление увеличительных форм в немецкоязычных СМИ является характеристикой желтой прессы (прежде всего таблоидной, высокотиражной «*Kronen Zeitung*»).

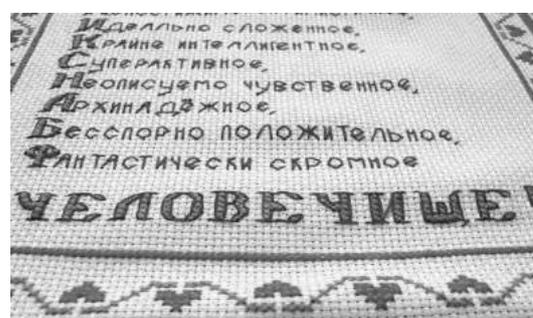

Рис. 11 и 12 – *Телефонитис* в 19 веке *Pfundskerl*

Подводя итоги, следует констатировать, что употребление уменьшительных форм в русско-австрийском/немецком контексте является, как и можно было ожидать, спецификой русского языка, что находит свое выражение и в языке русско- и немецкоязычных газет и онлайн-порталов, выходящих на территории Республики Австрии. В целях сравнения, предметом данного анализа были лишь примеры имен существительных, так как диминутивы в немецком относятся только к этой части речи. Сам этот факт свидетельствует о том,

что «диминутивизация» как в языковом формальном и языковом категориальном, так и в речевом применяющем отношениях является типичной чертой русского языка. Несмотря на наличие некоторых уменьшительных лексем во фразеологизмах, особый интерес представляют слова *городок* 'Städtchen' и *матушка* 'Mütterchen' (и в связи с этим и *дед/ушка*!), обладающие в немецком языке ярко выраженным «русским характером», что подтверждается и результатами просмотра газет и поиска в Интернете.

Источники

СМИ

1. Австрия : Русский форум: <http://austria.gfv.com/azbb.php>. Состояние: 11.4.2014 г.
2. Avstrija.at: <http://www.avstrija.at/>. Состояние: 9.4.2014 г.
3. Давай!: <http://www.dawai.at/>. Состояние: 11.4.2014 г.
4. Две культуры. одна дружба: <http://www.orfg.net/ru/>. Состояние: 13.4.2014 г.
5. Две культуры. одна дружба: <http://www.orfg.net/ru/>. Состояние: 13.4.2014 г.
6. Новый Венский журнал: http://www.russianvienna.com/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=43&Itemid=351. Состояние: 11.4.2014 г.
7. Привет, Австрия: <http://privetaustria.com/>. Состояние: 12.4.2014 г.
8. Russ Media: <http://www.russmedia.com/>. Состояние: 9.4.2014 г.
9. Russian-Club.net / Русский клуб: <http://www.austria.russian-club.net/>. Состояние: 13.4.2014 г.
10. Русская Австрия / Russian Austria: <http://www.russianaustria.com/>. Состояние: 10.4.2014 г.
11. Соотечественник Вена, Австрия: <http://www.sootechestvennik.com/>. Состояние: 12.4.2014 г.
12. Шире круг: <http://www.shirekrug.com/>. Состояние: 12.4.2014 г.
13. Der Standard: <http://derstandard.at/>. Состояние: 8.4.2014 г.
14. Die Presse: <http://diepresse.com/>. Состояние: 8.4.2014 г.
15. Kronen Zeitung: <http://www.krone.at/>. Состояние: 9.4.2014 г.
16. Kurier: <http://kurier.at/>. Состояние: 10.4.2014 г.

Рисунки

1. Рис. 1: <https://img.oastatic.com/img/671/335/fit/2053451/blick-auf-dornbirn.jpg>. Состояние: 9.4.2014 г.
2. Рис. 2: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/18/Karrenberg_Panorama_4.jpg. Состояние: 9.4.2014 г.
3. Рис. 3: <http://images.fotocommunity.de/bilder/spezial/gratulation-und-feiertage/bruederchen-und-schwesterchen-98b55c6c-bb47-4701-a48f-f28471e848af.jpg>. Состояние: 10.4.2014 г.
4. Рис. 4: http://retrosit.blogspot.co.at/2014/04/blog-post20_1288.html. Состояние: 11.4.2014 г.
5. Рис. 5: http://www.edabezvreda.ru/upf/edabezvreda_171326050974.png. Состояние: 11.4.2014 г.
6. Рис. 6: <http://www.bäckerei-naber.de/typo3temp/pics/7e7c718bb0.jpg>. Состояние: 11.4.2014 г.
7. Рис. 7: http://www.fotointern.ch/wp-uploads/2013/12/Adventskalender_02_Profot.jpg. Состояние: 12.4.2014 г.
8. Рис. 8: https://c2.staticflickr.com/6/5210/5249775527_a72a437d1e_z.jpg. Состояние: 12.4.2014 г.

9. Рис. 9: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/9f/RussiaTruth.jpg>. Состояние: 13.4.2014 г.
10. Рис. 10: <http://cdn3.spiegel.de/images/image-151782-galleryV9-rbzl.jpg>. Состояние: 13.4.2014 г.
11. Рис. 11: http://www.stupidedia.org/images/thumb/0/07/Adolphe_Bitard_Telephone.jpg/300px-Adolphe_Bitard_Telephone.jpg?filetimestamp=20090128230248. Состояние: 14.4.2014 г.
12. Рис. 12: <http://www.vsehobby.ru/mantra.html>. Состояние: 14.4.2014 г.

СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

- ◆ Речь художественная и нехудожественная
- ◆ Фоностистика художественной речи
- ◆ Силевые и стилистические варианты
- ◆ Природа творчества
- ◆ Этапы творческого процесса
- ◆ Интродуктивный канон
- ◆ Неклассическая интродукция
- ◆ Повествовательная стратегия антиципации

“

Светлана Фридриховна Барышева:

«...фонетический срез позволяет восстановить черты собственной речи Ф. Г. Раневской. С одной стороны, по хронологическому параметру – как носителя «старшей» или «младшей» нормы. С другой – как носителя норм произношения орфоэпических подсистем, в частности подсистемы заимствованных слов и подсистемы собственных имен».

«...функционально все отмеченные ненейтральные реализации согласных звуков можно свести к трем функциям: 1) функция выражения стилистических коннотаций; 2) функция повышения экспрессивности звучащей речи; 3) нестилистические функции: а) функция пограничного сигнала (конец такта, фразы); б) функция выделения слова».

Лариса Тазретовна Касперова:

«Предчувствие начала рождения новой творческой мысли происходит с погружения автора в особое состояние отрешения от реальности, когда окружающий мир практически не воспринимается».

«Один из самых сложных этапов творческого процесса – попытка уловить мысль и оформить ее. Результатом может стать либо рождение нового, либо потеря идеи, т. е. творческий кризис».

Надежда Владимировна Смирнова:

«Позиция интродукции в повествовательной структуре текста предполагает, что формирующие ее элементы должны характеризоваться обращенностью на последующее развертывание произведения и не содержать отсылок к левому контексту».

«Нарушение причинно-следственных связей приводит к деформации нормативной последовательности языковых элементов в тексте и способствует реализации интродуктивной стратегии антиципации».

”

С. Ф. Барышева
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

ФОНОСТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ Ф. Г. РАНЕВСКОЙ

В статье представлен анализ художественной речи Ф. Г. Раневской на примере роли Мурашкиной в телефильме «Драма». Анализ речи сценического образа проводился по следующим параметрам: 1) Орфоэпические нормы («старшая» и «младшая»). Этот фонетический срез позволяет восстановить черты собственной речи Ф. Г. Раневской. 2) Разговорные произносительные явления. Анализ этого уровня позволяет представить степень распространенности разговорных произносительных вариантов в киноречи середины XX века. 3) Фоностилистические сегментные варианты. Этот уровень позволяет определить арсенал звуковых изобразительных средств, используемых актрисой в художественных целях.

Ключевые слова: орфоэпия, фоностилистика, стилевые и стилистические варианты фонетических единиц.

Svetlana F. Barysheva
(Lomonosov Moscow State University)

PHONOSTYLISTICS OF ARTISTIC AND EVERYDAY SPEECH OF FAINA G. RANEVSKAYA

The paper is devoted to Faina G. Ranevskaya's artistic speech on the basis of her rendition of Murashkina's part in the telefilm 'Drama'. The analysis of the artistic speech of this character is based on three parameters: 1) "Elder" vs "Younger" orthoepic standards. This part of analysis enables us to get individual characteristics of Faina G. Ranevskaya's speech; 2) Oral pronunciation variation. This level of analysis enables us to grasp the extent to which oral pronunciation variants were represented in the speech of Russian film characters from the middle 20th century; 3) Phonostylistic segment variants. This part of analysis enables us to define the inventory of phonetic cues used by the actress as means of artistic characterization.

Key words: orthoepy, fonostylistics, stylistic variants of phonetic units.

Основной целью данной статьи является анализ художественной речи Ф. Г. Раневской (на примере роли Мурашкиной в телефильме «Драма»), проводимый в сопоставлении с ее нехудожественной речью (на примере интервью).

Анализ речи сценического образа проводился по следующим параметрам:

1. Орфоэпические нормы («старшая» и «младшая»). Этот фонетический срез позволяет восстановить черты собственной речи Ф. Г. Раневской.

2. Разговорные произносительные явления. Анализ этого уровня позволяет представить степень распространенности разговорных произносительных вариантов в киноречи середины XX века.

3. Фоностилистические сегментные варианты. Этот уровень позволяет определить арсенал звуковых изобразительных средств, используемых актрисой в художественных целях.

Представим полученный фонетический материал по данным параметрам

I. Орфоэпические нормы

Как уже отмечалось, этот фонетический срез позволяет восстановить черты собственной речи Ф. Г. Раневской. С одной стороны, по хронологическому параметру – как носителя «старшей» или «младшей» нормы. С другой – как носителя норм произношения орфоэпических подсистем, в частности подсистемы заимствованных слов и подсистемы собственных имен.

1.1. В сценической речи персонажа Ф. Г. Раневской преобладают черты «старшей» произносительной нормы:

1) ассимилятивное смягчение согласных имеет высокую степень сохранности: согласные ассимилируются по мягкости не только в группе зубной + зубной (на всех морфологических стыках), но и в группе зубной + губной: *не* [с'м']эю; *на* [с'в']эте; [д'в']эри. Отмечен случай полумягкого губного перед мягким зубным: [м'н'э].

2) мягкий долгий [ж':] на месте сочетания **зж**: *уе*[ж':]аю;

3) мягкий и полумягкий [ж] в буквосочетании **жд**: *пре*[ж'д'и]; *незаконно*[ж'д']енный;

4) [шн] на месте буквосочетания **чн**: *конэ*[шн]о; *порядо*[шн]ый; есть также вариант [ш'н]: *гёрни*[ш'н]ая;

5) твердое произношение заднеязычного в прилагательных на -кий, -гий, -хий: *Зигзаговс*[кэй] (фамилия); *Пертукарс*[кэй] (фамилия); *на ней* úз[кэй] шёлко[вэй] лиф.

Не соответствуют старшим нормам следующие случаи:

1) Речи актрисы свойственно иканье. Немногочисленные случаи эканья, на наш взгляд, объясняются следующими причинами: а) эканье используется как способ выделения слова: *Я самá* [н'э^н] *чуждá* áвторства; б) эканье отражает эмоциональную реализацию фразы (ИК- 5): [йэ⁵во] дб⁵чь.

2) Мягкое произношение согласного постфикса: *разреши́ла*[с'].

3) Звуковое воплощение буквы **щ**; на месте буквы **щ** зафиксирован как долгий мягкий [ш':]: *ль*[ш':]у; *в об*[ш':]ем; *поме*[ш':]ик; так и звукокомплекс [ш'ч]: *действи́ю*[ш'ч]ие лица; *поме*[ш'ч]ик.

4) Произношение буквосочетания **тч** как краткого [ч'], без имплозивного первого компонента: *о*[ч']áсти (отчасти).

Сопоставим эти данные с данными нехудожественной речи актрисы. Источником последних послужило интервью с Ф. Г. Раневской театрального критика Натальи Крымовой 1979 г. в телевизионной передаче «Драматургия и театр. Судьба и роли». Там также встретились «старшие» нормы произношения: активность ассимилятивного смягчения согласных, в том числе и в заимствованных словах: *пре*[т'э́н'з']ии; «старшая» норма в произношении некоторых грамматических форм: *Станиславс*[кэй]; *Леонтьевск*[кэй] *переулок*. Более того – отмечена «старшая» норма произношения окончаний глаголов II спр. 3 л. мн. ч.: *Приятно / когда хва́*[л'у]т // . Данные художественной речи подтверждают мягкое произношение глагольных постфиксов («младшую» норму). Также подтверждается вариативность звукового воплощения фонемы /щ/: в словах *еще*, *вообще*, *преимущественно* актриса произнесла долгий мягкий [ш':], в словах *отвращение*, *восхищалась* – звукокомплекс [ш'ч].

1.2. Произношение заимствованных слов отражает состояние этой орфоэпической подсистемы периода середины XX века. В речи актрисы отмечены случаи отсутствия редукции безударного [о]: [Ко] *нкóрдия Ивáновна*, и даже в освоенных словах: *п[о]ртрéты предков; пр[о]дúкт своего времени*. Отсутствие редукции [о] в иностранной лексике как черту «фоноидиостиля» Ф. Г. Раневской подтверждает и ее нехудожественная речь: *Я не люблю зазнайства / каб[о]тíнства //; А вот когда ты / будешь собою довольна / и придешь от себя в экстаз / от своего дарования // значит тебе уже конец / ты уже не актриса / а каб[о]тíн //*.

Вторая фонетическая особенность заимствованных слов – это твердость согласных перед гласным переднего ряда [э]. Пример из интервью в бытовом слове: *В знаете я наблюдала / очень / интересные вещи / В жизни / кретин / болван // [дэ]бíl // На сцене умный*.

1.3. Произношение имен и отчеств соответствует старомосковской норме редуцированного произношения антропонимов: *Павел Васильевич* как [пáл ва^с’ил’и^ч] и [пá’л ва^с’ил’ч’]; *Конкордия Ивановна* как [конкóрд’и^ван:э]; *Анна Сергеевна* как [ан:э с’ирг’эвнэ]. (Здесь и далее надстрочный знак [↓] обозначает произнесение слова с акцентным выделением). Та же редукция в интервью: (*медленно*) [а^л’и^{кс}ан с’и^{рг}’эи^ч пушк’и^н].

II. Разговорные варианты

Этот звуковой пласт позволяет выяснить, насколько сильным было проникновение разговорных произносительных вариантов в киноречь того времени.

В речи героини Ф. Г. Раневской отмечены случаи нулевой редукции отдельных гласных и согласных, а также целых отрезков слов в частотной и нечастотной лексике. Приведём примеры нулевой редукции в частотной лексике: [тэ-ис’] (то есть); [фс’о-тк’и^э] (всё-таки). Но наряду с этим отмечены случаи полного произнесения слов «повышенной частотности»: [с’и^{во}’д’н’а]; [с’и^ч’ас]; [шы^э’з’д’и^с’át]. Другие случаи редукции: *Павел Васи[л’ч’]; манеры аристократ[ч’ск]ие; на сцене не*

появляе[ц:] (появляется) //; *вчера даже к обе-ду не спусти[с’]* (не спустился) //; [баэшн’у] (барышню); [конкóрд’и^ван:э] (*Конкордия Ивановна* – редуцировался отрезок в позиции между двумя [и]).

Отметим, что практически отсутствует качественная редукция гласных верхнего подъема [ы, у].

Сопоставление ролевой речи с нехудожественной речью актрисы показывает, что подобные явления не редкость и в собственной речи актрисы. Примеры редукции звуков до нуля здесь более многочисленны, чем в киноречи: [Ну фс’о-тк’и]; *Работаю над чем? / Преиму[щсн:а:] / над собой //; Это [слó: пэ-мо́йму н’и^э-па^тхои^э] к нашему делу //* (это слово, по-моему, не подходит); *И мне стыдно за них / [пуштэ] (потому что) они считают что они люди //; Я сама собой никогда не бываю довольна / мучаюсь / терзаюсь / [пóс’и^э] (после) спектакля не сплю //* и др.

III. Фоностилистические сегментные варианты

Этот звуковой пласт представляет собой ненейтральные реализации звуков в стилистической функции.

1. Реализация гласных в стилистической функции:

а) отсутствие редукции гласного [о]: *п[о]ртрéты предков; пр[о]дúкт своего времени*. Но эти варианты, возможно, не являются стилистическими: в первой половине – середине XX века круг слов с возможным безударным [о] был намного больше, чем сейчас.

б) удлинение гласных:

Основная функция удлинения гласных звуков – выделение слова. Примеры многочисленны: *Я [мно:]го переводила; Я знаю Ваш тал[á:]нт, Ваши взг[л’á:]ды; Вам каждая ми[ну:]та доро[гá:].* Показательно удлинение даже редуцированного гласного: *чистая дэвушк[э:].* Помимо этого, удлинение гласных в сочинительных союзах *и, или* создает эффект естественной неподготовленной речи: *И я хотела бы узнать Ваше мнение // ил[и:] верней попросить совет.*

в) зафиксирована **глухая реализация** гласных (выделены жирным шриф-

том): *познако́ми[цэ] с Вами; [д'эцк'и'х]; поселя́н[к'и'э] // и мн. др.* Глухая реализация гласного повышает экспрессию звучащей речи.

г) **носовые гласные** встретились как при буквальном воспроизведении французской фонетики: [па'рдб л'экспрэс'йб:'], так и при произношении исконной лексики: *Я напечатала разновре́[м'э́н:э́] / три детских рассказа; княгиня Пр[о́]нская.* В последнем случае актриса играет носовым тембром, видимо, для придания манерности речи героини.

д) **непозиционные упередённые** гласные в таких примерах, как *старинная дорога [мб'б'л']; [к-ч'б'рту]*, также либо воспроизводят фонетику французского произношения, либо передают манерную тональность речи.

е) прояснение конечных и неконечных гласных проявляется нечасто в двух позициях: в позиции перед паузой и/или при акцентном выделении слова: *И я хотела бы узнать Ваше мнэ́ни[э'] //; Хотелось бы знать ва́ш[э'] мнение; Роскошная гостиная / в доме Шипчиры́гин[а'] //.* Таким образом, нередуцированные гласные выступают как средство выделения слова, а также, по-видимому, как пограничный сигнал (прояснение гласного типично для позиции конца фразы).

В нехудожественной речи из перечисленных модификаций гласных активны три:

1) удлинение гласного звука, чаще ударного: *А педагогом у меня / была Павла Леонтьевна В[у:]льф / замеч[а:]тельная актриса / и такой же прекр[а:]сный человек; Но мне очень везл[о:] // Я часл[и:]вая / Мне везло на прекр[а:]сных людей / с[в'э:]тлых / ч[и:]стых добрых человеческих // Я таких мн[о:]го встречала; Потому что я могла бы с[д'э:]лать / гораздо [бб'б:]льше / и в те[а:]тре и в кин[о:].* Есть удлинение гласных и в союзах, местоимениях, междометиях. Как видно из примеров, в этом виде речи удлинение ударного гласного также служит цели выделения слова.

2) Прояснение безударного [а] в интервью, как и в речи сценического образа, в подавляющем большинстве встречаются в заударной части в позиции конца такта или

фразы и выполняет ту же функцию пограничного сигнала.

3) Оглушение гласных в позиции после глухого согласного в позиции абсолютного конца слова или между глухими согласными: *А я не люблю жа́лова[цэ] //; Я увидела / на изво́[щ'к'и'э] / ехал / Станиславский //.* В обоих видах речи глухость гласного повышает экспрессию звучащей речи.

2. Реализация согласных звуков в стилистической функции:

а) В речи персонажа Ф. Г. Раневской удлинение согласных имеет двоякую природу. Во-первых, на месте удвоенной согласной буквы *нн*: *А[н:]а Сер[г'э]вна; незако[н:]оро́жденный; стари́[н:]ая дорогая мебель; разновреме́[н:]о, моше́[н']ик.* Долгота отмечена и в словах *гости[н:]ая* и *прида[н:]ое*. Во-вторых, удлиняются конечные щелевые и аффрикаты в конечном слове фразы. Здесь, в позиции перед паузой, долгота согласного является, по-видимому, дополнительным пограничным сигналом: *Я имела удовольствие познако́миться с Вами у Хруцки[х:]; Я умоляю Ва́[с:] //; И это заставляет ее глубоко страда[ц:] // и мн. др.* В обоих случаях, по-видимому, удлинение не играет стилистической роли. (Отметим в скобках, что и при чтении Ф. Г. Раневской стихотворения А. Ахматовой (в интервью) удлинение звуков выполняет те же функции – выделения и ритмизации: *И было [с':э]рдцу ничего не н[а:]до / когда пила я этот (очень медленно:) ж[гу:]ч'и'й зн[о:]й /).*

Многоударный [р] в слове *драма* подчеркивает, как представляется, ироничное отношение Ф. Г. Раневской к своей героине: *Я разрешилась от бремени / д[р]амой;* или усиливает отрицательную коннотацию слова: *Зигзаговский (I) помещик // богат / (громко) разв[р]áтен // продукт своего времени //.*

Отметим случай удлинения одиночного [м] за счет имплозивности: *Я у[м']аляю вас.*

б) Глухие сонорные выполняют функцию повышения экспрессивности речи: *[пáл вас'ил'ч']; Взгляды отсталые / лицо значи́[т'и'л'н]ое //; [мэрс'и́] (фр. merci).* Оглушение [j] отмечено при чтении строчек А. Ахматовой: *И было сердцу / ничего не надо // Когда пила я / этот жгучий [зно:j] // Онегина / воздушная громада // Как облако / стояло надо [мноj] //.*

в) Одна из самых ярких черт консонантизма звучащей речи Ф. Г. Раневской – это модификации взрывных согласных.

Во-первых, это сильная аффрикатизация смычных согласных, нередко доходящая до их полной аффрикатизации. Приведем отрывок из роли актрисы: *Валенти́н / студе́[н^н] / сорок ле́[т^н] // благороден / безвозмездно помога́е[ц] своему больному отцу // Его дочь ... тридцать пять ле[т^н] (/) чистая девушка / и это заставляет её глубоко́ страда́[ц':] ///. Особенно часто и явно это явление встречается в позиции конца слова: *Мой покойный [бра́^т] работал в журнале «Дело»; Зизгаговский помещик / бога́^т[т^н] /.../ проду́[к^н] своего времени; тал[а́:^т] (талант). Интересен случай аффрикатизации даже носового [н]: *студе[н^н]*. Аффрикатизация коррелирует с акцентным выделением слова.**

Во-вторых, в произношении взрывных согласных фиксируется модификация с подчеркнутым взрывом согласного: такую особенность могут получать глухие взрывные [к], [т], [т'] в позиции конца слова: *И я хотела бы узнать Ваше мнение // или верней попросить сове[т] //; Во[т] // и некот. др.* В приведенных примерах налицо функция выделения, подчеркивания слова.

3) Произношение грамматических форм

Уже отмечалось, что художественной и нехудожественной речи актрисы было свойственно мягкое произношение постфикса, т. е. «младшая» норма. Единственный случай твёрдого произношения постфикса встретился при чтении актрисой строчек А. С. Пушкина: *Слова лили́[с:] // как будто их рождала / не память рабская / но сердце //.* «Старшая норма» здесь использована, по видимому, как речевая краска, как производительная черта высокого стиля.

В нехудожественной речи Ф. Г. Раневской из перечисленных средств в области согласных звуков активны:

1) Долгота согласных, при этом удлиняются те же типы звуков: а) это щелевые и аффрикаты, но, в отличие от речи персонажа фильма, не только в позиции конца слова: *Учителем был / Станиславский // Я никогда у него не учи́ла[с':] // но я так мн[о́:]го / его видела // и так этим наслажда́ла[с':] и поража́лась / и восхища́ла[с':] / что она ост[а́^л]я // у меня в п[а́:]мяти до самого // моего смертного часа //; И мне [с:]ты́дно // и др.*

б) удлиняется носовой [н] на месте одной буквы *н* или двух *нн*: *Это было безответстве[н:]о //; Стою перед ней коле́[н:]преклонё[н:]о // и др.*

2) подчеркнутый взрыв конечного взрывного: *И я этим очень горжусь и часто это / вспоминаю / как праздни[к] //; Я не понимаю что такое игра[т'] // и мн. др.*

Таким образом, функционально все отмеченные ненейтральные реализации согласных звуков можно свести к трем функциям:

1) функция выражения стилистических коннотаций: удлинение гласного в союзах – для стилизации разговорной речи; назализация гласного или его непозиционная упрежденность – для стилизации манерной речи героини;

2) функция повышения экспрессивности звучащей речи: ее создают глухость гласных и согласных, аффрикатизация конечных взрывных согласных;

3) нестилистические функции:

а) функция пограничного сигнала (конец такта, фразы): ее выполняют гласные полного образования в заударной позиции перед паузой, подчеркнутая фаза взрыва согласных звуков;

б) функция выделения слова: основные сегментные средства в этой функции – удлинение гласных и согласных звуков, прояснение конечных заударных гласных в позиции перед паузой, подчеркнутая фаза взрыва согласных звуков.

О ПРИРОДЕ ТВОРЧЕСТВА

Данная работа посвящена изучению процесса словесного творчества и его периодизации. В русской литературе психологический аспект данной темы наибольшее развитие получил в творчестве поэтов Серебряного века. Вторая часть статьи представляет итоги социофилологического опроса «Объем обыденного понятия *творчество* в сознании молодых людей творческих специальностей», проведенного в 2010 году в Литературном институте имени А. М. Горького и в 2011 году на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова в возрастной категории от 17 до 18 лет. Главной семантической составляющей обыденного понятия *творчество* является *неординарность*. Надо отметить, что для современных молодых людей, выбравших специальность журналиста, творчество связано в первую очередь с *независимостью* и *упорством*, а у начинающих литераторов – со способностью *преодолевать творческий кризис*.

Ключевые слова: литературное творчество, рефлексия, художественный текст, обыденное понятие, лексикография, семантика.

Larisa T. Kasperova

(Lomonosov Moscow State University)

ON THE NATURE OF CREATIVITY

This work has been dedicated to the study of verbal creativity, and the periods of its development. In Russian literature the psychological aspect of this topic has been most fully represented in the work of Silver Age poets. The second part of the article presents the results of the socio-philological study “Volume of the Commonplace Perception of the Notion of *Creativity* in the Mind of Young Students of the Arts”. The study was held in 2010 at the Gorky Museum of Literature and in 2011 at the Lomonosov Moscow State University School of Journalism among respondents who were 17 to 18 years of age. The central semantic component of the commonplace perception of *creativity* is its *unconventionality*. It must be noted that young journalists today associate the notion of creativity, first and foremost, with *independence* and *perseverance*, while beginning writers think of it as an ability *to overcome creative writer’s block*.

Key words: literary creation, reflection, literary text, everyday concept, lexicography, semantics.

Потребность творить живет и растет в нем (человеке – Л.К.), подобно дереву, тянущемуся из земли и питающемуся ее соками. Мы не ошибемся, пожалуй, если будем рассматривать творческий процесс как живое существо, имплантированное в человеческую психику.

К. Юнг

Одной из важных проблем стилистической науки является исследование идиостилей поэтов, писателей, публицистов. Вся культура человечества повернута к внутреннему опыту человека и основывается на умении художников описать и осмыслить этот опыт. Индивидуализированное духовное включает, наряду с сознательным, и бессознательное. Рождение мысли, образа происходит в недрах бессознательного. Бессознательное находит проявление в некоторых процессах художественной интуиции и рождающихся в душе человека высших побуждениях духа. Бессознательное тесно переплетается с сознанием, с творческой энергией чувств и разума человека. Вымещение в сознание является кульминацией развития, которое зрело в бессознательном пласте личности; «вторжение представляет собой только «точку прорыва» трансформационного процесса, который шел уже давно, но ЭГО не могло его заметить» (Нойманн 1996: 209). Творческий процесс синтетичен: надличностное, объективированное, то есть вечное, и индивидуализированное, личное, сливаются, и происходит реализация творчества в произведении. Одним из процессов самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний является рефлексия (лат. *reflexio* – обращение назад, самоанализ).

В русской литературе психологический аспект данной темы наибольшее развитие получил в творчестве поэтов Серебряного века. Это вполне объясняется интересом общества в начале XX века к новой науке – психологии. Представим условную периодизацию творческого процесса.

1. Томление (ожидание)

Для художников слова в большинстве случаев творческий процесс – *состояние постоянное*. Этим объясняется вся его

сложность и мучительность. А. Блок в стихотворении «Художник», используя для описания реальной жизни антонимические ресурсы, утверждает, что поэт постоянно пребывает в состоянии ожидания. В тексте наблюдается лексический повтор глагола *ждать*, употребленного в настоящем расширенном времени (*жду*) и образующего важнейшее для понимания основной идеи семантическое кольцо: *В жаркое лето и в зиму метельную, / В дни ваших свадеб, торжеств, похорон / Жду ... – Нового жду и скачаю опять* (Блок). Эти мотивы находим и у других авторов, например в кольцевой композиции *И трепещет тень латаний / На эмалевой стене* (Брюсов). Реже поэты признаются, что состояние это возникает периодически. Например, у А. Ахматовой: *Бывает так: какая-то истома...*

2. Предчувствие

Предчувствие начала рождения новой творческой мысли происходит с погружения автора в особое состояние отрешения от реальности, когда окружающий мир практически не воспринимается. Чаще всего такое состояние представляется как *сон*: *Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты...* или *О мир, пойми, певцом во сне открыты / Закон звезды и формула цветка* (Цветаева), *Играет пространство спросонок* (Мандельштам); *Фиолетовые руки на эмалевой стене / Полусонно чертят звуки* (Брюсов); *Проснулся, когда был вечер* (Гумилев). Или: *видение, истома, беспмятство* и пр. *Бывает так: какая-то истома* (Ахматова); *Ночных видений тетрадь* (Гумилев); *В беспмятстве ночная песнь поется* (Мандельштам). Чаще время для творчества – ночь (*ночная песнь; ночные виденья*). Но творческая ночь может не совпадать с конкретным временем суток: *Проснулся, когда был вечер* (Гумилев).

3. Появление первоосновы

Многие из поэтов отмечали божественную сущность творчества (см. у Ахматовой – *просто продиктованные строчки* или *растут стихи*; у Цветаевой – *Откуда мне сие? Или стихи растут, как звезды и как розы*) и, как следствие, необходимость

осуществить правильный выбор из невоплощенных идей, которые, по мнению авторов, присутствуют где-то в «божественных сферах» или в общем информационном поле. *Неузнанных и пленных голосов / Мне чудятся и жалобы и стоны, / Сужается какой-то тайный круг* (Ахматова); *С моря ли вихрь? Или сирины райские / В листьях поют? Или время стоит? / Или осыпали яблони майские / Снежный свой цвет? Или ангел летит?* (Блок); *То вдруг прокинется безумной Антигоной, То мертвой ласточкой бросается к ногам* (Мандельштам).

Первоосновой мы называем тот «сигнал», из которого в дальнейшем рождается новое в случае, если автор его осознает и материализует. Для поэтов это чаще всего звуковая ассоциация (звук, звон, голос): *Жду, чтоб вспугнул мою скуку смертельную / Легкий, доселе неслышимый звон. / Вот он возник.* (Блок); *И в этой бездне шепотов и звонов / Встает один, все победивший звук* (Ахматова); *Полусонно чертят звуки / В звонко-звучной тишине* (Брюсов).

4. Работа подсознания

Один из самых сложных этапов творческого процесса – попытка уловить мысль и оформить ее. Результатом может стать либо рождение нового, либо потеря идеи, т. е. творческий кризис. Этот этап труднее всего поддается словесному обозначению, поэтому в большинстве случаев подсознание представлено посредством развернутых метафор. *Слепая ласточка в чертог теней вернется* (Мандельштам); *Взлетев от роз таинственной пещеры* (Гумилев); *Но в этой бездне шепотов и звонов* (Ахматова). Невоплощенная мысль представляется чаще как *тень*, как нечто *прозрачное, неуловимое, тайное: Тень несозданных созданий* (Брюсов); *На крыльях срезанных с прозрачными играть; Прозрачны грибы табуна ночного* (Мандельштам) или более сложными метафорами: *Слепая ласточка в чертог теней вернется* (Мандельштам).

Неизбежный спутник творческого процесса – интенсивное **психическое** (влияющее на физическое) **напряжение** поэта, так называемые муки творчества, проявляется в полной мере именно на этом этапе. Как

правило, подобные тексты сопровождается отрицательная аксиология, отражающая душевное и физическое переживание автора: *О, если б кровь мою пили, / Я меньше бы изнемог...* (Гумилев); *Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты, / Небесный гость в четыре лепестка* (Цветаева); *Когда после двух или трех, / А то четырех задыханий или Я так боюсь рыданья Аонид, / Тумана, звона и зиянья!* (Мандельштам); *Прошлое страстно глядится в грядущее. / Нет настоящего. Жалкого – нет* (Блок). Художник в силу своей особой миссии в жизни не может стать обычным человеком, т. е. отказаться от творчества: *Умчаться б вдогонку свету, / Но я не в силах порвать / Мою зловещую эту / Ночных видений тетрадь* (Гумилев). Сильное психическое напряжение и страдающее от него ЭГО отражаются в собственном восприятии художника. «Внутреннее напряжение или страдание души создают проблему, которую можно творчески решить только путем создания произведения» (Нойманн 1996: 240).

Самый тяжелый момент наступает в том случае, когда мысль не воплотилась, первооснова не перешла из подсознания в сознание, т. е. не была осознана автором. Такая ситуация называется творческим кризисом: *Но я забыл, что я хочу сказать, / И мысль бесплотная в чертог теней вернется* (Мандельштам). В повседневной речи люди всегда могут подобрать нужные слова, которые так или иначе, в полной мере или приблизительно передадут необходимую информацию: *А смертным власть дана любить и узнавать, / Для них и звук в персты прольется* (Мандельштам). В творчестве же не может быть приблизительности. Кроме того, сильнейшее эмоциональное и психическое напряжение автора в данный период, усугубленное неспособностью создать новое, приводит художника к тяжелым мыслям: *Все чаще думаю, / Не поставит ли лучше / Точку пули в своем конце? / Сегодня я / На всякий случай / Даю прощальный концерт* (Маяковский).

5. Вымещение идеи в сознание

Взлетев от роз таинственной пещеры / Ее фламинго плавает в лазури (Гумилев);

Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты, / Небесный гость в четыре лепестка (Цветаева); *И прозрачные киоски / В звонко-звучной тишине / Вырастают, словно блестящие / При лазоревой луне* (Брюсов); *Люблю появление ткани* (Мандельштам); *И наконец, у предела зачатия / Новой души неизведанных сил, – / Душу сражает, как громом, проклятие: / Творческий разум осилил – убил* (Блок). Материализация творческой идеи представлена, во-первых, глаголами или процессуальными существительными (*плывать, вырастать, появление, зачатие* и др.) и, во-вторых, субстантивными метафорами, обозначающими представление автора о своей воплощенной идее. У Гумилева – *фламинго*, у Блока – *новая душа*, у Цветаевой – *небесный гость в четыре лепестка* (соединение звезды и розы), у Брюсова – *прозрачные киоски* (стеклянные витрины для благотворительного аукциона, заполненные различными антикварными вещами в единственном экземпляре), у Мандельштама – *ткань* (собранное из множества волокон единое целое).

6. Вербальный уровень (языковое оформление)

Языковое оформление всегда представлено словами с конкретным значением, метафорическим или прямым: *формы, строчки, клетка* и т. п. *И, дугами парусных гонок / Зеленые формы чертя, / Играет пространство спросонок* (Мандельштам); *И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь* (Ахматова); *И замыкаю я в клетку холодную / Легкую, добрую птицу свободную* (Блок).

7. «Оттачивание» (работа над текстом)

«Оттачивание» текста любой творческий человек считает неотъемлемой частью искусства. Но символисты видят в этой работе «убийство» мысли, т. к. язык не способен передать всю полноту абстрактных понятий, идей. Он накладывает свои рамки на идею и ограничивает ее. *Вот моя клетка – стальная, тяжелая, / Как золотая, в вечернем огне* (Блок). Акмеисты же, напротив, приветствовали этот этап работы над текстом: *Уверенную строгость береги, /*

Твой стих не должен / Ни порхать, ни биться (Гумилев). И говорят о том, что этот «ремесленный» период требует не менее сильного напряжения, чем предыдущие: *Но только раз в году бывает разлива / В природе длительность, как в метрике Гомера* (Мандельштам); *Моим рожденные словом / Гиганты пили вино / Всю ночь, и был багровым, / И было страшным оно* (Гумилев).

8. Томление (ожидание нового)

Творческая личность всегда ждет нового «сигнала» и параллельно взаимодействует со своими рожденными творениями: *Нового жду и скучаю опять* (Блок); кольцевая композиция: *И трепещет тень латаний / На эмалевой стене* (Брюсов); *Но я не в силах порвать... ночных видений тетрадь* (Гумилев).

Поэт завершает работу над очередным произведением, но творение, рожденное однажды, навсегда становится частью его духовного мира. Автора волнует и мучит судьба творений, которые после рождения начинают жить собственной жизнью: *Собрались ко мне мои друзья, / Всех, которых я очеловечил, / Выведа их из небытия* (Гумилев). Иногда такой тесный контакт со своими рожденными творениями может стать губительным для творца: *их владелец был ими ж задушен* (Гумилев). Но внутренняя потребность каждой творческой личности состоит в постоянном духовном странствии, сотворении особенного пространства-времени, особого мира. Творчество приносит поэту одновременно и счастье рожденной идеи и нечеловеческие муки: *Я сегодня буду играть на флейте / На собственном позвоночнике* (Маяковский).

В современной речи слово *творчество* звучит так же часто, как и век назад. Исследованием творческого процесса в различных аспектах занимаются психологи, социологи, нейролингвисты и др.

В каком значении используют это слово современные молодые люди творческих профессий? Каков объем этого понятия и его существенные признаки в сознании нового поколения? Мы представляем итоги I этапа социолингвистического исследования, проведенного в 2010 году в Литературном институте имени А. М. Горького

и в 2011 году на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова в возрастной категории от 17 до 18 лет.

Основой для сопоставления послужила лексикография слова *творчество* в отечественных толковых словарях:

Творить. 'Творчество. Творенье, сотворенье, созидание, как деятельное свойство' (СД, т.IV, 395).

Творчество. 'Деятельность человека, направленная на создание материальных и культурных ценностей // То, что создано в результате этой деятельности' (СРЯ, т.IV, 345).

Творчество. 'Создание новых по замыслу культурных, материальных ценностей' (СО, 779).

Творчество. 1. 'К глаг. Творить (Создать, созидать в процессе творческой деятельности материальные и духовные ценности)'.

2. 'То, что создано в результате такой деятельности' (СК, 1308).

Ядро значения слова творчество: 1. 'Создание материальных и духовных ценностей'. 2. 'Материальные и духовные ценности'.

Метонимический перенос «процесс-результат» в одних словарях дает два значения, в других – представляет оттенок значения.

Субъект созидания – человек – упомянут только в одном из рассматриваемых словарей.

По результатам опроса студентов ядро значения обыденного понятия слова *творчество* выглядит так:

1. Ядро значения.

Таблица 1.

Частотность употребления гиперсем в обыденном понятии *творчество*

Гиперсема (литераторы)	% (от общего числа опрошенных)	Гиперсема (журналисты)	% (от общего числа опрошенных)
Создание (создавать)	68%	Создание (создавать)	53%
Муки	25%	Деятельность	29%
Состояние души	13%	Процесс	17%
Жизнь	7%	Способ (метод)	12%
Роды	1%	Способность	6%
Другое измерение	1%	Продукт (мыслительной деятельности)	6%
Сон наяву	1%	Выход (за рамки общепринятого)	6%
Радость	1%	Попытки (создания)	1%
Переход в новое состояние	1%	Желание	1%
		Стремление	1%
		Возможность (создания)	1%
		Альтернатива (обыденности)	1%

Второе значение слова *творчество* («то, что создано в результате творчества») встретилось в 17 % ответов студентов журфака и в 6 % ответов студентов литинститута. Для молодых литераторов творчество – это процесс мучительный (*муки, роды*). Для одних он является «всей жизнью», ее смыслом, для других – особым состоянием (*состояние души, другое измерение, сон наяву, переход в новое состояние*). Для журналистов сема *муки* оказалась неактуальной. Главное в жизни молодого журналиста – *деятель-*

ность, стремление, активность, желание. Не долгое и мучительное созидание, а сиюминутное и оперативное создание нового. На дополнительный вопрос «Что такое творческий кризис?» студенты-журналисты ответили, что это усталость, переутомление. Необходимо переключиться, отдохнуть – и снова за работу. Журналист не имеет права на долгую паузу. Литераторы же отметили, что это неподвластное человеку явление и разрешение творческого кризиса от писателя практически не зависит.

2. **Субъект действия.** Сема человек представлена у 70 % журналистов и у 4 % литераторов. В отличие от словарей, журналисты активно указывают на роль субъекта действия в творчестве и дают его характеристики (см. ниже).

3. **Продукт творчества.** У журналистов разнообразная палитра ответов: произведение (искусства) – 41%, культурные ценности – 23%; духовные качества – 3%; предметы быта и искусства – 1%, литературные

произведения – 1%, живопись – 2%, архитектура – 1%, скульптура – 1%, музыка – 1%; праздник – 1%; новое – 1%. Толкования «культурные ценности», «материальные и духовные ценности» респонденты употребляли редко, заменив их более привычными «произведениями искусства». У литераторов (и такие результаты определяются профилем опрошенных): произведение (литературное) – 84%, стихи – 14 %, рассказ – 3%, текст – 3%.

4. **Аксиологическая составляющая** (табл. 2-3):

Таблица 2.

Гипосема (литераторы)	Частотность употребления в %	Положительная/отрицательная составляющая значения обыденного понятия <i>творчество</i>
Новое	26%	Полож.
Муки	25%	Отриц.
Переживания	9%	Отриц.
Тяжелый	4%	Отриц.
Преодоление	1%	Отриц./Полож.
Удовлетворение	1%	Полож.
Радость	1%	Полож.

Таблица 3.

Гипосема (журналисты)	Частотность употребления в %	Положительная/отрицательная составляющая значения обыденного понятия <i>творчество</i>
Новое	21%	Полож.
Впервые	12%	Полож.
За рамки общепринятых норм/ общепринятого мышления (выход)	9%	Полож. (ср. в языке – отриц.)
Добровольное	1%	Полож.
Раскрывать (себя)	1%	Полож.
Праздник	1%	Полож.
Возможность	1%	Полож.

Безусловно, правильным является выделение семы «новое», т. к. в результате творчества мир получает новые предметы, новые формы, новое видение. Интересно, что у журналистов в обыденном понятии фиксируется только положительная сто-

рона процесса и ни у одного из респондентов не встретились семы «преодоление», «напряжение», «упорство», «муки (творчества)».

Вторая часть опроса «*Определение дифференциальных признаков понятия твор-*

ческая личность» выявила существенные для субъекта творчества качества.

Три семантические группы «Неординарность», «Эмоциональность» и «Особен-

ности психических процессов» представлены у обеих групп.

1. Тематическая группа «*Неординарность*» (табл. 4)

Таблица 4.

Литераторы (Всего 84 %)		Журналисты (Всего 72%)	
Уникальность	64%	Неординарность	53%
Талант	32%	Оригинальность	12%
Индивидуальность	6%	Талант	7%
Особость	4%	Индивидуальность	6%
Способность создать альтернативный мир	1%	Видение мира по-своему	1%
Самодостаточность	1%	Самодостаточность	1%
Неповторимость	1%	Умение находить необычное в обычном	1%
		Способность выходить за рамки стереотипного мышления	1%
		Особое восприятие действительности	1%

2. Тематическая группа «*Эмоциональность*» (табл. 5)

Таблица 5.

Литераторы (Всего 31 %)		Журналисты (Всего 28%)	
Чувствительность	34%	Эмоциональность	21%
Чувственность	29%	Чувствительность	12%
Любовь (к творению)	9%	Вдохновляемость	1%
Любовь (к жизни, людям)	2%	Утонченность	1%
Одержимость (в положительном значении)	2%		
Эмоциональность	2%		
Обнаженные чувства	1%		

3. Тематическая группа «*Особенности мышления и психических процессов*» (табл. 6)

Таблица 6.

Литераторы (Всего 6%)		Журналисты (Всего 3%)	
Образное мышление	58%	Креативность	5 %
Воображение	46%	Образное мышление	2%
Возбудимость (повышенная)	14%	Ассоциативное мышление	1%
Тревожность	12%	Склонность к гуманитарным наукам	1%
Аутизм	1%	Рефлексивность	1%
Неуравновешенность	1%	Хорошее воображение	1%

Необходимо отметить две актуальные группы, которые обнаружили в своих ответах студенты-журналисты:

1. Тематическая группа «**Независимость**»: независимость (54%), способность выходить за рамки общепринятых норм (3%), абстрагироваться от существующих норм и порядков (1%), самостоятельность суждений и выводов (1%), открытость всему новому (1%), смелость (1%). У литераторов встретилась только сема *независимость* в 2% анкет.

2. Тематическая группа «**Упорство**»: упорство (7%), целеустремленность (7%), трудолюбие (3%), работоспособность (2%), усердие (1%), энтузиазм (1%), собранность (1%). У литераторов обозначена сема *выносливость* в 1 % анкет.

Таким образом, главной семантической составляющей обыденного понятия *твор-*

чество является *неординарность*. Надо заметить, что для современных молодых людей, выбравших специальность журналиста, творчество связано в первую очередь со способностью выразить и отстаивать свое мнение, с проявлением независимости и смелости. По сравнению с ядром значения обыденного понятия в данных толкованиях появились семы *независимость* и *упорство*, но трудности творческого процесса респонденты связывают в большей степени с необходимостью отстаивать свое творение, свое право на творчество, а также с необходимым трудолюбием и умением работать долго и «без устали». На II этапе эксперимента предполагается изучение рефлексии творческого процесса у респондентов аналогичных по социальным параметрам групп.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1981. – Т. IV(СД). – 683 с.
2. Нойманн Э. Творческий человек и трансформация // Психоанализ и искусство. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. – С. 207-246.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1986. – Т. IV (СРЯ). – 800 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2002 (СК). – 1536 с.
5. Ожегов С. И. Словарь / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1989 (СО). – 750 с.
6. Юнг К. Об отношении аналитической психологии к поэзии // Психоанализ и искусство. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. – С. 20-26.

Н. В. Смирнова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

**НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ИНТРОДУКЦИЯ
КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ
ЛИНЕЙНОСТИ ТЕКСТА
(на материале рассказа В. В. Набокова «Круг»)**

Своеобразие построения интродукции – начального текстового фрагмента – непосредственно связано с линейностью текста. Элементы, формирующие классическое начало текста, должны характеризоваться обращенностью на последующее развертывание произведения и не содержать отсылок к левому контексту. Рассказ В. В. Набокова «Круг» является ярким примером неклассического повествования, нарушающего интродуктивные каноны и провоцирующего коммуникативную неопределенность при первом прочтении текста. Неклассическая интродукция способствует преодолению линейности текста, циклизации текстового пространства.

Ключевые слова: интродукция, линейность текста, антиципация, инициальное предложение.

Nadezhda V. Smirnova

(Lomonosov Moscow State University)

**NON-CLASSICAL INTRODUCTION
AS AN INSTRUMENT TO OVERCOME
THE TEXT LINEARITY
(based on Vladimir Nabokov's story "The circle")**

The peculiarity of the composition of introduction, opening text fragment, related directly to the text linearity. The elements forming classical introduction should be orientated on the following text evolution with no reference to the left context. Vladimir Nabokov's story "The circle" is a demonstrative example of non-classical narration, breaking the introductory canons and provoking communicative uncertainty while being first time read. Non-classical introduction contributes to overcoming the text linearity, textspace cyclization.

Key words: introduction, text linearity, anticipation, initial sentence.

Выдвижение текста в качестве объекта лингвистического исследования сопряжено с необходимостью его структуризации. Членение текстового пространства может проводиться по разным направлениям: объемно-прагматическому, контекстно-вариативному, композиционно-тематическому. Каждый из представленных подходов к сегментации текста постулирует особый статус начального фрагмента литературного произведения – интродукции.

Собственно лингвистический подход к началу текста восходит к понятию инициальности, под которым подразумевается «особая содержательная категория текста, выражением которой служит специфичность в оформлении абсолютно начальных фраз текста и начальных высказываний в рамках внутритекстовых цепочек, объединенных по смыслу» (Николаева 1978: 368). Фиксируемое в категории инициальности своеобразие построения начальных предложений находится в непосредственной связи с линейностью текста. Позиция интродукции в повествовательной структуре текста предполагает, что формирующие ее элементы должны характеризоваться обращенностью на последующее развертывание произведения и не содержать отсылки к левому контексту.

Соответствующая таким параметрам немаркированная интродукция в реальных текстах встречается крайне редко, особенно это касается произведений неклассической литературы. Сопоставляя классическое и неклассическое искусство, Р. Барт определил их основное различие на основе смены принципов детерминизма и упорядоченности, присущих мышлению эпохи XIX века, современными представлениями о случайности и длительности (Барт 2008). Классическое повествование предстает как цепочка детерминированных фактов, объединенных единой повествовательной формой, в то время как неклассическое повествование, отрицая причинно-следственные связи, устраняет мотивированность событий, расшатывая и «самотождество субъекта речи» (Падучева 1996: 416). Нарушение причинно-следственных связей приводит к деформации нормативной последова-

тельности языковых элементов в тексте и способствует реализации интродуктивной стратегии антиципации.

Антиципация (лат. *anticipatio* – предвосхищение) представляет собой комплексное явление, для описания которого целесообразно применить семиотическое разделение на синтактику, семантику и прагматику. На уровне синтактики антиципация реализуется в отклонении от обычной линейной последовательности элементов анафоры, состоящем в предшествовании местоимения замещаемому им слову. Семантический уровень демонстрирует действие антиципации через нарушение временной и причинно-следственной последовательности расположения событий. На прагматическом уровне антиципация проявляется в нарушении говорящим правил последовательной подачи информации, что затрудняет восприятие сообщения слушающим.

Рассказ В. В. Набокова «Круг» является ярким примером неклассического повествования. Инициальное предложение рассказа противоречит всем параметрам немаркированной интродукции: *Во-вторых, потому что в нем разыгралась бешеная тоска по России*. При первом прочтении текста такое начало приводит читателя в замешательство, демонстрируя явное нарушение принципа кооперации, направленного на обеспечение максимального понимания между коммуникантами. Сразу три элемента начального предложения (*во-вторых, потому что, в нем*) являются левонаправленными и вызывают требование предшествующего контекста.

Инициальное расположение элемента *во-вторых* ведет к образованию структурно-семантической лакуны, обусловленному отсутствием вводного слова *во-первых*. Метатекстовый элемент *во-вторых*, обозначающий порядок изложения мысли, предполагает присутствие говорящего субъекта, т. е. относится к эгоцентрическим словам. Следовательно, его можно расценить в качестве косвенного способа интродуктивного введения субъекта. Однако стоящий за метатекстовым элементом субъект на интродуктивном этапе не под-

дается идентификации: им может быть как повествователь, так и персонаж, который задан посредством анафорического местоимения *в нем*. Субъектная координата мыслимого мира в инициальном фрагменте рассказа характеризуется неопределенностью, возникающей в силу нарушения линейной последовательности элементов анафоры.

Левонаправленный коннектор *потому что* с необходимостью требует препозитивной главной части сложноподчиненного предложения. Само помещение в абсолютное начало рассказа изолированного придаточного предложения причины выступает своеобразной метафорой разрушения классического принципа детерминизма.

Интродукция «Круга» представляет собой хронологическое опрокидывание, и читательское недоумение разрешается только в конце рассказа, где и содержатся структуры, затребованные инициальным предложением: *А было ему беспокоино по нескольким причинам. Во-первых, потому что Таня оказалась такой же привлекательной, такой же неуязвимой, как и некогда*. Строеие финального предложения зеркально отражает структуру инициального: *во-первых* по логике развития мысли предполагает *во-вторых*, т. е. имеет правонаправленную ориентацию, которую читатель, обладающий знанием целого текста, в состоянии проследить через возвращение к началу.

Неклассичность интродукции «Круга» подчеркивается сопоставлением с интродукцией немаркированной, классической, которая, как это ни парадоксально, расположена в самой середине рассказа, где, по мнению Е. В. Падучевой, происходит переход «к традиционному нарративу» (Падучева 1996: 417), нарочито подчеркиваемый автором:

После этого были еще другие случайные встречи, а потом... Ну-с, пожалуйста: жарким днем в середине июня...

Жарким днем в середине июня по сторонам дороги размашисто двигались косари, – то к правой, то к левой ключице прилипла рубаха, – «Бог помощь», – сказал Илья

Ильич, проходя; он был в парадной панаме, нес букет ночных фиалок.

Модель традиционной интродукции в силу срединного положения становится своего рода осью симметрии повествовательной структуры рассказа, но лишь при условии его линейного прочтения. В построении произведения наглядное воплощение находит тезис о том, что «поэтика геометрична и связана с языком пространственных отношений» (Топоров 1994: 12). В. В. Набоков в «Круге» достигает эффекта преодоления линейности языка, вынуждая читателя переходить от конца к началу, стирая границы текста. Геометрия повествовательной структуры прогрессирует от отрезка к окружности.

Сема 'круг' выступает как смысловая доминанта рассказа, что манифестируется уже в номинации произведения, одновременно служащей ключом к композиционному решению и позволяющей увидеть подлинное графическое решение буквенного ряда. Эта сема настойчиво повторяется автором на всем протяжении текста: 1) путем нанизывания однокоренных слов: *Василий ... рвал крючок из маленького, **круглого**, беззубого рта рыбы; шел незримый в воздухе дождь, расходясь по воде взаимно пересекающимися **кругами**, среди которых там и сям появлялся другого происхождения **круг**; сила ощущения как бы выносила его из **круга** сна*; 2) введением слов, эксплицирующих связь обозначаемых ими реалий с кругом по принципу формы: *монета, пуговицы, овальное лицо, мячик, луна, шляпа* и др. Эти повторения можно рассматривать как средство циклизации текстового пространства и антиципации его структуры в целом.

С семой 'круг' непосредственно связана сема 'вращение': *Вращаясь, медленно падал на скатерть липовый летунок*. Вращаться. 1. 'То же, что вертеться (в 1 знач.)' (СОШ 2008). Вертеться 1. 'Находиться в состоянии кругового движения' [там же]. Доминирующая роль этих сем иллюстрируется самим автором в предисловии к английскому переводу рассказа: «В середине 936 года, незадолго перед тем, как навсегда покинуть Берлин и уже во Франции закончить «Дар»,

я написал уже, наверное, четыре пятых последней его главы, когда от основной массы романа отделился вдруг маленький спутник и стал *вокруг него вращаться*» (Набоков 1997: 105, курсив наш – Н.С.). Круговращение на уровне структуры делает текст принципиально бесконечным, деактуализируя понятия времени и последовательности.

Интерпретация художественного произведения с точки зрения его включенности в познавательное поле эпохи позволяет обнаружить известный изоморфизм культурных моделей и художественных структур. В этой связи интродукция коррелирует с заложенными в культуре представлениями о начале мира. По отношению к действительному миру возможный мир художественного произведения всегда является собой пример редукции: «Функция художественного произведения как конечной модели бесконечного по своей природе «речевого текста» реальных фактов делает момент «отграниченности», конечности неперенным условием всякого художественного текста в его первоначальных формах – таковы понятия начала и конца текста» (Лотман 2000: 429-430). Основываясь на моделирующем значении понятий «начала» и «конца», Ю. М. Лотман выделяет культурные системы с маркированным «началом» (культуры «золотого века»), с маркированным «концом» (эсхатологические культуры) и циклические модели, а также ахронные структуры, находящиеся вне категорий «начала» и «конца». Представляется особо существенным факт непосредственной связи понятий начала и конца со временем, реализующейся как в развитии культур, так и в развертывании текста.

Очевидно соответствие повествовательной структуры «Круга» и той культурной модели в типологии Ю. М. Лотмана, в которой отмеченность начала и конца нивелируется, а именно циклической, или ахронной. Циклическое представление о времени характерно для архаических культур, основывающихся на регулярном повторении и исключаящих развитие во времени. Эти идеи вновь стали значимыми в конце XIX –

начале XX в., в частности для философии Ф. Ницше, оказавшей влияние на мировоззрение В. В. Набокова. Развиваемая Ф. Ницше концепция вечного возвращения практически буквально реализована в композиции анализируемого произведения.

Принцип ахронности релевантен и для внутритекстовой действительности: она не поддается хронологическому выстраиванию, поскольку репрезентирует единичное событие – пребывание персонажа в парижском кафе; основной же корпус текста составляют воспоминания героя. Обращенность к памяти предполагает особую повествовательную форму, способную драматизировать сознание вспоминающего субъекта. Инициальное предложение задает третьеличную форму повествования, расщепляя носителя восприятия и производителя речи. На последующих этапах текста персонаж периодически «захватывает» функцию рассказчика, что выражается, главным образом, во вкраплениях несобственно-прямой речи, например: *Он встал, простился, его не очень задерживали. Странно: дрожали ноги. Вот такая потрясающая встреча.*

Повествовательная структура осложняется введением еще одного субъекта речи: «этот голос называет себя на *мы*, а значит, это может быть только сознание, отдельное от третьеличного героя; скорее всего, это повествователь» (Падучева 1996: 416). Он появляется уже в интродукции: *Сидя в кафе и все разбавляя бледнеющую сладость струей из сифона, он вспомнил прошлое со стеснением сердца, с грустью – с какой грустью? – да с грустью, еще недостаточно исследованной нами.* Эта повествовательная форма прослеживается и в дальнейшем: *Не забудем, кроме того, известной части нашей интеллигенции...; там его и оставим.* Исходя из общей направленности рассказа на преодоление хронологической последовательности, в приведенных фрагментах текста значимым представляется переход от прошедшего времени, доминирующего в произведении, к простому будущему (*не забудем, оставим*).

Местоименная форма первого лица множественного числа в рассказе «Круг» может интерпретироваться (при допущении множественной трактовки) как обозначающая, с одной стороны, неопределенного повествователя, спектр реализации которого распространяется от главного персонажа до действительного автора, а с другой стороны, включать в свой экстенционал потенциального читателя, актуализирующегося на момент прочтения текста и выступающего, таким образом, своего рода соучастником и соавтором повествования. Именно сознание читателя в конечном счете обеспечивает тексту бесконечное развертывание; циклическая структура произведения, пропущенная через реально существующего реципиента, к которому присоединяет свой голос автор, обеспечивает последнему особый вид бессмертия, придавая композиционному приему онтологический статус.

Читатель, в свою очередь, получает возможность воспринять произведение в процессе непрерывного порождения, т. е. единственным, по мнению В. В. Набокова, адекватным способом: «...идея последовательности для автора попросту не существует. Последовательность возникает лишь постольку, поскольку приходится записывать одно слово за другим на идущих друг за дружкой страницах, так же как и читателю требуется время, чтобы охватить сознанием произведение, по крайней мере, когда он читает его впервые. Время и последовательность не существуют в голове автора, потому что ни временной, ни пространственный элемент не влияли на первоначально возникший образ. Если бы сознание строилось по вариантным моделям и если бы книгу можно было прочесть, как охватываешь взгляд картину, то есть не трудясь следовать глазами слева направо и без абсурдности «начал» и «концов», то это был бы идеальный способ восприятия романа, ибо именно так, а не иначе, увидел его автор в момент зарождения» (Набоков 1996: 72-73).

Интродукция «Круга», характеризующаяся полной коммуникативной неопреде-

ленностью при первом прочтении рассказа, на последующих этапах выполняет моделирующую функцию, специфика которой, по сравнению с нормативным началом, ориентированным только на последующий текст, обладает свойством разнонаправленности и способствует циклизации текстового пространства.

В. В. Набоков реализует композиционный принцип непрерывного вращения и в своем романе «Дар», с которым непосредственно связан «Круг»: четвертая глава романа начинается и заканчивается разорванным сонетом, который, соединяясь посредством читательского восприятия, образует аналогичную рассказу структуру. В романе эта структура сопровождается метатекстовым описанием, служащим ей экзистенциальным обоснованием: *...получилась не столько форма книги, которая своей конечностью противна кругообразной природе всего сущего, сколько одна фраза, следующая по ободу, то есть бесконечная.* Сам В. В. Набоков определяет это композиционное решение метафорически – «змея, кусающая собственный хвост» (Набоков 1997: 105), используя гностический символ, графически представляющий идею рождения и перерождения, символ амбивалентный, вбирающий в себя позитивное и негативное начала, материю и энергию, активность и пассивность, разум и воображение, то есть мироздание в целом (Cirlot 1988: 285-290). В эстетической системе В. В. Набокова круговая структура воплощает идеальный способ существования художественного произведения, являясь одновременно проекцией метафизических представлений о циклической природе универсума, характерных для эпистемического поля эпохи.

Нарушение законов построения интродукции, вытекающих из факта линейности языка и, следовательно, его временного развертывания слева направо, а также принципа детерминизма и последовательного ввода читателя в мыслимый мир произведения позволяет утверждать, что в рассказе «Круг» на всех уровнях реализована стратегия антиципации.

Литература

1. *Барт Р.* Нулевая степень письма. – М.: Академический Проект, 2008. – 431 с.
2. *Лотман Ю. М.* О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // *Лотман Ю. М. Семиосфера.* – СПб: «Искусство–СПБ», 2000. – С. 427-430.
3. *Набоков В.* Искусство литературы и здравый смысл // *Звезда.* – 1996. – № 11. – С. 65-73.
4. *Набоков В. В.* Предисловие к английскому переводу рассказа «Круг» («The Circle») // *В. В. Набоков: pro et contra.* – СПб: РХГИ, 1997. – С. 105-106.
5. *Николаева Т. М.* Краткий словарь терминов лингвистики текста // *Новое в зарубежной лингвистике.* – Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 467-471.
6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с. (СОШ).
7. *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
8. *Топоров В. Н.* О поэтическом комплексе моря и его психофизиологических основах // *История культуры и поэтика.* – М.: Наука, 1994. – С. 11-52.
9. *Cirlot J. E.* A dictionary of Symbols. – London: Routledge, 1988. – 508 p.

ИСТОРИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

- ◆ Риторическая и стилистическая концепции профессора В. П. Вомперского
- ◆ Лингвистическая рефлексия Станислава Шимича

ВОМПЕРСКИЙ Валентин Павлович (1924, Борисоглебск Воронежской обл. – 1995, Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Автор более 120 научных работ. Среди них: *Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей.* – М., 1971; *Словари XVIII века: Библиографический указатель.* – М., 1974.

ШИМИЧ Станислав (1904, Дриновци – 1960, Загреб) – хорватский поэт, писатель, литературный критик, переводчик из Боснии и Герцеговины, младший брат Антуна Бранко Шимича, одного из величайших хорватских поэтов. В его работе «Язык и поэт» (Загреб, 1955) представлена оригинальная теория стиля.

Н. Н. Василькова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

ПУТЬ ИСТИННОГО УЧЕНОГО: В. П. ВОМПЕРСКИЙ

Данная статья представляет собой краткий очерк творческого пути известного ученого-русиста, знатока и ценителя истории русского литературного языка, популяризатора отечественного риторического наследия, профессора Московского университета В. П. Вомперского. Из всего богатства филологического наследия В. П. Вомперского автор освещает лишь наиболее характерные направления, определившие самобытность, цельность и завершенность его научной деятельности. В статье приводятся некоторые биографические сведения, а также дается характеристика основополагающих научных исследований В. П. Вомперского.

Ключевые слова: В. П. Вомперский, история русского литературного языка, риторика, лексикография.

Natalia N. Vasilkova

(Lomonosov Moscow State University)

THE PATH OF THE TRUE SCIENTIST: V. P. VOMPERSKY

This article represents a short essay of a creative way of the famous scientist in Russian philology, expert and judge of history of the Russian literary language, the author, providing popularity of domestic rhetorical heritage, professor of the Moscow university V. P. Vompersky. From all richness of philological heritage of V.P. Vompersky the author shows only the most characteristic directions which defined originality, integrity and completeness of his scientific activity. Some biographic information is provided in article, and also the characteristic of fundamental scientific researches of V. P. Vompersky is given.

Key words: V. P. Vompersky, history of Russian literary language, rhetoric, lexicography.

Валентин Павлович Вомперский – выдающийся филолог-русист, тонкий знаток и ценитель истории русского литературного языка, популяризатор отечественного риторического наследия, Учитель милостью Божией! Известность профессора В. П. Вомперского вышла далеко за пределы лингвистического круга коллег – его имя помнят специалисты и любители словесности не только в нашей стране, но и за рубежом.

В. П. Вомперский родился 3 июля 1924 г. в городе Борисоглебске Воронежской области в семье служащих. Капитолина Дмитриевна Вомперская, его мать, работала учительницей в школе. Именно она сумела воспитать в сыне такие качества, как трудолюбие, столь необходимое в его будущей профессии, любовь к знаниям, книгам и истории, понимание живописи и классической музыки. Энциклопедическая эрудиция Валентина Павловича, основы которой были заложены в годы обучения, нередко поражала тех, кому доводилось с ним работать. Он закончил два высших учебных заведения: сначала Борисоглебский учительский институт и затем филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Выбор места учебы, сделанный им тогда в 1945 году, предопределил на долгие годы сферу его научных и профессиональных интересов. В те годы МГУ славился такими блестящими учеными, как профессора С. И. Ожегов, Е. М. Галкина-Федорук, академик В. В. Виноградов, по рекомендации которого в 1950 г. В.П. Вомперский был принят в аспирантуру кафедры русского языка филологического факультета. В 1953 г., после окончания аспирантуры, он был направлен на кафедру стилистики русского языка, которая была создана на новом факультете МГУ – факультете журналистики. Здесь, в стенах исторического здания университета, Валентин Павлович проработал тридцать, можно сказать, самых плодотворных лет своей профессиональной жизни, пройдя путь от преподавателя до маститого, всеми уважаемого профессора. Научная компетентность, высокая культура общения, доброжелательное

и уважительное отношение к студентам, аспирантам и сотрудникам снискали Валентину Павловичу заслуженное уважение на факультете. Об этом говорит тот факт, что под его научным руководством около сорока аспирантов защитили кандидатские диссертации. Среди них были и преподаватели, составляющие сегодня костяк научно-преподавательского коллектива кафедры стилистики русского языка, некоторые из которых впоследствии сами стали докторами наук и получили профессорское звание. Чувство бесконечной благодарности своему учителю за поддержку и признание незыблемости научного авторитета Валентина Павловича Вомперского, сохраненное и пронесенное ими через годы, позволяет говорить о неразрывности связи научных традиций, идей и людей.

Именно объединение филологических традиций, воплощенных в его трудах, научных идей, продолжающих его замыслы, и актуальных задач, порожденных днем сегодняшним, характерно для научной школы стилистики, в формирование которой внес огромный вклад профессор В. П. Вомперский. У истоков создания кафедры стилистики русского языка на факультете журналистики МГУ стоял профессор К. И. Былинский, с именем которого связано становление практической стилистики русского языка как самостоятельной дисциплины. В разные годы в рамках сложившегося научного направления блистали такие научные светила, как А. В. Калинин, Д. Э. Розенталь, И. В. Толстой и многие другие известнейшие ученые.

Особенностью личности В. П. Вомперского как ученого был неизменный интерес к истории русского литературного языка, который не ослабевал на протяжении всего его творческого пути. Так, в год защиты докторской диссертации, в 1970 году, им была опубликована монография «Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей», которая сразу же принесла автору заслуженную известность и признание. В этом фундаментальном исследовании автор, опираясь на предшествующие научные традиции, обстоятельно проанализировал существовавшие к тому времени лингви-

стистические теории, выявил и систематизировал общие закономерности, а также источники Ломоносовской теории трех стилей. Важность этого исследования трудно переоценить, так как в нем представлено не только историко-лингвистическое толкование стилистической концепции трихотомичности, но и сделан значительный вклад в освоение и осмысление богатейшего филологического наследия М. В. Ломоносова. Необходимо отметить, что сам В. П. Вомперский в своих научных изысканиях постоянно возвращался к этому наследию.

В 1983 году Валентин Павлович Вомперский перешел на работу в Институт русского языка Академии наук СССР (затем РАН) в качестве заместителя директора по научной работе. Тогда же он возглавил сектор лингвистического источниковедения и истории литературного языка. Сменив место работы, он не сменил, однако, сферу своих научных интересов, продолжая исследования в области истории литературного языка. В 1986 году в свет вышла книга «Словари XVIII века», которая представляет собой справочник, содержащий всеобъемлющий аннотированный указатель лексикографических трудов восемнадцатого века. В нем содержится описание словарных изданий различного типа, включая толковые и энциклопедические, специальные и школьно-учебные, двуязычные и многоязычные, а также сборники пословиц и поговорок. Информацию для своей книги Валентин Павлович собирал долгие годы.

С именем В. П. Вомперского связано возрождение интереса к риторическому наследию. Исследователь, обладающий феноменальной научной интуицией, он был среди тех филологов и литературоведов, кто почувствовал необходимость возвращения к бесценным сокровищам русской культуры. Ренессанс риторики, начавшийся в последней четверти XX в. и не иссякший до наших дней, своим существованием обязан таким лингвистам, как С. С. Аверинцев, Ю. М. Лотман, Ю. В. Рождественский, Л. К. Граудина и, конечно, В. П. Вомперский. За свои исследования в области риторики и популяризаторскую деятельность ученый в 1980 г. был избран почетным чле-

ном Международного общества риторики. Итогом его многолетней работы в этом направлении стала монография «Риторика в России XVII – XVIII вв.» (М., 1988 г.).

В этой книге рассмотрена история стилистических теорий в России XVII – XVIII вв. В монографии, как писал автор, решаются две задачи – с одной стороны, дается исторический очерк становления и развития отечественной риторики и, с другой стороны, показано риторическое знание как форма обобщения действительности. Исследование проведено на широком филологическом материале, включающем в себя труды Макария, М. Смотрицкого, М. И. Усачева, А. Х. Белобоцкого, И. Галятовского, С. Яворского, Г. Данииловского, Л. Крценовича, Ф. Прокоповича, А. Д. Кантемира, В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова и др., а также содержит тексты рукописных и редких печатных источников.

В девяностые годы Валентин Павлович занимался творческим наследием выдающегося отечественного филолога П. М. Бицилли, жившего в эмиграции. В сферу научных интересов этого самобытного ученого, известного за рубежом, входили идеи евразийства, а также история русского литературного языка XVIII – XIX вв. и проблемы языка художественной литературы. В сотрудничестве с И. В. Анненковой Валентином Павловичем Вомперским был подготовлен к печати том «Избранных трудов по филологии» П. М. Бицилли. Книга вышла в свет уже после смерти Валентина Павловича в 1996 году.

В. П. Вомперский умело сочетал научный талант с недюжинными организаторскими способностями – состоял членом редколлегий журналов «Филологические науки» и «Известия АН СССР (сейчас РАН). Серия литературы и языка». 25 лет он отдал работе в журнале «Русская речь»: 19 лет он был членом редколлегии, а последние шесть лет с 1989 по 1995 гг. – главным редактором. Так случилось, что эти годы оказались временем бурных перемен в обществе, временем поисков новых подходов к национальным, культурным и языковым проблемам. В журнале ощущалась потребность соответствовать этим измене-

ниям, идти в ногу со временем, совершенствоваться и по содержанию, и по форме подачи материала. За эти годы «Русская речь» заметно обновилась и превратилась в интересное научно-популярное издание. Как главный редактор В. П. Вомперский привлекал новых авторов, предлагал актуальные рубрики, нередко сам писал статьи, которые становились бесспорным украшением журнала.

Валентин Павлович Вомперский был не только талантливым ученым и блестящим преподавателем – он проявил себя как прекрасный журналист. Большой популярностью у зрителей пользовалась телепередача «Русская речь», ведущим которой на протяжении нескольких лет был Валентин Павлович. Со свойственным ему обаянием

и интеллигентностью он рассказывал зрителям об истории слов и выражений, давал представление об основах культуры речи, консультировал по трудным и спорным случаям употребления языка. Свежесть материала, изящество исполнения, актуальность выделяли эти передачи. Ключевую роль в них играл ведущий, тонко чувствующий слово, его силу и красоту, никогда не грешивший безвкусицей или уловками фальшивой красоты.

В одной статье невозможно охватить все стороны необычайно многогранной и разносторонней деятельности В. П. Вомперского. Чем дальше в прошлое уходят от нас годы жизни и деятельности этого замечательного ученого, тем значительнее и весомее предстает перед нами его творческое наследие.

Литература

1. Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. – М.: Наследие, 1996. – 710 с.
2. Вомперский В. П. К истории создания «Предисловия о пользе книг церковных в русском языке» М. В. Ломоносова // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М.: Наука, 1988 – С. 209-218.
3. Вомперский В. П. Риторика в России XVII-XVIII вв. – М.: Наука, 1988. – 180 с.
4. Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. – М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1970. – 210 с.
5. Вомперский В. П. Словари XVIII века. – М.: Наука, 1986. – 137 с.

Перина Меич
(Мостарский университет, Босния и Герцеговина)

СТАНИСЛАВ ШИМИЧ – О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ

Младший брат известного хорватского поэта Антуна Бранко Шимича, Станислав Шимич, несомненно, принадлежит к числу авторов хорватской литературы XX века, обладающих уникальным стилем. Свои теоретические взгляды о языке Шимич начал систематично высказывать в середине XX века, а большую часть своих трудов о восприятии языка и стиля объединил чуть позже – в 1955 году в книге «Язык и поэт». Из ряда текстов, опубликованных в этой книге, как парадигматический можно выделить одноименную статью («Язык и поэт»), в которой Шимич обозначил, что для него является (хорошим) стилем, высказав свои взгляды на язык в целом, а затем и на язык поэзии и язык критики.

Ключевые слова: Станислав Шимич, стиль, хорватская литература XX века.

Perina Meić
(University of Mostar, Bosnia and Herzegovina)

STANISLAV ŠIMIĆ ABOUT LANGUAGE AND STYLE

Younger brother of famous Croatian writer A. B. Šimić, Stanislav Šimić, was one of the authors of the most intriguing style in the Croatian literature of 20th century. His theoretical views were more systematically articulated in the middle of century, and his most important texts about the way he understands a language and style were published as a whole later, in 1955, in his book “Language and a poet”. Among variety of texts that were published in that book we can emphasise, as a paradigmatic one, the text of the same title (“Language and a poet”), where Šimić showed what a (good) style is for him, and his view of language in general, as well as his view of language of poetry and critics.

Key words: Stanislav Šimić, style, Croatian literature of 20th century.

Младший брат известного хорватского поэта Антуна Бранко Шимича, Станислав Шимич, несомненно, принадлежит к числу авторов хорватской литературы XX века, обладающих уникальным стилем. Свои теоретические взгляды о языке Шимич начал систематично высказывать в середине XX века, а большую часть своих трудов о восприятии языка и стиля объединил чуть позже – в 1955 году – в книге «Язык и поэт». Из ряда текстов, опубликованных в этой книге, как парадигматический можно выделить одноименный текст («Язык и поэт»), в котором Шимич обозначил, что для него является (хорошим) стилем, высказав свои взгляды на язык в целом, а затем и на язык поэзии и язык критики.

Свои взгляды на данные вопросы Шимич разрабатывал, формулируя несколько тезисов. Среди них как наиболее четко сформулированный выделяется тезис о необходимости принятия мер для сохранения оригинальности и чистоты языка, а также тезис об отсутствии необходимости какого-либо вида культивирования языка и борьбы за свободу и креативность поэтического высказывания. Кроме того, автор подчеркивает, что язык являет собой выражение духа народа, который на нем говорит.

Оригинальность языка и языковой пуризм

Тезисы Шимича о языке и стиле неотделимы от его размышлений о литературной критике. Как литературный критик Шимич последовательно высказывался за оригинальность, отступление от того, что является общепринятой поэтической доминантой и против какого-либо вида утилитаризма. Как и в случае литературной критики, и в поэзии, напоминает Шимич, новый или, как он говорит в своем особом стиле, «незатертый язык», способствует художественной ценности и качеству текста. Главной задачей каждого поэта является сохранение стиля, связанного с семантическими различиями, которые, в свою очередь, выражаются как отступление от общепринятого. В соответствии с вышесказанным Шимич считал, что главная задача поэтов – «искать в языке то, что в литературе еще не было использова-

но» (Šimić 1955: 17). Автор далее расширяет концепцию стиля как отступления от нормы, указывая, что (хороший) стиль создается в результате осуществления двух взаимосвязанных действий: выбора, а затем и комбинации выбранных языковых знаков.

Когда речь идет о выборе между различными альтернативами, Шимич ясно указывает в своем тексте, что он считает хорошим стилем. По мнению этого литературного критика, главный совет писателям в отношении выбора стиля гласит: руководствуйся принципом предпочтения слов, которые реже используются. Всех тех, кто не склонен пользоваться решениями, указанными в рассматриваемом тексте, автор подверг острой критике, пользуясь аргументацией, в которой он путем аналогии связал рассмотрение возможности выбора новых, редко используемых слов с моделями оригинального мнения: «Если кто-то пишет новым языком, его упрекают: для чего нужны слова, которые сегодня никто не использует и которые не всем понятны! Почему же также не просветляют: зачем мысли, которых мы до сих пор не знали?» (Šimić 1955: 19).

Несмотря на недвусмысленную поддержку, как называет их Шимич, новых или «молодых» слов, он отмечает, что они не являются единственной предпосылкой и условием для хорошего стиля. На примере хорватских писателей старшего поколения, среди которых Шимич в упомянутом тексте особо выделяет Франа Курелца, Анту Старчевича, Миховила Павлиновича и Натка Нодица, автор подчеркивает важность умения комбинировать выбранные языковые знаки. Ценность стиля упомянутых авторов, по мнению Шимича, связана с двумя фактами: а) с тем, что эти авторы умели выбирать *новые* слова, слова не «затертые» частым использованием, и б) с тем, что они обладали безошибочным чутьем при комбинации выбранных слов. В продолжение размышления об упомянутых авторах Шимич сделал общее заключение, что их тексты – наглядный пример того, как то, старшее, поколение писателей обладало лучшим и более выработанным стилем, чем многие его современники.

Практическим результатом того, что образуется на уровне парадигмы (то есть выбора) и синтагмы (то есть комбинации выбранных языковых знаков) является разработка того нового, которое Шимич считает ключевым для хорошего стиля. Кроме указанного, хороший стиль, по Шимичу, характеризует ясность выражений и отсутствие ненужных слов. Шимич рекомендует «не писать излишних слов, излишних предложений, излишних мнений; писать то, что необходимо» (Šimić 1955: 9). Тем не менее в отличие от того, что Шимич отстаивал в теории, сам он в своих многочисленных текстах, по мнению Перы Шимуновича, «использовал много внешних эффектов, тяжелых слов, проявлял склонность к часто необузданной вербальной игре» (Šimunović 1997: 33). Этот его (прежде всего критический) стиль Мирослав Ваупотич прокомментировал следующими словами: «И нам часто становится ужасно скучно при чтении его плоских мудрствований, которые так же переходят в звуковую пустоту самих слов, лишенных смысла» (Vaupotić 1975: 16).

Поддержание языкового пуризма или, по словам самого Шимича, отказ от «непригодных в языковом аспекте и плохих слов» (Шимич 1955: 16), является еще одним принципом хорошего стиля. Слова, заимствованные из других языков, Шимич считал словами-паразитами, утверждая, что их используют только те, кому чужд язык. Для того, чтобы писатель мог писать как следует, Шимич советует «очистить соринки и остругать с языка грязь, которая к нему прилипла, пока другие им злоупотребляли» (Šimić 1955: 18). Подобные пуристические взгляды Шимича в определенной мере связаны и с тем, что он был противником фонетического и сторонником коренного правописания.

Как писатель, особо чувствительный в отношении решений, с которыми ему приходилось сталкиваться в фонетической орфографии, Шимич знаменитое правило «пиши, как говоришь» обозначил как «вульгарный способ передачи содержания при помощи слов» (Šimić 1955: 37). Применение фонетического правила Шимич

считал доказательством того, что автор «не понимает слово по-настоящему, а лишь поверхностно, не пытаясь его увидеть и услышать, чтобы понять, что в него вложено, что оно означает; только краем уха услышит, как оно звучит и отзывается, звенит и всхлипывает» (Šimić 1955: 25).

Фонетическая орфография, по словам Шимича, не учитывает прошлое слова, в результате приводит к развитию «стиля заик» (Šimić 1955: 37). В качестве примера неадекватности и ущербности применения фонетического принципа в орфографии Шимич в упомянутом тексте приводит слово *voćstvo* – лидерство, руководство (Шимич 1955: 28). Подчеркивая, что корень данного слова находится в словах *vesti* и *вождь* (хорватский – *voditi* и *vođa*. – Прим. пер.), он указал на возможные недоразумения, которые могут возникнуть, если в данном, равно как и в других, случае будет строго соблюдаться принцип фонетического правописания (Шимич, очевидно, имеет в виду то, что *voće* в переводе с хорватского означает «фрукты». – Прим. пер.). Единственная достойная альтернатива фонетической орфографии – это коренная или этимологическая орфография. «Кто пишет по правилам этимологической орфографии, заставляет себя думать и учиться думать; кто пишет по фонетическим правилам – глупеет» (Šimić 1955: 25).

Против «насильственной» культивации языка, или язык как творение и игра

С требованиями сохранять оригинальность и чистоту языка согласуется и резкое сопротивление Шимича тому, чтобы принять какую-либо, по его словам, «насильственную» культивацию языка. Высказывая негодование в связи с языковой унификацией и теоретической «рационализацией», Шимич предупреждал, что если с языком совершать действия, противные самой его природе, то он обезобразится и превратится «в духовное пугало» (Šimić 1955: 15).

Тех, кто занимается языком в теоретическом аспекте, Шимич разделил на две группы («языкоговорителей» и «языкох-

валителей») и подверг критике с одинаковой жесткостью. Шимич был негативно настроен по отношению к «языкохвалителям», то есть тем, кто чересчур и некритически хвалит язык. В то же время он был и острым критиком «языкоговорителей», то есть тех, кто, по мнению Шимича, различные языковые возможности урезает путем введения правил и неестественных орфографических предписаний. Филологическое редактирование языка было настолько неприемлемо для Шимича, что он называл филологов «пачкунами, недоучкам и писаками, которые насильственно разбивают язык, взламывают его и убивают в нем жизнь» (Šimić 1955: 15). Помимо этого, он выразил уверенность в том, что хорошо развитое чувство языка и оригинального стиля чаще могут встретиться у необразованного сельского жителя, нежели у ученых филологов, которых он в этом, как и в некоторых других текстах подверг острой критике.

Нечувствительность к языковым нюансам яснее всего Шимич подметил у тех филологов, которые говорят и пишут о синонимии (например, Томо Маретич). Недвусмысленно высказав свое мнение о том, что абсолютных синонимов не бывает, он в работе «Язык и поэт» указал на несколько примеров слов, не имеющих одинакового значения (например: *сильно – очень, весьма – здорово, родная страна – Родина; дурашливый – сумасшедший – безумный – глупый*), которые тем не менее отдельные «языкоговорители», по мнению Шимича, абсолютно неоправданно, провозгласили синонимами. Не заметить подобные семантические варианты, с точки зрения этого литературного критика и писателя, непростительно. «Одно слово отличается от другого слова, которое считается его синонимом, по корню и развитию, по звуку и весу, по цвету и форме, по внутренним и внешним свойствам; это тем заметнее, чем больше развиты чувства и помышления человека, который выбирает слово, что выразится с его помощью» (Šimić 1955: 23).

Особенно чувствительный к (не)определению нюансов в значениях слов, Шимич поддерживал и мнение о важности

контекста, указывая, что слово, стоящее в связи с другими словами, «может менять свое значение» (Šimić 1955: 20). Эта возможность особенно заметна в поэтическом языке, который, по Шимичу, открывает невероятные возможности в выражении самых разных смыслов, равно как и в художественном творении. Согласно вышеизложенному пониманию, он категорически не соглашается с тем, что язык можно рассматривать как средство для «обычного разъяснения» (Šimić 1955: 17).

Обращаясь к тому, что еще Р. Джейкобсон определил как поэтическую функцию языка, Шимич большие возможности видел в игровом потенциале языка, который, как он утверждал, привязан к игре. Настаивая на внутреннем и внешнем соответствии слов, он также указал, что игра (и творчество) в языке намного серьезнее, чем необязывающая игра слов, с которой она обычно (неправильно) отождествляется. Подобные размышления родились у Шимича под несомненным влиянием мнений об игре, которые в свое время высказывали Ф. Шиллер или Й. Хейзинга. Отсюда же растут корни его поддержки поэзии, в которой «ироничность, парадокс и аллюзия не будут являться чем-то необычным» (Šimunović 1997: 146).

Помимо языка поэзии, Шимич в упомянутой работе уделил внимание и языку литературной критики, которая, по его мнению, является особым видом искусства. Он подчеркивал, что литературная критика – это «язык о языке» (Šimić 1955: 5), и резко отзывался обо всех безуспешных попытках написания критических статей, выражения в которых, по оценке Шимича, абсолютно недопустимы. Равно как ни сама критика не является (только) посредником между произведением и читателем или средством рекламы, а представляет особый вид творчества и изобретательства, так и язык критики, по мнению Шимича, заслуживает особого внимания и человека, владеющего стилем. Умение выбрать правильное, «новое» слово, как и интуиция (которую он часто выделял как необходимую предпосылку для того, чтобы кто-то вообще мог стать критиком), – это то, что,

как считает Шимич, не имеет отношения к эрудиции.

Язык – выражение духа народа

В отличие от большей части тезисов, высказанных в работе «Язык и поэт», в которых в качестве ключевой фигурирует концепция (поэтического) языка и стиля как индивидуальных категорий, Шимич в нескольких местах пускается и в общие размышления о языке. Эти размышления появились под влиянием тезисов Гумбольдта, в которых он подчеркивает, что каждый язык является выражением духа некоего народа. Желая предоставить аргументированное объяснение подобного мнения, Шимич в указанной работе выдвигает гипотезу о том, что даже эсперанто мог бы стать народным языком, «если бы им пользовался весь какой-нибудь народ, жил бы с ним, если бы он проникся его (народа. – *Прим. пер.*) телесной, душевной и духовной жизнью в течение десятилетий и столетий, оживил бы механический застой его средств для понимания и приобщения, стал бы живым органом народа и выражением народной целостности» (Šimić 1955: 26). По предположению Шимича, развитие эсперанто в таких условиях привело бы в результате к тому, что после длительного периода «эсперанто хорватского народа отличался бы от эсперанто польского народа настолько, насколько отличаются их сегодняшние языки» (Šimić 1955: 26). Важность духа языка Шимич подчеркивал, выдвигая еще одну, достаточно смелую, гипотезу о том, что, если из чужих слов сформировать предложения в духе хорватского языка, они «будут хорватскими» (Šimić 1955: 26).

***

Литературный критик и поэт Станислав Шимич в работе «Язык и поэт» изложил свои теоретические взгляды и сформулировал некоторые общие принципы в отношении языка и стиля. Очевидно, что большая их часть была сформирована под влиянием, по мнению Шимича, релевантных лингвистических или поэтических авторитетов. По большей части его взгля-

ды формировались под влиянием учения лингвиста Франа Курельца, представителя триестинской филологической школы, известного сторонника коренной орфографии и языкового пуриста особого типа, про которого и сам Станислав Шимич говорил, что «он рассуждал о языке безошибочно поэтично» (Šimić 1955: 10). По его следам Шимич (в теории и на практике) выступал за активизацию богатства выразительных средств языка и актуализацию так называемой пассивной лексики (языка, не затертого частым использованием). Отдавая предпочтение словам, которые употребляются реже, он также выступал и за использование новых слов, которые и сам создавал, добавляя морфемы (чаще всего приставки и суффиксы) к корню слова. Подобный вид языковой инновационности, без сомнения, был обусловлен ярко выраженной аффирмативной позицией Шимича по отношению к так называемому коренному (этимологическому) правописанию, которое для писателя было единственно правильным.

Его точку зрения о поэтическом языке как об игре, также лежащую в основе размышлений Шимича о поэтическом языке и стиле, в данном тексте можно сравнить с размышлениями Шиллера о том, что человек является человеком в полном смысле этого слова только «тогда, когда он играет» (Schiler 1967: 168), или с Й. Хейзингой и его тезисами, выдвинутыми в известной книге «Человек играющий», о том, что «поэзия рождена в игре» (Huizinga 1992: 122) и «поэтический язык – язык игры» (Huizinga 1992: 123). Влияние одного из основоположников общей лингвистики Вильгельма фон Гумбольдта, согласно которому язык – «специфическая эманация духа народа» (Ivić 19: 39), отчетливо видно как в этой, так и в некоторых других работах Шимича.

И если в своих теоретических работах Шимич следовал, по его мнению, авторитетам в области лингвистики и поэзии, на практике он (как поэт, а особенно как критик и эссеист) придерживался оригинальности и очевидной стилистичности выражений на парадигматическом и синтагма-

тическом уровне. Тем самым он показал, что узнаваемый и особый стиль совсем не обязательно должен быть связан с теоретическими размышлениями и авторитетами,

чем подтвердил слова К. Крауса, в которых суммируется опыт работы Шимича с языком и стилем: «Слово – мать, а не слуга мысли».

Литература

1. Ivić M. Pravci u lingvistici. – Ljubljana Državna založba Slovenije, 1975. – 302 s.
2. Huizinga J. Homo ludens. – Zagreb: Naprijed, 1992. – 198 s.
3. Schiler F. O lepom. – Beograd: Kultura, 1967. – 324 s.
4. Šimić S. Jezik i pjesnik. – Zagreb: Društvo književnika Hrvatske, 1955. – 289 s.
5. Šimunović P. Kritika i hereza. – Mostar: Ziral, 1997. – 158 s.
6. Vaupotić M. Predgovor u knjizi: Stanislav Šimić, Josip Bognar, Otokar Keršovani. Izabrana djela. – Zagreb: Zora : Matica hrvatska, 1975. – 560 s.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

- ◆ Научный семинар Московской школы стилистики «Актуальные проблемы стилистики: Язык СМИ и культура. Чтения памяти профессора И. В. Толстого»

Г. Я. Солганик, Е. Л. Вартанова, Н. И. Клушина, Я. Н. Засурский
и В. И. Толстой в президиуме научного семинара

Владимир Ильич Толстой и Фекла Толстая

Л. Е. Малыгина
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА СТИЛИСТИКИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Хроника посвящена научному семинару «Актуальные проблемы стилистики», постоянно действующему на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. 26 февраля 2015 года в рамках семинара Московской школы стилистики состоялась научная дискуссия «Язык СМИ и культура», а также чтения памяти профессора И. В. Толстого (к 85-летию со дня рождения).

Ключевые слова: научный семинар, «Актуальные проблемы стилистики», Московская школа стилистики, язык СМИ и культура, профессор И. В. Толстой.

Lidia E. Malygina
(Lomonosov Moscow State University)

MOSCOW STYLISTICS SCHOOL: TRADITION AND MODERNITY

Chronicle is dedicated to the scientific seminar “Actual Problems of Stylistics”. It is always standing at the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. On February 26, 2015 at the workshop of the Moscow Stylistics School a scientific discussion “Media Language and Culture” was held, as well as readings in the memory of Professor I. V. Tolstoy (for the 85th anniversary of his birth).

Key words: scientific seminar “Actual Problems of Stylistics”, the Moscow Stylistics School, Media Language and Culture, Professor I. V. Tolstoy.

26 февраля 2015 года на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова прошел научный семинар Московской школы стилистики «Актуальные проблемы стилистики». В рамках семинара состоялась научная дискуссия «Язык СМИ и культура» и чтения памяти Ильи Владимировича Толстого – профессора факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, долгие годы возглавлявшего кафедру стилистики русского языка (к 85-летию со дня рождения).

Встречу открыла Е. Л. Вартанова, декан факультета журналистики, доктор филологических наук, профессор: «Наш язык во многих его проявлениях формируется под влиянием массмедиа. Необходимо изучать эти явления. При этом нужно двигаться в двух направлениях: с одной стороны, формировать норму, задавать высокую планку, с другой стороны, вспоминать истоки, опираться на традиции. Сегодняшний научный семинар Московской школы стилистики показал, что факультету журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова в целом и кафедре стилистики русского языка в частности удастся объединить эти важные вещи. В этом отношении фигура профессора Московского университета Ильи Владимировича Толстого идеальна для того, чтобы мы поняли, как интеллигент, представитель замечательной фамилии, может влиять на формирование компетентности студентов в области русского языка. Будучи очень ярким человеком, И. В. Толстой был блестящим преподавателем. Мы пытаемся передать новым поколениям студентов те знания, которым он учил нас, чтобы сохранить чистоту, богатство и, как сказал великий предок Ильи Владимировича Лев Николаевич Толстой, пышность русского языка».

Своими воспоминаниями о И. В. Толстом поделился и президент факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова профессор Ясен Николаевич Засурский: «И. В. Толстой был у нас на факультете преподавателем, потом доцентом, затем профессором – прошел все ступени преподавательской деятельности. Он был очень любим студентами, всегда с ними общался.

Они часто подходили к нему на переменах. Толстой был очаровательным человеком, и эта симпатия студентов была признанием не только его человеческих качеств, но и следствием того, что он был очень интересным человеком».

Почетными гостями научных чтений стали потомки великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Владимир Ильич Толстой – заслуженный работник культуры Российской Федерации, советник Президента Российской Федерации по культуре, праправнук Льва Толстого, сын Ильи Владимировича Толстого – рассказал о важных событиях в истории своей семьи и с большой теплотой вспомнил о своем отце, его программах на телевидении и работе на факультете журналистики. В. И. Толстой рассказал о насущных проблемах в области культуры и искусства современной России: «Язык СМИ и культура» – это тема государственной важности. Язык средств массовой информации в значительной степени формирует сегодняшнюю и завтрашнюю личность, а значит, и наше общество в целом. Язык СМИ должен стремиться к эталону русского языка. Этим всю жизнь занимался мой отец Илья Владимирович Толстой. Он вел программу на телевидении «Родная речь», организовал в стенах факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова спецсеминары для дикторов радио и телевидения. Всех своих студентов он прежде всего пытался научить образному, красивому, точному русскому языку. Сегодня мы наблюдаем процессы, которые обедняют речь журналистов, поэтому требуются усилия для того, чтобы вернуть русскому языку то место, которое он должен занимать в жизни общества, в жизни нашей страны».

На встрече присутствовала дочь Владимира Ильича Толстого – Екатерина Толстая. Ей удалось найти в архиве редкие фотографии своего деда Ильи Владимировича Толстого, а также воспоминания о нем его родственников и друзей.

Филолог, журналист, теле- и радиоведущая, заведующая отделом развития Государственного музея Л. Н. Толстого Фекла Толстая рассказала собравшимся

об уникальном проекте «Толстой в один клик», благодаря которому появилась возможность пользоваться электронным собранием сочинений Льва Николаевича Толстого. Праправнучка Л. Н. Толстого, дочь академика Н. И. Толстого поделилась и личными воспоминаниями о профессоре И. В. Толстом: «Мне было сегодня очень приятно побывать на факультете журналистики, потому что с этим зданием связана жизнь моих родителей. Мой отец пришел сюда студентом в 1945 году, потом здесь училась моя мама. Мой дядя Илья Владимирович Толстой преподавал здесь, с факультетом связана вся его научно-педагогическая жизнь. Я всегда относилась к факультету журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова немного с завистью. Я закончила другой факультет Московского университета, но мне всегда хотелось заниматься журналистикой, и, к счастью, я смогла реализовать это желание. Очень важно, что сегодня на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова состоялись научная дискуссия «Язык СМИ и культура» и чтения к 85-летнему юбилею со дня рождения Ильи Владимировича Толстого. Для меня Илья Владимирович Толстой и мой отец Никита Владимирович Толстой были образцами отношения к своей стране, к своему языку, к своей культуре».

Собравшихся приветствовал заведующий кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова профессор Г. Я. Солганик. Он с большим почтением вспомнил о каждом из своих предшественников на посту заведующего кафедрой, в том числе и об Илье Владимировиче Толстом, рассказал о традициях Московской школы стилистики: «Факультет журналистики славится своей историей. На кафедре стилистики русского языка сложилась научная стилистическая школа, которая сохраняет и развивает традиции, заложенные такими известными учеными, как К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь, В. П. Вомперский, Н. Н. Кохтев, И. В. Толстой и др. Московская школа стилистики, сложившаяся на факультете журналистики, не только чествует своих профессоров (в октябре 2014 г. отмечалось

90-летие со дня рождения В. П. Вомперского), но и продолжает их начинания».

О современных направлениях развития кафедры стилистики русского языка рассказала доктор филологических наук, профессор Н. И. Клушина: «И. В. Толстой занимался вопросами развития русского языка за рубежом. И на факультете журналистики с 2015 года начинает издаваться Международный научный журнал «Актуальные проблемы стилистики», посвященный теоретическим вопросам стилистики, в частности медиастилистики (что актуально для нашего факультета и является значимым направлением в современной филологической науке), и славистики в целом. Глава редакционного совета – проф. Е. Л. Вартанова, главный редактор – проф. Г. Я. Солганик, члены редколлегии – известные ученые из Польши, Австрии, Чехии, Словакии, Сербии, Белоруссии, Украины и других стран. Журналов, посвященных изучению стилистики, во всем мире насчитывается только три. Они издаются в Америке, Польше и Сербии. Наш журнал считает своей приоритетной задачей развитие международного научного сотрудничества в области стилистики и публикацию наиболее значимых результатов».

Доктор филологических наук, ординарный профессор Института славистики университета имени Карла и Франца в Граце (Австрия) Бранко Тошович приветствовал участников семинара в видеообращении: «С 1985 по 1989 год я работал в Москве, преподавал студентам факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова сербско-хорватский язык, готовил докторскую диссертацию на тему «Глагол в функциональных стилях». Я часто приезжал работать в библиотеку, собирал материал для исследования, консультировался с ведущими профессорами и специалистами в области стилистики. Однажды я зашел на кафедру стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, там я познакомился с профессором И. В. Толстым. Мы, конечно, не были близкими друзьями, но у меня сложилось о нем впечатление как об очень добром человеке, готовом помочь. Он инте-

ресовался вопросами преподавания русского языка за рубежом и глубоко в этом разбирался. Приятно, что современная кафедра стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова усилиями Г. Я. Солганика и Н. И. Клушиной активно развивает международное сотрудничество».

Исследователь из Польши Эва Бялек в своем выступлении отметила возросшую роль русского языка за рубежом на современном этапе.

Главный редактор портала «Русский мир» Б. Н. Серов рассказал о культурно-просветительской миссии портала и приветствовал участников научного семинара, приехавших из Санкт-Петербурга, Омска и Красноярска.

Профессор И. В. Толстой уделял особое внимание популяризации русского языка в СМИ (телепрограмма «Родная речь»). И сегодня преподаватели кафедры стилистики ведут уникальные циклы научно-популярных программ на «Радио России», «Радио Москвы», радиостанции «Маяк», «Народном радио».

Ведущая программы «Говорим правильно» радиостанции «Маяк», кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Л. Е. Малыгина рассказала об аудиокниге «Московская школа стилистики»: «История возникновения этого уникального интерактивного учебника необычна. Изначально цикл научно-популярных программ был адресован массовой аудитории государственных и коммерческих радиостанций. Ежедневно в прямом эфире «Радио Москвы», «Радио России», «Народного радио», радио «Маяк» сотрудники кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова отвечали на вопросы радиослушателей, связанные с изучением русского языка как средства коммуникации, а также раскрывали проблемы культуры речи и медиаграмотности в современном российском обществе. Так и родилась эта аудиокнига».

В научной дискуссии «Язык СМИ и культура» с докладами выступили писатель, доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова О. А. Клинг; декан очного факультета Литературного института им. Горького, член Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор М. В. Иванова; заведующая кафедрой истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор Е. И. Орлова; доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научной работе и заведующая кафедрой медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ Е. Н. Басовская; кандидат филологических наук, доцент кафедры массовой информации и коммуникации Омского государственного педагогического университета Т. Н. Скок; кандидаты филологических наук, доценты кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова С. Ф. Барышева, Н. Н. Василькова, И. А. Вещикова, Н. Н. Вольская, Л. Т. Касперова, А. В. Николаева, Н. В. Смирнова, Т. И. Сурикова и другие.

После научного семинара в интервью тележурналистам декан очного факультета Литературного института им. А. М. Горького, член Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор М. В. Иванова сказала: «Кафедра стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова разрабатывает основные проблемы изучения языка СМИ, делает это на очень высоком научно-исследовательском уровне. Сегодня здесь собрались ведущие специалисты в этой области. Уже вышла интереснейшая, объемная монография «Язык СМИ и политика», теперь вся филологическая общественность с нетерпением будет ждать выхода монографии «Язык СМИ и культура».

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

- ◆ Отчет о деятельности
Стилистической комиссии за 2014 год

Почетный председатель
Стилистической комиссии
Международного комитета славистов –
доктор филологических наук,
член Комитета по языкознанию,
член Комитета по вопросам славистики
Польской академии наук,
профессор Опольского университета
Станислав Гайда

Председатель
Стилистической комиссии
Международного комитета славистов –
доктор филологических наук,
профессор кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
Наталья Ивановна Клушина

Участники заседания Стилистической комиссии в Ополе (Польша, сентябрь 2014)

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ЗА 2014 ГОД

Стилистическая комиссия образована Международным комитетом славистов как научная организация, объединяющая ведущих ученых в области стилистики и координирующая деятельность национальных стилистических научных школ разных стран. Целью своей деятельности Стилистическая комиссия видит международное сотрудничество ученых-стилистов и развитие стилистики славянских языков. Классическая теория стилистики (функциональная стилистика, стилистика ресурсов, идиостилика) требует дальнейшего осмысления в условиях новых парадигм гуманитарного знания и разработки новых гносеологических концепций. Стилистику как особую область филологии необходимо дифференцировать от смежных/конкурирующих направлений (дискурсологии, коммуникативистики, неориторики, лингвистики текста, прагматики и др.), следует уточнить ее предмет, объект, категории и методы исследования. Основная задача Стилистической комиссии – сохранение славянской стилистической традиции, уточнение и углубление теоретической и практической основ стилистики, поиск новых методов и направлений, а также придание ей новых импульсов развития в условиях глобального информационного общества.

Вдохновителем и организатором Стилистической комиссии стал известный ученый, член Комитета по языкознанию, Комитета по вопросам славистики Польской академии наук, профессор Опольского университета Станислав Гайда. В 2013 году по его предложению Комиссию возглавила профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Наталья Ивановна Клушина.

Декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова профессор Елена Леонидовна Вартанова приветствовала участников Первого открытого заседания Стилистической комиссии в стенах вверенного ей факультета, отметив важность международного сотрудничества ученых-славистов, и выразила уверенность, что такие встречи станут хорошей платформой для диалога культур.

В 2014 году состоялись три заседания Стилистической комиссии (*март 2014 года* – Беларусь, Минск, Институт журналистики Белорусского государственного университета, *апрель 2014 г.* – Россия, Москва, Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; *сентябрь 2014 г.* – Польша, Ополе, Опольский университет). В научных конференциях приняли участие ученые из Австрии, Белоруссии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Польши, России, Сербии, Словакии, Украины, Чехии. Доклады участников опубликованы в журнале *Stylistyka / red. nac. Ewa Malinowska, № XXIII, Opole, 2014* и сборниках: *Слова ў кантэксте часу: да 85-годдзя прафесара А. І. Наркевіча: зб. навук. прац в 2-х т./ пад агул. рэд. В. І. Іўчанкава.* – Выд. цэнтр БДУ Минск, 2014; *Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции.* В 2-х ч. / под ред. проф. Г. Я. Солганика и др. – М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2014.

По инициативе профессора Н. И. Клушиной был организован сайт Стилистической комиссии (<http://www.stylistic-mks.com>).

Вышла в свет коллективная монография «Дискурс и стиль»: теоретические и прикладные аспекты / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. Особенностью данной монографии является ее дискуссионный характер: в ней не делаются заключительные выводы, а ставятся острые проблемы, которые предлагаются научной общественности для дальнейшего обсуждения.

Осенью 2014 года утверждена тема предстоящей научной конференции в Граце (16-18 апреля 2015 г., Грац, Австрия) «Интернет-стилистика», предложенная профессором Института славистики Грацкого университета имени Карла и Франца Бранко Тошовичем. В декабре 2014 года и феврале 2015 года Бранко Тошович был приглашен на факультет журналистики в МГУ имени М. В. Ломоносова для чтения лекций по объявленной теме.

Н. И. Клушина, Л. Т. Касперова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышева Светлана Фридриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: barysheva1105@rambler.ru

Безуглая Лилия Ростиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Бжозовска Дорота – доктор филологических наук, профессор кафедры польской филологии Опольского университета (Польша), заведующий кафедрой европейстики Института польской филологии; e-mail: dbrzozowska@uni.opole.pl

Василькова Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: n.vasilkova@mail.ru

Вониш Арно – кандидат филологических наук, ассистент Института славистики Университета имени Карла и Франца в Граце (Австрия); e-mail: arno.wonisch@uni-graz.at

Воронцова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка филологического факультета Челябинского государственного университета; e-mail: voron500@yandex.ru

Гайда Станислав – доктор филологических наук, профессор кафедры польской филологии Опольского университета (Польша); e-mail: stgajda@uni.opole.pl

Гоффманнова Яна – доктор филологических наук, профессор Института транслатологии Университета имени Карла в Праге, научный сотрудник отдела стилистики и лингвистики текста в Институте чешского языка Академии наук Чешской Республики; e-mail: hoffmannova@ujc.cas.cz

Касперова Лариса Тазретовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: latael@mail.ru

Киклевич Александр – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом социальной коммуникации в Институте журналистики и социальной коммуникации Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша); e-mail: akiklewicz@gmail.com

Клушина Наталия Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: nklushina@mail.ru

Коньков Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: v_konkov@mail.ru

Малиновская Ева – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики Института польской филологии и культурологии Опольского университета (Польша); e-mail: ewamal@uni.opole.pl

Малыгина Лидия Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: 9955140@gmail.com

Мареш Петр – доктор филологических наук, профессор, философский факультет Карлова университета в Праге (Чешская Республика); e-mail: petr.mares@ff.cuni.cz

Мещ Перина – доктор филологических наук, профессор теории литературы и современной хорватской литературы Мостарского университета (Босния и Герцеговина); e-mail: perinaxmeic@gmail.com

Смирнова Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: smirnovanv@yandex.ru

Солганик Григорий Яковлевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: g4sol@yandex.ru

Сурикова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: surikova.t.i@gmail.com

Тошович Бранко – доктор филологических наук, профессор Института славистики Университета имени Карла и Франца в Граце (Австрия); e-mail: branko.tosovic@uni-graz.at

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Barysheva Svetlana Fridrikhovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: barysheva1105@rambler.ru

Bezugla Liliia Rostyslavivna, Doctor of Philology, Professor, Karazin Kharkiv National University, Ukraine, School of Foreign Languages, Department of German Philology and Translation, e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Brzozowska Dorota, Doctor of Philology, Professor, Opole University, Opole, Poland, e-mail: dbrzozowska@uni.opole.pl

Gajda Stanislaw, Doctor of Philology, Professor, Opole University, Poland, e-mail: stgajda@uni.opole.pl

Hoffmannová Jana, Doctor of Philology, Professor, Czech Language Institute, Academy of Sciences of the Czech Republic, Prague, e-mail: hoffmannova@ujc.cas.cz

Kasperova Larisa Tazretovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: latael@mail.ru

Kiklevich Alexander, Doctor of Philology, Professor, Director of the Center of East European Studies, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland, e-mail: akiklewicz@gmail.com

Klushina Natalia Ivanovna, Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: nklushina@mail.ru

Konkov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philology, Professor Chair of speech communication of St.-Petersburg State University, e-mail: v_konkov@mail.ru

Malinowska Ewa, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Stylistics, Opole University, Poland, e-mail: ewamal@uni.opole.pl

Malygina Lidia Evgenevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: 9955140@gmail.com

Mareš Petr, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Arts, Charles University in Prague, Czech Republic, e-mail: petr.mares@ff.cuni.cz

Meić Perina, Doctor of Philology, Professor of literary theory and contemporary Croatian literature, University of Mostar, Bosnia and Herzegovina, e-mail: perinaxmeic@gmail.com

Smirnova Nadezhda Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: smirnovanv@yandex.ru

Solganik Grigoriy Yakovlevich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Language Stylistics, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, e-mail: g4sol@yandex.ru

Surikova Tatiana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: surikova.t.i@gmail.com

Tošović Branko, Doctor of Philology, Professor, University of Graz (Austria), Department of Slavic Studies, e-mail: branko.tosovic@uni-graz.at

Vasilkova Natalia Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: n.vasilkova@mail.ru

Vorontsova Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of Theory of Language Chair of Chelyabinsk State University, e-mail: voron500@yandex.ru

Wonisch Arno, Candidate of Philology, Assistant, University of Graz (Austria), Department of Slavic Studies, e-mail: arno.wonisch@uni-graz.at

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

Ежегодный международный научный журнал

№ 1, 2015

Редактор *Н. А. Примаченко*

Дизайн и компьютерная верстка *Е. Н. Сиротиной*

Подписано в печать 07.04.2015. Формат 60x84/8.
Гарнитура «MiniatureС». Объем 22,0 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова